Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Липецкий филиал

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ:

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник научных статей

по материалам V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 450-летию выхода в свет «Азбуки» Ивана Федорова и 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина

24 мая 2024 г.

Липецк – 2024

УДК 94(3)
ББК 63.3(49=41)4
К43

Рецензенты:
О.А. Бердникова, д-р филологических наук, профессор, зав. каф. русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук Воронежского государственного университета;
Е.В. Пронина, канд. филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка и литературы, Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого

Под общей редакцией
канд. экон. наук, доц. **А.С. Шуруповой**

Ответственный редактор
д-р филол. наук О.Ю. Усачева

Кирилло-Мефодиевские чтения: традиции и современность: материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Липецк, 24 мая 2024 г.) / под общ. ред. А.С. Шуруповой; отв. ред. О.Ю. Усачева. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2024. – 232 с.

В сборник статей вошли тексты докладов, представленных на V Всероссийскую научно-практическую конференцию с международным участием, посвященную 450-летию выхода в свет «Азбуки» Ивана Федорова и 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина. В материалах отражены результаты историко-культурных, филологических, философских, педагогических и методических исследований, проводимых в широком контексте кирилло-мефодиевского наследия.

Сборник предназначен для ученых, преподавателей, специалистов-практиков, аспирантов, студентов.

Материалы публикуются в авторской редакции.

© Коллектив авторов, 2024
© Липецкий филиал РАНХиГС, 2024
© НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2024

РАЗДЕЛ 1

ВОПРОСЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ, СОХРАНЕНИЯ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ, НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Безруких О.Е., канд. богословия, доцент, протоиерей
настоятель Никольского храма с. Каменка Задонского района Липецкой области
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия

ВОЗРОЖДЕНИЕ ДНЕЙ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация

В статье представлена история возрождения в современной России празднования Дней славянской письменности и культуры, забытого в советский период.

Ключевые слова: Россия, культура, письменность, Кирилл, Мефодий, история, возрождение, традиции, празднование.

Празднование Дней славянской письменности и культуры в современной России является данью уважения к подвигу святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, которые принесли на славянскую землю письменность, заложили основы культуры и духовной жизни как русского, так и других славянских народов.

Выдающиеся памятники древнерусской письменности, иконописи, церковного пения и архитектуры, многочисленные примеры высокой нравственности и святости жизни, явленные нашими предками, свидетельствуют о том, насколько плодотворной оказалась миссия Солунских братьев-просветителей. Множество бесписьменных этносов, войдя в состав России, в свою очередь приобщились к культурному достоянию славян, обрели письменность, получили возможность не только читать, но и развивать собственную литературу и культуру.

Подобно тому, как великие реки имеют своим истоком небольшие ручейки, так и нынешнее широкое празднование Дней славянской пись-

менности и культуры в России и соседних славянских странах имеет своим началом скромное по масштабам первое празднование памяти святых Кирилла и Мефодия в Болгарии в 1803 году. Но для порабощенных турками болгар оно стало важным событием, содействовавшим росту национально-освободительного движения. Через шестьдесят лет празднование достигло России, и в 1863 году в Санкт-Петербурге отметили 1000-летие создания славянской азбуки Кирилла и Мефодия. Праздник стал ежегодным, а изучение в школах славянского языка – повсеместным [1].

После октябрьской революции 1917 года Россия стала государством господствующего атеизма, православие в стране подвергалось преследованию, славянский язык как язык церковной молитвы стал ненужным, праздник Кирилла и Мефодия был забыт.

Но Церковь сберегла и славянский язык, и праздник. Ежегодно 24 мая в день памяти святых Кирилла и Мефодия в храмах священники напоминали народу, что именно благодаря подвигу Солунских братьев мы имеем письменность, что нашей первой книгой стало Священное Писание, что славянский язык остается языком церковной молитвы у нас и у всех братских славянских народов.

В 1985 году славянские народы отмечали 1100-летие со дня кончины святого Мефодия. В СССР с самым многочисленным славянским населением решили не оставаться в стороне, и день 24 мая был объявлен как «Праздник славянской культуры и письменности». Но на этом всё остановилось, это было одноразовое государственное мероприятие.

А дальше, как в Болгарии XIX века, праздник святых Кирилла и Мефодия в советской России послужил толчком к постепенному духовно-религиозному возрождению общества.

В 1986 году в Мурманске – самом северном городе страны – группа энтузиастов во главе с местным писателем Виталием Семеновичем Масловым (1935–2001 гг.) решили у себя отметить «День письменности». Узнав об этом, правительство Болгарии поддержало их. В знак признательности Мурманску подарили изготовленную болгарским скульптором Владимиром Гиневски точную копию памятника Кириллу и Мефодию, стоящего в Софии. Бронзовый памятник высотой шесть метров провезли через Болгарию, Украину, Белоруссию и доставили в Мурманск 22 мая 1990 года, установив перед зданием областной научной библиотеки [2].

В том же 1986 году в другой части страны в сибирском городе Томске местные писатели накануне дня памяти святых Кирилла и Мефодия стали группами ходить в школы, читать свои стихи и рассказы. Весной 1988 года писатели Александр Казанцев (1952–2007 гг.), Виталий Решетько (1936 – 2020 гг.), Борис Климычев (1930–2013 гг.) пригласили к участию томских священников, и те рассказывали школьникам о самых пер-

вых святых славянских учителях. Движение с каждым годом ширилось, и вслед за школами в нем приняли участие все томские институты и университеты. Аналогичное движение охватило и другие города.

В ответ на инициативу провинции Президиум Верховного Совета РСФСР 30 января 1991 года принял постановление о ежегодном проведении «Дней славянской письменности и культуры» [3].

Весной 1991 года Патриарх Московский и всея Руси Алексий II первым из российских патриархов совершил визит в Сибирь. Посетив города Барнаул, Бийск, Новосибирск и Томск, встретившись с писательской и научной интеллигенцией, со студенческой молодежью, он предложил возродить в Сибири Томскую духовную семинарию.

В 1992 году в Томске открылась Семинария, которая подхватила инициативу томской писательской организации и сама стала центром Кирилло-Мефодиевских чтений в городе и области. Духовенство и преподаватели, семинаристы и студенты томских вузов в период Чтений на площадках университетских библиотек встречались, выступали с докладами, активно общались, лучше узнавали друг друга. Среди организаторов Чтений, редакционной коллегии были благочинный храмов Томской области протоиерей Леонид Хараим, ведущие преподаватели томских университетов Ольга Тимофеевна Лойко, Рената Евгеньевна Мохова, преподаватели и студенты Томской духовной семинарии.

На первые Кирилло-Мефодиевские чтения в 1992 году из Москвы в Томск приехал Сергей Сергеевич Хоружий (1941–2020 гг.), доктор наук, советский и российский физик-теоретик, математик, философ, богослов, автор синергийной антропологии. Свои впечатления об увиденном он выразил в таких словах: «Начинание в Томске – это пока единственное в России явление, когда достигнут консенсус Церкви и интеллигенции (гуманитарной и технической)».

Томск – город инициативных людей. Здесь писательская организация начала проводить совместно с Церковью масштабные Дни славянской письменности и культуры, здесь в 2011 году движение «Бессмертный полк» было инициировано в его современном виде.

Томский опыт проведения Дней славянской письменности и культуры (второе название – Кирилло-Мефодиевские чтения) послужил своего рода образцом для других городов.

В Томске и Томской области Кирилло-Мефодиевские чтения начинаются в середине апреля (задолго до школьных экзаменов и летней сессии в вузах) и завершаются 31 мая. Секции самых разных направлений, литературные, художественные, музыкальные конкурсы проходят во всех школах и вузах. В день памяти равноапостольных Кирилла и Мефодия 24 мая в главном храме города митрополит служит Божественную литургию, и затем всё духовенство города и обла-

сти в сопровождении сонма народа крестным ходом шествует на центральную городскую площадь, где совершает молебен святым Кириллу и Мефодию [4]. В администрации Томской области во главе с митрополитом и губернатором проходит пленарное заседание Чтений [5]. В завершение для участников Чтений выступает с праздничным концертом томский сводный детский хор (свыше 500 детей) [6]. Все мероприятия подробно освещаются в СМИ. По итогам Чтений выпускается сборник докладов и выступлений.

Дни славянской письменности и культуры стали всероссийским праздником. До 2010 года столицей праздника каждый раз избирались разные города России. С 2010 года основные торжества проводятся в Москве. В рамках праздника тематические мероприятия с большим или меньшим размахом проходят в сёлах и городах по всей стране. Но самые масштабные бывают, конечно же, в Москве. Кульминацией праздника является патриаршая литургия в храме Христа Спасителя и большой праздничный концерт на Красной площади. На протяжении 16 лет торжество праздника усугубляется тем, что 24 мая – это еще и день тезоименитства (именины) Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

День славянской письменности и культуры – это праздник нашего русского языка, нашей великой литературы и нашего культурного наследия. Этот праздник объединяет всех россиян. В нем заложен большой потенциал. Он органично соединяет историческую, государственную, национальную и церковную составляющие. Он мог бы стать одним из главных народных праздников не только России, но и всего славянского мира. Но для его популяризации нужно многое сделать. Наши священнослужители предлагают интересные инициативы [7].

Например, «Тотальный диктант», который проводится в начале марта, можно было бы приурочить к Дню славянской письменности и культуры. Это полностью совпадает с идеей праздника.

Также и Всероссийскую олимпиаду по русскому языку можно было бы проводить в этот день и дать возможность участвовать в ней не только школьникам, но и разным возрастным категориям. Это обеспечит празднику всенародный статус.

На центральном телевидении провести тематическую викторину «Что? Где? Когда?», посвященную нашей азбуке.

В этот день можно объявить «Час всероссийского чтения». В 20:00 часов предложить взять с полки любимую книгу и почитать её в семейном кругу с близкими и родными.

На народном шествии во время крестного хода можно взять в руки любимые книги. Или нести воздушные шары с буквами славянского алфавита, которые в конце шествия можно запустить в небо. Получилось бы красивое зрелище – небо в славянских буквах.

Все великие реки, начинаясь с маленьких ручейков, в конечном итоге впадают в мировой океан. Дни славянской письменности и культуры наряду с другими замечательными нашими церковными и гражданскими праздниками призваны объединять нас и увлекать в необъятный океан Русского мира!

Список цитируемой литературы:

1. Дни славянской письменности и культуры. – URL: https://pravoslavie.ru/17498.html (дата обращения: 22.05.2024).

2. Как помор возродил День славянской письменности в России. – URL: https://tass.ru/arktika-segodnya/4274697 (дата обращения: 22.05.2024).

3. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/901606593 (дата обращения: 22.05.2024).

4. Новости Томской епархии. – URL: https://tomskeparhia.ru/newses/mitropolia/?id=2411 (дата обращения: 26.05.2024).

5. Новости Томской епархии. – URL: https://tomskeparhia.ru/newses/mitropolia/?id=2403 (дата обращения: 23.05.2024).

6. Новости Томской епархии. – URL: https://tomskeparhia.ru/newses/mitropolia/?id=1656 (дата обращения: 23.05.2024).

7. Отец Геннадий Беловолов. Как праздновать День славянской письменности и культуры? – URL: https://vk.com/wall76757957_3711 (дата обращения: 22.05.2024).

Блохин В.В., д-р ист. наук, профессор
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
г. Москва, Россия

АКТУАЛЬНОСТЬ ТРАДИЦИИ

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о роли ценностей в развитии социума, показана роль традиции как механизма их передачи. Опираясь на исторические факты, автор показывает механизмы и факторы «слома» традиции, ведущие к воспроизводству феномена нигилизма и уничтожения цивилизации. Конструктивное развитие общества возможно только при условии преодоления нигилизма и возвращения к религиозно-духовному и историческому опыту, к живой традиции.

Ключевые слова: ценности, нигилизм, традиции, социокультурный кризис, вестернизация, интеллигенция, раскол.

Трудно подобрать адекватный и сопоставимый с современной реальностью термин. Одни эксперты говорят о «новой холодной войне-2.0», другие – о «гибридной войне», третьи описывают ситуацию как Четвертую мировую войну, составным элементом которой является война смыслов (ценностей) – когнитивная война.

Очевидно одно: в основе современного геополитического и военного противоборства лежит борьба не только за модель мироустройства, но и за желаемый образ человека, за смыслы. Современная западная культура постмодернизма выдвинула идеал человека как гипертрофированного индивида с релятивистской нравственностью, для которого нет святынь и абсолютных ценностей. Брошенный в собственную субъективность и противопоставленный миру как изолированный «атом» такой человек рельефнее всего выражается образом Мишеля Фуко – «лицо на песке». Ему противостоит образ русской христианской культуры, согласно которой человек – «образ Божий», венец Божьего творения.

Драматичность ситуации усиливается осознанием рубежности испытываемого момента. Вопрос стоит так: быть или не быть России как неповторимой цивилизации, как уникальному социуму. Сохранить самобытность и на основе лучших качеств своей цивилизации двигаться вперед или стать колонией Запада – такова историческая дилемма современности. Именно по этой причине вопрос сохранения традиционных ценностей приобретает экзистенциальное значение. По этой причине Указ о сохранении духовных ценностей, принятый Президентом осенью 2022 г., имеет стратегический характер, поскольку определяет контуры желаемого будущего.

Значение ценностей определяется их ролью в механизме функционирования культуры и общества. Президент В.В. Путин определил их в качестве «нравственных ориентиров», своеобразных маяков для общества, определяющих его направленность. Исследователи подчеркивают, что они связывают человека с миром, придают всей деятельности человека субъективно-ценностное отношение. Возникает субъект-объектное отношение между человеком и миром, в котором мир рассматривается под углом зрения значения (ценности) объекта для субъекта [3, с. 373].

Определяющее значение ценность имеет для самосознания человека. «Ценность есть смысл, имеющий побудительный для человека – акционный характер, являясь тем внутренним фактором, который вызывает и направляет его действия, будучи их движущей силой», – справедливо отмечает И.Г. Сухина [3, с. 374].

Механизм ценностей в полной мере реализуется в долженствовании, выражающем идеальные и высшие мотивации человека, поднима-

ющиеся до уровня т.н. «метафизических ценностей», наполненных предельным смысловым содержанием. «Такие ценности, как священное или известная аксиологическая триада: «добро – истина – красота» демонстрируют высшую степень долженствования» [3, с. 375]. В свое время значимость таких метафизических ценностей тонко подметил Ф.М. Достоевский. Размышляя о нравственном самосознании русского народа в «Дневнике писателя» за 1876 год, великий «тайновидец духа» писал: «… Судите наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили ее навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и всё это в самом привлекательном гармоническом соединении» [2, с. 48].

Ценности телеологичны, поскольку содержат смыслы и цели человеческой деятельности. Очевидно, что цели человека побуждаются, мотивируются ценностями. Вся сознательная деятельность человека окрашена ценностями. Когда же заявляют, что человек руководствуется только и исключительно интересами, прежде всего материальными, то трудно избежать искушения воспринять такой панэкономический подход как чрезвычайно искаженный и утопичный, ведь даже экономический интерес моделируется системой ценностных координат. «Интересы могут разъединять, тогда как ценности, наоборот, объединяют... За интересы люди готовы убивать, а за ценности -умирать» [1, с. 108]. Показательно, что и как в сложные периоды отечественной истории, в 1812, в 1941–45 гг., так и сегодня на полях СВО наши люди воюют и умирают преимущественно за ценности.

Наконец, система ценностей определяет социокультурную идентичность самого общества, отличает одно общество от другого. Совокупность ценностей в их иерархии и структурной определенности составляет национальную идею («большую идею»), обусловливающую качественное отличие одной культурной суперсистемы (цивилизации) от другой. «Большая идея», сверхценность, «ценностное» духовное ядро – вот что действительно управляет культурными мирами и делает общества духовно различимыми. Как идея «героя» была присуща древним грекам, богоизбранность и религиозный мессианизм – евреям, так идеалы Православия и восточного христианства свойственны «русской цивилизации». Очевидно, что такие ценности вобрали в себя и теперь основываются на фундаментальных экзистенциальных основаниях, отбиравшихся в процессе культурно-исторического творчества и закреплявшихся в национальных архетипах.

Эта несопоставимость «ценностных» качеств культур является причиной цивилизационных противоречий, конфликтов и войн, о которых еще пророчествовал в 1990-е г. С. Хантингтон. Война цивилиза-

ций, различающихся между собой уникальными ценностями, сегодня стала очевидностью. Запад с его культурой постмодерна вступил в непримиримое противоречие с традиционными культурами-цивилизациями глобального Юга и глобального Востока.

Для понимания механизмов развития обществ важно выяснить причины, порождающие конфликты ценностей, «ценностные кризисы». Ответ сокрыт в механизме передачи «ценностей», которым является традиция. Святейший Патриарх на Всемирном Русском соборе емко охарактеризовал традицию: «Традиция – это механизм передачи ценности от одного поколения к другому… В традицию включаются не только ценностные измерения, но и культурные – мы говорим о культурной, национальной традициях в литературе, музыке, изобразительном искусстве. Но сердцевиной традиции является система ценностей... Любая норма входит в человеческое сознание через традицию» [3, с. 81].

Разрушение традиции и соответственно ценностей ведет к нарушению идентичности народа, исчезновению его духовного и культурного «лица». К сожалению, история России изобилует духовными катастрофами: «И в мире нет истории страшней/ безумней, чем история России» (М. Волошин). В историческом опыте русской цивилизации можно выделить, по нашему мнению, несколько способов разрушения традиции. Первым следует считать *некритическое заимствование чуждых ценностей*, механический перенос из чуждой социокультурной среды, чем особенно отличалась российская интеллигенция и часть политической элиты страны. По ее мнению, заимствования должны были ввести страну в плеяду передовых европейских культур. При этом российские западники apriori полагали, что Россия изначально отстала из-за своей погруженности в комплексы темной византийско-православной застойности. Показательный и концентрированный пример тому – общественный кумир Александр Герцен, и поныне являющийся воплощенным символом борьбы с исторической государственностью. В.В. Розанов как-то провидчески отметил подобный склад мышления, в котором гипертрофирована «самочинность» человека, следствием чего является нигилизм. «Нигилизма вы не знаете, потому что не видите, что западничество принимается худшими сторонами русской души, что нигилизм его логический плод» [4, с. 162].

Именно нигилизм – фундаментальная черта интеллигентского самосознания, точка отсчета неприятия всего национального, исторически-оправданного. В нигилистическом мировоззрении Россия выступает как вечная неудачница, ученица передового Запада. При этом для нигилистов абсолютно неважно, что и как ты заимствуешь, будь то либеральные рецепты развития страны или утопические химеры грядущего счастья. С точки зрения нигилизма исторический опыт страны – пример дурной дей-

ствительности, некоего культурного небытия. Этим оправдывается непреклонное желание начать с «чистого листа», отправив культуру на «свалку истории» или в очищающее жерло огня классовой ненависти.

Вместе с тем в начале XX века вдумчивые русские люди ощущали приближение нигилистической катастрофы. Н.С. Трубецкой в своем классическом труде «Европа и человечество» аргументированно доказал, что *полное заимствование романо-германской* (западной – В.Б.) культуры невозможно в принципе, а частичное вживление чуждой культуры в русскую неизбежно порождает зависимость и отсталость от «авангарда» человечества. «Если мы посмотрим, какие доказательства приводятся в пользу большего совершенства романо- германской цивилизации, стоящей на вершине "эволюционной лестницы", по сравнению с культурой "дикарей", "стоящих на самой низкой ступени развития", – то с удивлением заметим, что все эти доказательства основаны либо на petitio principii эгоцентрических предрассудков, либо на оптическом обмане, вызванном тою же эгоцентрической психологией. Объективных научных доказательств нет вовсе», – писал Трубецкой [6]. При таком «копировании» всегда ослепляющим светом будет «сиять» демократический «Град на холме», порождая и плодя сервильную интеллигенцию с комплексом исторического раболепства. Опыт вестернизации России в XVIII–XIX вв. в полной мере показал нигилистическую природу отказа от национальных ценностей и традиций. Подмена вековых национальных ценностей внешними, взятыми вне адаптации к условиям культуры, в полной мере продемонстрировала ее деструктивность, привела к хаотизации социального пространства. Частичные заимствования, «карнавальность» элементов новой культуры, взятой без творческого переосмысления, породили уродливые феномены «пошлости», «мещанства», бездуховности, «отщепенства». Напротив, великие феномены отечественной культуры связаны с творческим синтезом европейского и национального, переработкой и преображением в горниле национального русского духа, о чем свидетельствует нетленное наследие русского гения А.С. Пушкина.

Некритическое и нигилистическое отношение к традиции неизбежно порождает появление сервильного западного меньшинства (авангарда), противостоящего пассивному большинству (декабристы-либерально-западническая модель), народники (демократическая, но тоже западническая модель), марксисты, современные западники-либералы. Потрясает неискоренимое желание быть другими! Поразительно, но все они – порождение культурного раскола с большинством населения страны, с традиционным христианством. Культурная аномия «авангарда» неизбежно ведет к появлению духовной смуты и революционному слому традиции.

«Русская революция в смысле отрицания – самая радикальная из всех доселе бывших: она отрицала не только определенную политическую форму правления или господство классов или сословий, она отрицала собственность, религию, государство, даже национальность; началом ее был неслыханный в истории факт – отрицание национальной самозащиты, национальное самоубийство во время войны, как бы восстание против элементарного инстинкта национального самосохранения. В ее дальнейшем течении она явила не только фактическое попрание (что случается во всех революциях), но и принципиальное отвержение всех бесспорных в европейском обществе морально-правовых устоев. Во имя чего? Этот положительный идеал можно определить разве только так: во имя безграничной самочинности рационального устроения жизни», – отмечает С.Л. Франк [7, с. 14] Именно этот идеал самочинной личности и обнаружил полную несостоятельность: «Русская революция есть историческое reductio ad absurdum, экспериментальное изобличение неправды идеала самочинного устроения жизни, руководившего человечеством за все последние века. В ее лице совершается крушение вавилонской башни, которая строилась человечеством в течение четырех веков. Путь, на который человечество вступило с эпохи ренессанса и реформации, пройден до последнего конца; «новая история» кончается на наших глазах. И начинается какая-то подлинно «новейшая история», какая-то совершенно иная эпоха» [7, с. 18].

В начале XX века популярной была фраза Ф. Ницше «Бог умер»! Сегодня эта фраза дополняется еще одним страшным аспектом – отныне и «Человек умер»! Святейший Патриарх Кирилл предупреждает о «конце времен», о не только духовной, но и физической гибели человечества. «Постгуманизм», кибергизация человека сегодня на Западе поставлены в практическую плоскость создания «нового дивного мира», который, по верным словам И. Валлерстайна, будет иметь подобие «демократического фашизма», духовным выразителем, как когда-то вновь становится популярный в Европе нигилист Ф. Ницще. «Речь идет о кастоподобном делении мира на два слоя; верхний включал бы, возможно, пятую часть мирового населения…. Гитлеровский новый мировой порядок представлял такое видение мира. В прошлом он потерпел поражение, но тогда он определял себя с точки зрения и в интересах слишком узкого верхушечного слоя», – отметил американский политолог.

Единственной преградой остается сила религиозной и исторической традиции, благодаря которой и побеждала Россия!

Список цитируемой литературы:

1. Андреюк, В. Ценности России / В. Андреюк // Обозреватель – Observer 2022. – №11. – 12. – С. 107–123.

2. Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений в пятнадцати томах / Ф.М. Достоевский. – Спб.: Наука, 1994. – Т.13.

3. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Слово о традиции и современном монашестве / сост. А. В. Щипков. – М.: Всемирный Русский Народный Собор, 2016. – 111 с.

4. Розанов, В.В. Литературные изгнанники. Воспоминания. Письма /В. В. Розанов. – М.: Аграф. – 2000. – 368 с.

5. Сухина, И.Г. Ценность как универсальный антропологический феномен: основы философского анализа / И. Г. Сухина // Liberal Arts in Russia. – 2015. – Vol. 4. – № 5. – С.368–380.

6. Трубецкой, Н.С. Европа и человечество / Н.С. Трубецкой. – София. – 1920. URL: http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns03.htm (дата обращения: 21.08.24).

7. Франк, С.Л. Религиозно-исторический смысл русской революции / С.Л. Франк // Мосты: Сборник статей к 50-летию русской революции. Мюнхен. – 1967. – С.7–32.

Курачев Д.Г., д-р филос. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Брянский филиал г. Брянск, Россия
Курачева Л.Г., канд. психол. наук, доцент
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, Россия

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕМАРКАЦИИ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО И ЭТНИЧЕСКОГО В НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация

В статье анализируются вопросы, связанные с демаркацией этнического и конфессионального в национальной культуре. Иллюстрируется ведущая роль конфессионального в общем конструкте этноконфессиональной идентичности. Показываются позитивный и негативный аспекты этноконфессионального ренессанса в мире и в Российской Федерации. Обсуждается вопрос об актуальности государственного контроля за этноконфессиональной сферой общества.

Ключевые слова: конфессиональная консолидация, антирелигиозная идентичность и ренессанс.

В настоящий момент общемировой тенденцией является глобальное явление, которое можно назвать ренессансом религиозной и национальной идентичности. Данный процесс происходит на фоне другого социального тренда – нового «Переселения народов». Так, в США, в Европе, в Российской Федерации огромные массы мигрантов и релокантов приходят на новые для себя территории, принося с собой собственные культуру, традиции, нравы и обычаи. Речь идет прежде всего о мусульманском населении, мигрирующем из стран Ближнего Востока, Средней Азии и Юго-Восточной Азии, Кавказа, Северной Африки. Ввиду того, что данная категория населения планеты перемещается на территории, по факту и исторически преимущественно христианские, встает вопрос о некоем новом противостоянии между различными культурными мирами.

Проблема в последнее время стала особенно актуальной в контексте понимания, что такое национальная культурная идентичность. Происходит очевидная социально-культурная трансформация, когда некогда монолитные в этноконфессиональной демографии территории и регионы вдруг за короткое время перестают быть таковыми.

В России, где русская этноконфессиональная идентичность представляется титульной, ситуация постепенно изменяется не в пользу сложившейся культурной титульности.

После изменения демографического статуса возникает ряд сопутствующих проблем, которые так или иначе приходится решать. Сделать это не так просто. Пресловутые теории типа «плавильный котел», «мультикультурность», «единство в многообразии» и другие подобные были красивыми только в «книжных абстракциях», но на практике оказалось, что они на реальную объективную действительность либо накладываются очень плохо, либо попросту не работают. Большинство мигрантов не желает ассимилироваться на новых территориях, но, напротив, намеренно подчеркивают свою этноконфессиональную идентичность и культивируют ее уже на тех местах, куда пришли. Работают вместе замкнутыми общинами и селятся анклавами.

Очевидно то, что процессы секуляризации и глобализации наложили серьезный отпечаток на некогда автономные культурные анклавы. Однако вместе с тем очевидно, что национальная и религиозная идеологии де-факто никуда не делись, не являются, как многим представлялось, тенью забытых предков. Напротив, они с новой силой продолжают быть действующими социальными акторами, имеющими свою собственную объективную логику, которую не всегда удается заранее предсказать и точно проанализировать. При этом очевидно, что одной из сторон процесса этноконфессионального ренессанса является его выход за собственные пределы, в гораздо более широкую политическую, экономическую и социальную плоскость.

Демаркация и соотношение религиозного и этнического

При внимательном рассмотрении этическое и религиозное только на поверхности кажутся неким единым целым, на деле эти два феномена оказываются различными по многим параметрам.

Начнем с того, что современные монотеистические доктрины: ислам, христианство, по природе и назначению – наднациональны. Между тем в народном сознании (независимо от национальной конкретики) за долгие периоды истории, столетия, а порой тысячелетия произошло сращивание этнического и конфессионального в некую единую монолитную эмоционально-мировоззренческую конструкцию, которую достаточно сложно когнитивным образом, логически демаркировать. В глазах обывателей это стало чем-то абсолютно нераздельным: русский – значит православный; татарин – значит мусульманин и т.п. Монотеистические мировые религии мощно вошли в этническую жизнь, впитав и растворив старое языческое в ней. Полностью, где это было возможно, заменили собой седую архаическую языческую древность. Так христианство и ислам стали выполнять локальную этноцентрическую функцию, как это было в случае со славянами: сербами, хорватами, боснийцами, русскими, поляками и др. В частности, на Балканах ислам, католицизм и православие разделили между собой некогда единую языческую общность западных славян. Парадоксально то, что этноцентрическая роль мировых религий стала несомненной, а в некоторых конкретных случаях – определяющей. Безусловно, это отзывается и на современной национально-религиозной идентичности. Дилемма «идеологического веса» национального и религиозного склоняется в большей мере в пользу последнего. Религиозная система выступает в роли естественной культурной среды и воспринимается индивидами, ее составляющими, как национальная.

Да, действительно, конечный выбор остается за личностью. Еще Г.Г. Шпет говорил о возможности изменения национальной идентичности, «ее смене» [4]. Это возможно, но в практике встречается редко. То, что люди меняют вероисповедание, факт известный, однако доля так называемых ренегатов (лат. renegatus, от renego — «отрекаюсь») по отношению к общему числу приверженцев ничтожно мала. Это то, что касается национальности. Меняя же вероисповедание, личность утрачивает часть своей идентичности и почти полностью девальвирует национальную ее составляющую. Так, опрашиваемые нами сектанты [1] отвечали: «у вайшнава (кришнаита) нет национальности», «для Кришны национальность не важна», «национальность не имеет значения» и т.п. Несколько респондентов даже пожаловались на то, что они русские, поскольку славянские антропологические черты внешности никуда не делись.

Сходные тенденции можно наблюдать у молодых славян, принявших ваххабитский ислам: «у мусульман нет национальности», «у мусульманина национальность – мусульманин». Похожая тенденция прослеживается у принявших гиюр, их новая идентификация делает их уже по определению евреями.

Что же получается? Принятие нового вероисповедания является средством изменения прежней национальной идентичности. Через намерение влиться в новую религиозную общность изменяется прежний образ мировоззрения и самосознания. Однако это на деле не всегда так однозначно. Так, при проведении исследования свидетелей Иеговы [2] оказалось, что русские свидетели Иеговы к исламу относились значительно более негативно, чем позитивно. А татары и башкиры-свидетели Иеговы – в целом позитивно. Речь идет о том, что их приобщенность к новой вере не изменяла положительного отношения к прежней. Вероятнее всего, принятие нового вероисповедания не всегда влечет за собой полную девальвацию прежней религиозной и национальной идентичности. Последняя демонстрирует изрядную живучесть, и ее полная нивелировка, по-видимому, просто невозможна. Если же происходит реставрация автохтонной этноконфессиональной идентичности, то, очевидно, происходит взаимное усиление национального и религиозного.

Несмотря на то что монотеистические религии объединяют и вмещают самые разные этносы, конфессиям свойственно выполнять функцию хранителя, а где-то и реставратора этнонациональных традиционных ценностей. Иногда в силу исторической памяти с этим связано и возрождение старых, некогда забытых межнациональных и межрелигиозных проблем. Однако в обыденной жизни у разных национальностей в старой дореволюционной России не наблюдалось раздоров и проблем, пока не был затронут религиозный догматически-мировоззренческий аспект.

Выходит, что национальная компонента не подразумевает ценностный мировоззренческий конфликт, а конфессиональный, напротив, предусматривает.

Итак, при кажущемся синкретизме религиозного и национального нужно разводить эти феномены. Они имеют различную природу: «свое собственное семантическое содержание и перцептивный знаково-символический диапазон» [2].

Диалог культур в значительной степени является диалогом конфессий, этническая компонента лишь встраивается в данный диалог и выполняет скорее сопутствующую функцию.

В определенном смысле религиозные верования наднационального монотеизма как бы надстраиваются над этнической идентичностью, выступая в качестве своеобразной квазилокальной идеологии. И что

важно, данная сфера очень чувствительна к внешним злоупотреблениям и манипуляциям, ее частенько используют в своих корыстных интересах заинтересованные стороны.

Позитивный и негативный аспекты этноконфессионального ренессанса

Позитивным фактором этнорелигиозного ренессанса является наработанный тысячелетиями внутренний контроль поведения и следование заповедям: не убий, не укради, не прелюбодействуй и др. Интериоризированые религиозные эталоны обусловливают эффективный инструмент общественного контроля. Конфессиональное возрождение не просто увеличивает моральную составляющую общества, снижая преступность и повышая общий уровень культуры, но в целом усиливает мобилизационный потенциал народа. Усиливается также внутригрупповая консолидация, и повышается общая пассионарность общества. Религия, – пишет Р. Фридланд [3], – является средством национальной консолидации с возможностью экзистенциального и коллективного целеполагания и исторической идентификации.

В идеале религия есть инструмент общественной безопасности, нравственности и культуры ее народа, своеобразный метафизический двигатель его цивилизованного развития.

Однако при усилении религиозности в обществе запускается известный в социальной психологии закон внутригруппового фаворитизма и межгрупповой дискриминации. А именно – этнорелигиозная групповая и ценностная солидарность приводят к актуализации различий. Представители собственной группы становятся хорошими, а иной – враждебными. То есть при усилении фаворитизма к «своим» усиливается так же и дискриминация к «чужим». Внутри собственной группы увеличивается межличностная адекватность, лояльность, терпимость, снижается агрессия и остаточная фрустрация. И напротив, весь негатив склонен проецироваться на тех, кто не разделяет верований и не является представителем собственного народа. Другими словами, религиозные добродетели склонны реализовываться внутри собственной общности, а с «чужими» увеличивается вероятность конфессиональной конфронтации, растет нелояльность и увеличиваются недоверие и агрессия. В крайних вариантах представители иной веры и национальности персонализируются и лишаются эмпатийной перцепции.

Если сравнить процессы фаворитизма и дискриминации в поликультурном обществе, то тенденция социального размежевания, к сожалению, становится преобладающей в сравнении с амортизацией социальной агрессии.

Проблема усугубляется тем, что описываемые культуры характери-

зуются не просто различиями, но онтологическими противоречиями. По понятным причинам в поликультурном Российском государстве они являются катализаторами социального размежевания и обособления.

При этом, как показывают опыт и практика, данные противоречия не всегда находят свою социальную объективацию. Для их проявления нужны определенные условия, в частности: политика чрезмерных либеральных свобод, отсутствие должного внимания власти и правоохранительных органов.

Ещё одной проблемой выступает радикализм внутри религиозных сообществ. Радикальные религиозные группы очень закрыты в своем информационном пространстве, во многом их идеология откровенно враждебна магистральной в государстве. Кроме того, этнорелигиозный радикализм нередко используется в качестве «когнитивного оружия», как средство «промывания мозгов», содержит в себе исключительную возможность манипулирования мировоззренческими ориентирами и моделями, а «этнический материал» выступает как своего рода идеальная мишень подобного рода манипуляции. В итоге вместо человеколюбия и сдерживания конфронтации, социального порядка и устойчивого развития можно получить межконфессиональный конфликт в совокупности с межэтническим размежеванием и ненавистью.

Следует также добавить, что деструктивный и конструктивный факторы в значительной степени определяются конкретной этнопринадлежностью. Здесь необходимо учитывать адресность в контексте имеющейся исторической памяти и наработок. Так, к примеру, нами было обнаружено, что между мусульманами и православными Башкортостана, Татарстана и смежных территорий Поволжья и Прикамья актуален толерантный тип отношений [3]. Что показывает возможность (и необходимость) конструктивного взаимососедства различных культурных миров в современной России. Однако это должно происходить и осуществляться без ущемления прав представителей титульной культуры.

Необходимо также отметить, что вопреки либеральной идеологии нельзя отпускать этническую и конфессиональную политику в область так называемой «естественной» социальной саморегуляции. Эти сферы отнюдь не являются самодостаточными субъектами гражданского общества и нуждаются в регуляционном опосредовании со стороны государства. Радикальные и экстремистские этноконфессиональные группы могут способствовать общественной деструкции, иметь целью развал хрупкого социального согласия и в целом политического устройства. От того, как верующие разных конфессий и представители различных национальностей будут воспринимать иных/чужих, во многом зависит общественный порядок. Данными сторонами общественной жизни необходимо стратегически, целенаправленно и разумно управлять.

Список цитируемой литературы:

1. Курачев, Д.Г. Межконфессиональные отношения: формы и содержание (опыт философского анализа): Монография / Д.Г. Курачев. – Брянск: Изд-во Брянского филиала РАНХиГС, 2012. – 358 с.
2. Курачев, Д.Г. Психологические особенности самосознания юношей и девушек из религиозного движения «М.О.С.К.»: дисс… на соиск. степени к. психол. н. – М., 1997. – 200 с.
3. Фридланд, Р. Когда в истории появляется Бог. Институциональная политика религиозного национализма / Р. Фридланд // Социс. – 2000. – № 3. – С. 90 – 93.
4. Шпет, Г.Г. Введение в этническую психологию. Сочинения / Г.Г. Шпет. – М.: Правда, 1989. – 446 с.

Фомичев А.Н., канд. экон. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Калужский филиал
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
г. Калуга, Россия

ЖИЗНЬ И СЛУЖЕНИЕ РАВНОАПОСТОЛЬНЫХ БРАТЬЕВ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ КАК СВЯТООТЕЧЕСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О ЛЮБВИ ХРИСТИАНСКОЙ

Аннотация

«Свет Христов просвещает всех!» Эта литургическая фраза поистине может быть эпиграфом для святого жития и подвига равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия. Ведь именно благодаря их стараниям свет истинного христианского учения, свет любви христовой достиг сердец славянских народов, в то время ещё пребывавших преимущественно во тьме язычества. Представленная статья посвящена исследованию роли учения о любви христианской в жизни, проповеди и духовном монашеском подвиге святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия.

Ключевые слова: русская культура, христианская любовь, духовное учение, просвещение славян, славянская письменность, Кирилл и Мефодий.

Не вызывает сомнений тот факт, что миссионерский труд святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия не увенчался бы успехом, если бы их жизнь и служение не были пронизаны духом истинной любви христианской.

Исключительно любовь к ближним своим, заблудшим во тьме неведения Евангелия Христова, могла побудить святых братьев отправиться в далёкое и опасное путешествие по дальним, тогда ещё варварским, странам, чтобы сделать Слово Божие понятным и доступным для духовного восприятия всем славянским народам, переведя боговдохновенные тексты Священного Писания на славянский язык. Таким образом, всестороннее и полноценное исследование роли православного учения о любви христианской в жизни и служении святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия представляется необходимым и полезным с точки зрения дальнейшего развития просветительской и миссионерской деятельности Православной Церкви.

В свете вышеизложенного тема представленного в рамках данной научной статьи прикладного богословского исследования видится актуальной и своевременной.

Объектом проведенного исследования является православное учение о любви христианской, а предметом, соответственно, место и роль упомянутого учения в монашеской жизни и миссионерском подвиге святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия.

Целью проведенного прикладного богословского исследования является изучение роли православного учения о любви христианской в жизни и подвиге святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие ключевые задачи.

1. Исследовать боговдохновенные тексты Священного Писания на предмет учения о любви Божией и любви человеческой в православном христианском контексте.

2. Выявить роль и значение любви христианской в жизни и служении святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия.

3. Разработать авторские предложения по адаптации духовного опыта жизни в любви христианской святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия в миссионерской и просветительской деятельности современной Русской Православной Церкви.

Теоретическую основу исследования составили актуальные богословские научно-исследовательские работы, посвященные православному учению о любви христианской таких отечественных богословов, как И.Г. Тимощук, Д.Д. Гоцкалюк и Т.Н. Данилова [1], И.В. Забегайлова [2], Е.А. Шарабарина [3], М.А. Пылаев [4], а также зарубежных исследователей Ж.-К. Ларше [5], R.W. Poe Hays [6], V. Černušková [7], Dorlan Naibaho, Ayu Allyssa Puteri Pasaribu [8]. В качестве фактологической основы использованы жития святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия.

В качестве основы методологии проведенного богословского исследования автором были использованы такие общенаучные методы, как сравнительный анализ, синтез, метод определения научного поля, обобщение, абстрагирование и индукция.

Результаты исследования могут представлять определенный теоретический и прикладной интерес для священнослужителей, профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов и студентов духовных учебных заведений, миссионеров и катехизаторов Русской Православной Церкви.

Святые равноапостольные братья Кирилл и Мефодий в своём жизненном пути, неся свет истинно христианской православной любви и Евангелия Господня славянам и язычникам, спустя более 800 лет повторили путь и явились продолжателями духовного подвига святого Апостола Павла. Не случайно именно Апостол Павел именуется в Книге Деяний Святых Апостолов Священного Писания Нового Завета апостолом язычников [9]. Автор гимна любви, сам руководствуясь зовом любви христианской, через всю свою жизнь пронёс служение проповеди Евангелия Христова язычникам своего времени.

В своём послании Апостол Иоанн Богослов говорит нам: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15: 13). Следуя этой истине, святые равноапостольные братья Кирилл и Мефодий в IX веке по Рождестве Христовом несли свет любви Божией через проповедь евангельского учения Господня среди славян-язычников [10]. Они поистине положили жизнь свою на алтарь христианской любви. Именно благодаря их стараниям и подвигам славянские народы получили возможность читать священные тексты Библии на родном и понятном для них языке.

Причём несли своё христианское служение святые братья Кирилл и Мефодий, преодолевая многие скорби. Им противодействовали также проповедовавшие среди славян немецкие епископы, требовавшие, чтобы богослужения совершались славянами исключительно на латинском языке. По навету немецких епископов братьев заключали в тюрьму. Немало досаждали Кириллу и Мефодию и телесные немощи, которые они могли преодолеть исключительно благодаря любви Божией.

По любви Божией к чадам своим святым равноапостольным братьям было дано откровение о местонахождении честных мощей святого папы Римского Климента.

Являют нам святые равноапостольные Кирилл и Мефодий также достойный пример любви братской. Ведь Мефодий неотлучно следовал во всех путешествиях и служениях за своим старшим братом Кириллом, не оставляя его до самой смерти.

В заключение проведенного исследования правомерно отметить, что житие, духовный подвиг и христианское служение святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия являют нам истинный пример любви христианской, причем как со стороны людей к Богу, так и со стороны Бога к чадам своим. Упомянутый пример объективным образом необходимо использовать в катехизаторской, миссионерской, образовательной и просветительской деятельности современной Русской Православной Церкви [11; 12].

Список цитируемой литературы:

1. Тимощук, И.Г. Святоотеческий тезис в психотерапии: консультативно-психологический потенциал текстов святого Паисия Святогорца / И.Г. Тимощук, Д.Д. Гоцкалюк, Т.Н. Данилова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2023. –Т. 11. – № 3. – URL: https://mir-nauki.com/PDF/18PSMN323.pdf (дата обращения: 21.04.2024).

2. Забегайлова, И.В. Святитель Тихон Задонский о месте христианских добродетелей в системе духовно-нравственных ценностей личности / И.В. Забегайлова // Наследие святителя Тихона Задонского в междисциплинарных исследованиях: история, проблемы, перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Липецк, 15–17 декабря 2022 года / Под редакцией протоиерея О.Е. Безруких, Н.В. Стюфляевой. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2023. – С. 84 – 89.

3. Шарабарина, Е.А. Любовь как этико-аксиологическая доминанта православного подвижничества (на примере русского юродства) / Е.А. Шарабарина // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2023. – Т. 9, № 1. – С. 114 – 125. – DOI 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-9.

4. Пылаев, М.А. Персонализм в теологической антропологии Э. Бруннера и в софиологии прот. Сергия Булгакова / М.А. Пылаев // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2023. – № 107. – С. 86 – 96. – DOI 10.15382/sturI2023107.86-96.

5. Ларше, Ж.-К. Исцеление психических болезней. Опыт христианского Востока первых веков // Азбука веры URL: https://azbyka.ru/zdorovie/isceleniepsixicheskix-boleznej-opyt-xristianskogovostoka-pervyx-vekov (дата обращения: 21.04.2024).

6. Poe Hays, R. W. How cursing can be an act of Christian love / R. W. Poe Hays // Anglican Theological Review. – 2023. – Vol. 105, No. 3. – P. 350-352. – DOI 10.1177/00033286231163552.

7. Černušková, V. Is it Appropriate to Call a Christian Feast an Agape? Love Feast in Clement's Alexandria / V. Černušková // Studia Theologica. – 2023. – Vol. 24, No. 4. – P. 23-42. – DOI 10.5507/sth.2022.039.

8. Dorlan Naibaho. Pengaruh Peran Guru Pak Untuk Meningkatkan Sikap Simpatik Kepada Peserta Didik Terhadap Karakter Kekristenan / Dorlan Naibaho, Ayu Allyssa Puteri Pasaribu // Jurnal Pendidikan dan Kebudayaan (JURDIKBUD). – 2023. – Vol. 3, No. 3. – P. 99-110. – DOI 10.55606/jurdikbud.v3i3.2566.

9. Ковшов, М.В. Центр богословия святого апостола Павла: триангуляция христологии, сотериологии и эсхатологии / М.В. Ковшов // Межрегиональные Пименовские чтения. – 2023. – № 20. – С. 246 – 251.

10. Фомичев, А.Н. Христианская любовь как духовная основа жития и учения преподобного Амвросия Оптинского / А.Н. Фомичев // Русская духовная культура в сознании современного человека: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 210-летию со дня рождения преподобного Амвросия Оптинского, Липецк, 20 декабря 2022 года / Под общей редакцией А.Д. Моисеева. – Воронеж: «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2023. – С. 223 – 227.

11. Фомичев, А.Н. Проблемные аспекты межгендерной коммуникации в условиях глобальных изменений / А.Н. Фомичев // Коммуникация – дискурс – дискурсивные практики : сборник научных трудов, Москва, 20 апреля 2023 года. – Москва: Б. и., 2023. – С. 234 – 242.

12. Фомичев, А.Н. Образование как фундаментальная основа современного наставничества / А.Н. Фомичев // Наставничество в управлении, экономике, образовании и социальной сфере: тренды развития: материалы Всероссийской очной научно-практической конференции, посвященной Году педагога и наставника, Липецк, 23 ноября 2023 года. – Воронеж: «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2024. – С. 159 – 163.

Харченко В.К., д-р филол. наук, профессор
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» г. Белгород, Россия

КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ: НАСКОЛЬКО ОНИ АКТУАЛЬНЫ В XXI ВЕКЕ?

Аннотация

В статье рассматриваются свыше десяти причин, по которым деятельность Кирилла и Мефодия становится актуальной в XXI веке. Это приток эмигрантов, отсутствие заимствований из русского языка, ослабление влияния нашей страны на другие страны, разъединение славян. Кроме того, это распространение лексики из сферы криминала, нежелание преподнести красоту русского языка, неучет его как средства развития мышления. Поднять русский язык – так одним словом можно сформулировать все выше сказанное, и это будет значимым продолжением высокого дела Кирилла и Мефодия.

Ключевые слова: Кирилл и Мефодий, начало самостоятельности славян, русский язык в настоящее время, разъединение славян, язык как средство развития мышления.

Празднуя 400-летие «Азбуки», отмечая её значимость, мы обычно мало задумываемся над тем, во имя чего она была создана. На Руси царствовало язычество, много было колдунов, не было письменности – всё это не могло положительно сказываться на будущем народа, и Кирилл и его брат Мефодий предприняли, казалось бы, невозможное: создали азбуку, сформировали письменность, определили вехи дальнейшего развития нации. Честь и слава им за это, заслуженная честь и великая слава!

«Наш народ, – говорилось в послании Ростислава Михаилу III, – отверг язычество и содержит закон христианский. Только нет у нас такого учителя, который бы веру Христову объяснил нам на родном языке. Другие страны, увидя это, пожелают идти за нами. Посему, владыко, пошли к нам такового епископа и учителя, ведь от вас во все страны добрый закон исходит». Кирилл и Мефодий разработали новую азбуку и стали переводить на славянский язык Священное Писание. Тем самым они совершили настоящую революцию: до этого в Европе считали, что нести слово Божие дозволено лишь на трех языках — иврите, греческом и латыни. Кирилл и Мефодий положили начало самостоятельности славян на Земле среди других племен и народов. Большего никто не может дать своему потомству».

Задумаемся, во имя чего всё это создавалось. Азбука, письменность – чтобы книги входили в каждый дом, письменность – чтобы ис-

торические события не исчезали, не канули в Лету, азбука – чтобы русский народ шел своим путём, не подражая иностранцам.

Всё сказанное звучит весьма актуально для XXI века. Что творится на наших глазах? Почему актуальны сейчас действия ученых филологов, журналистов, работников библиотек, книгоиздателей?

Первая причина – это приток эмигрантов-гастарбайтеров. По данным социологов, их насчитывается как минимум 16 миллионов, причем многие не хотят учить русский язык: зачем? Получается страна в стране с непредсказуемыми последствиями, причем введение строгого учета на знание русского языка будет лишь паллиативной мерой. Распространение коррупции весьма способствует этому.

Вторая причина – это отсутствие заимствований из русского языка в другие языки. Периоды перестройки с её «спутниками», «ракетами» канули в прошлое, и сейчас во французском языке фиксируется всего одно русское слово «малосоль». Причины этого глубинные: мы перестали быть ведущей страной и скорее сами заимствуем из английского языка «дисплеи», «гаджеты», «мониторы», чем делимся своими наработками. Причины этого тоже понятны: новое нарабатывается… нашими специалистами за рубежом, и с этим приходится считаться. Нашими – это не оговорка, там действительно много бывших русских. На качество труда влияет способность учиться у других стран. Проанализировав успехи русской науки, К.Г. Фрумкин заметил, что, пока мы учились у других (у Нидерландов, у Франции, у Германии), мы становились державой, которая тоже могла учить. Сейчас это качество утрачено. Надо его восстанавливать, восстанавливать неустанно, интенсивно.

Третья причина заключается в ослаблении влияния нашей страны. Как выразилась в своём докладе на конференции в Арзамасе в 2021 году доктор филологических наук Е.А. Погорелая, сейчас трудно найти в Тирасполе молодого человека, знающего русский язык, этот язык становится... диалектом. «Изоляция русскоязычного населения постсоветских стран от своей этнической среды, с одной стороны, и мощный прессинг механизмов реализации языковой политики, с другой, привели к тому, что степень его языковой активности стала резко снижаться. Обретая черты языка диаспоры, русский язык в таких условиях стремительно теряет живительный источник своей современной литературной формы – разговорную речь как уникальный феномен, где только и формируется неповторимый колорит языка, его яркие краски» [3, с. 342].

Четвертая и главная причина – это разъединение славян: Польша – это католичество, Болгария – славянская страна, но она же член НАТО.

Мы назвали сейчас четыре причины снижения роли русского языка в нашей стране и за рубежом, хотя на самом деле их больше, и для нас важными являются причины следующие. Продолжим подсчет.

Пятая причина – распространение лексики из сферы криминала, охватившее самые различные регионы страны, что значительно влияет на оценку русского языка: «шестёрка», «до фени», «менты». Русскому человеку не надо объяснять значений этих слов. Повальное нашествие заимствований наблюдается даже в тех случаях, когда есть русские эквиваленты.

Шестая причина – это нежелание и неумение преподнести красоту русского слова, отсутствие конкурсов на знание русского языка… русскими людьми.

Седьмая причина – это незнание, что русский язык является идеальным средством развития мышления, о чем еще в 2008 году писали зарубежные газеты (США, Израиль, Франция).

И всё это, конечно, сказывается на оценке русского языка.

Вот почему сейчас предстоит большая работа по восстановлению престижа русского языка, работа актуальная в свете сделанного когда-то Кириллом и Мефодием. И здесь намечаются следующие важные вещи.

Первая – это осознание общей родины, единство славян. В других работах, в частности в «Истории русской церкви», удалось избежать гиперкритицизма, когда всё прошлое трактуется в негативном свете, однако неоднократно высвечивал митрополит междоусобицу между князьями, «распри», взаимную ненависть вплоть до убийств. Увы и ах, проблема неединства элиты перекочевала и в XXI век, и сейчас работает против внутринационального единства. Каким сердцем надо обладать, чтобы противостоять этому разъединению? Согласимся, что начала объединения славян были заложены ими, братьями Кириллом и Мефодиевым.

Вторая – это уважение к книге, несмотря на обилие гаджетов и им подобных изобретений. Академик Т.В. Черниговская признавалась, что предпочитает читать книги, чувствовать запах книги, а бережное отношение к книге, по мнению ученого, важно в плане формирования пиетета к материальной культуре, столь нужной, столь необходимой сейчас.

Третье – это уважение к уникальной красоте русского слова. Внимание к не только первичным, но также к «вторичным» авторам. *«Допокоить», «заневестилась», «первый раз не горазд», …встают неясные пока / поэты – шелкопряды языка»* (Светлана Кекова). Эстетическое восприятие букв касалось твердого знака, напоминающего морскую живность – бычка. Что же касается «вторичной» литературы, то это полезно проводить в рамках библиотечных мероприятий, приуроченных не только к юбилеям. Проект нацеливает на существенное расширение персоносферы отечественной литературы и культуры: А. Титов, О. Куваев, Л. Шульц, П. Краснов, Л. Карелин, А. Тихолоз, А. Санжаровский… «Второй ряд»? Но мы конспектировали эти работы, потому что язык, да-да, сам язык их письма был великолепен. «Пи-

сатели первого ряда создают содержание, а писатели второго ряда уделяют внимание форме, что значимо!». Такие слова мы услышали от коллеги-преподавательницы лет тридцать тому назад, но они оказались глубоко верными. Приведём несколько цитат: *«Поубавилось восторга в голосе, некогда звеневшим чистым, журавлиным звоночком над вешним полем»; «А знаешь, сынок, ты не докладай мамке, что я так сказал. Пускай это помрет меж нами. Мы ж мужики, не брынчалки? – Я не скажу, отеценька…» «…Поздоровался уважительно, как с настоящей прачкой: – Беленько тебе, доча! Вода не холодит?» – «А кто ее грел, тату? Руки лубянеють...»; «В июне говорят, еды мало, да жить весело: цветы цветут, соловьи поют»; «Сердце у меня в мачехах»* (говорящая не любила мужа) (А. Санжаровский).

Четвёртым способом можно считать некоторое расширение русского языка за счет чтения дневников, личных записок, семейных родословных. *«На белом свете – маковом цвете»* – так любила повторять бабушка в одной родословной, и пример стоит того, чтобы его запомнить.

Пятое – это живейший интерес к вечно новому церковнославянскому языку, нет, не в плане отличий церковнославянизмов от русских слов, а в смысле восхищения достоинством и красотой слова. *Дондеже* – какой дивный союз! *Кому повем печаль мою? Хлеб наш насущный даждь нам днесь… Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови в утробе моей. Благослови, Бог, милуяй и питаяй нас от юности нашей… да преизобилуем во всякое дело благое.* Этот язык создали Кирилл и Мефодий.

Приведем более полный отрывок: *«Следствия перевода Библии и церковных книг на славянский язык были величайшие и благотворнейшие как для славян вообще, так, в особенности, для русских. Этот перевод имел самое сильное влияние на пробуждение духа народного в славянах и уяснение их народного самосознания. Здесь в первый раз услышали они звуки родного слова в речи стройной, облагороженной, возвышенной и в первый раз начали понимать, как богат, величествен и прекрасен язык их предков, в первый раз заглянули, так сказать, лицом к лицу в собственную душу и увидели все величие и крепость ее природных сил, для выражения которых служит такое могущественное слово»* [2, с. 191].

О да, мы учим со студентами старославянизмы, но не читаем старинные тексты по-церковнославянски. Видимо, в глубине каждой нации таится голод по идеалу, в том числе по языковому идеалу. И хорошо бы заучивать наизусть целые отрывки. И вот что ученые обнаружили. Почему так хорошо выступал Авраам Линкольн? А потому что в основе его речей лежали библейские тексты.

Уместно привести отрывок из, в общем-то, весьма печальной повести Валентина Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана», когда мальчик

вдруг ощутил очарование церковнославянских слов: *«Полистал, вслух повторяя осторожно и трогательно, словно пробуя на вкус и боясь спугнуть: лепота, вельми, верея, чресла, навет, златозарный, светосиянный…. <…> Иван точно клавиши перебирал, и дивная музыка узнавания звучала в нём мягкими и торжественными аккордами. Все эти слова, все понятия эти в Иване были, их надо было только разбудить, всё-всё знакомое, откликающееся, давно стучащееся в стенки… «Душу мою озари сияньми невечерними», – пропел Иван, заглядывая в словарь и опять замирая в восторге и изнеможении»* [4, с. 154-155].

Шестое – записывать. Урок благородства – это, помимо всего прочего, и ценность записывания, фиксации происходящего. Записывание, конечно же, необходимо и для укрепления памяти как дар богине памяти Мнемозине, и как условие энциклопедизма завтрашнего дня, но также и как условие самосбережения, благородства, устойчивости личности. Письмо уходит и из современной школы, заменяясь тестами, работой на клавиатуре, а что это опасно для достойного развития мозга – стали осознавать не так давно у нас, и особенно – за рубежом, где муссируются проекты по отмене такого предмета, как чистописание. Об удивительной пользе письма (именно письма, а не набора на компьютере, хотя без этого тоже сейчас не обойтись!) читаем в статье А. Волкова [1].

И язык чужих жизнеописаний, поведенческий анализ ситуаций, пережитых великими людьми, остро необходим не только для формирования молодого сознания, но и для устояния более старших лиц перед очередными возрастными испытаниями. «Поднять» русский язык – так одним словом можно сформулировать все вышесказанное. И всё это будет, даже если мы займемся одним каким-либо делом из всего перечисленного, будет поистине значимым продолжением высоких, скажем сильнее: великих традиций Кирилла и Мефодия.

Список цитируемой литературы:

1. Волков, А. С авторучкой, книгой, планшетом А. Волков // Знание – сила. – 2016. – № 9. – С. 4 – 11.

2. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Книга первая. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. – 408 с.

3. Погорелая, Е.А. Нравственный императив социокультурного контекста динамики русского языкового мира / Е.А. Погорелая // С любовью к Слову… Сборник статей. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2021. – 451 с.

4. Распутин, В.Г. Дочь Ивана, мать Ивана / В.Г. Распутин // Дочь Ивана, мать Ивана: Повесть. Рассказы. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – С. 7–188.

Черных А.В., канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк, Россия

ВЗГЛЯД СЕРБОЛУЖИЦКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В XIX–XXI ВВ. НА КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКУЮ ПРОБЛЕМАТИКУ В КОНТЕКСТЕ МЕЖСЛАВЯНСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация

В публикации рассматривается проблема оценки исторических личностей славянских апостолов Кирилла и Мефодия, а также их вероятной деятельности, обусловленной формированием кирилло-мефодиевских средневековых православных традиций среди сербов-лужичан. Анализируется влияние кирилло-мефодиевского православного наследия на сознание серболужицкой общественности; устанавливается роль и значение святых Кирилла и Мефодия для серболужицкой общественно-политической мысли в XIX–XXI вв.

Ключевые слова: Кирилл и Мефодий, славянские апостолы, миссионерская деятельность, православное вероисповедание, славянский алфавит, межславянские связи, православная традиция в Лужице, Чехии, славянофильство, Святополк I, А.Ф. Гильфердинг, Й.Й. Первольф, сербская матица, М. Горник.

Лужицкие сербы (сорбы, сербы-лужичане) – немногочисленный славянский этнос, сохранившийся в Германии, родственный онемеченным полабским славянам, а также поляки, чехи всегда прочно ассоциировались и ассоциируются с католичеством, а также с протестантизмом, что обусловлено продолжительным и масштабным влиянием со стороны европейской христианской цивилизации. Сегодняшние сербы-лужичане, насчитывающие всего лишь около 60 тыс. человек, составляют две небольшие части населения Германии: это Верхняя Лужица с центром в городе Баутцен (земля Саксония), Нижняя Лужица с центром в городе Котбусе (земля Бранденбург).

На этом фоне важно выделить значимую проблему, которая рассматривалась в отечественной славяноведческой историографии и которая связана с установлением факта продолжительного влияния на обозначенные западнославянские народы еще и со стороны восточно-христианской православной традиции. Это влияние было вызвано уже деятельностью святых апостолов Кирилла и Мефодия, а также их последователей, в различных славянских странах, в том числе в областях сербов-лужичан, и осуществлялось с разной степенью активности и интенсивности. Кирилло-мефодиевские православные традиции в Лу-

жице были связаны с возможным осуществлением христианского богослужения среди местного славянского населения на славянском языке с обязательным использованием для этой цели глаголического, позднее кириллического алфавита. Все это вызывает неоднозначную реакцию в отечественной и зарубежной историографии.

Согласно материалам письменных исторических источников, а также обнаруженным археологическим данным, некогда значительный западнославянский племенной союз сорбы – сербы выступал, как и родственные племенные союзы южнобалтийских и полабских славян, таких как лютичи, ободриты, поморяне (раннефеодальные славянские народности), в качестве мощного оплота славянского язычества в Европе. Первоначально обращение сербов-лужичан в христианство связывалось с именем князя сербов-лужичан Славибора. Важно особенно отметить тот исторический факт, что лужицкий князь Славибор являлся отцом средневековой чешской правительницы Людмилы (859–894), позднее объявленной святой Людмилой Богемской, активно способствовавшей крещению чехов в средневековый период времени [2, с. 331 – 340].

В IX в. в результате завоевания сербы-лужичане вошли в состав такого мощного западнославянского государственного образования, как Великая Моравия. Князь Великой Моравии Святополк I (871–894) проводил активную политику христианизации всех частей страны. Все это выступало основанием для оказания влияния на сербов-лужичан со стороны христианства восточного образца, когда Лужицы (сербы-лужичане) на непродолжительный период времени были присоединены к территории этого мощного западнославянского государства, войдя в его состав [5, с. 3].

Именно в это время, как отмечалось в устном предании, сохранившемся до сегодняшнего времени, славянский апостол Кирилл мог проводить христианскую проповедь среди славянского населения Лужицы на славянском языке, а позднее основал православную церковь в лужицком городе Згорелц (Герлиц). А на горе Яворник (область сербов-лужичан) вплоть до XIX в. был расположен памятный крест, поставленный, согласно легенде, самим св. Кириллом [8, с. 24]. По некоторым сведениям, памятный апостольский христианский крест располагался на месте ранее существовавшего языческого славянского капища, что часто практиковалось при распространении христианства в Европе среди разных народов, в том числе и среди многочисленных южных, западных и восточных славян.

По сути, прямых исторических данных, свидетельствующих о распространении среди сербов-лужичан восточного христианского обряда, нет. Можно говорить только о некоторых аргументах, косвенно подтверждающих это положение. Речь идет об источниках, связанных

с письменной исторической традицией, а также с археологией, этнографией и фольклором. Более того, фактически отсутствуют исторические доказательства сколько-нибудь продолжительной миссии святых апостолов Кирилла и Мефодия в серболужицких областях, находившихся на периферии их богослужебной деятельности, равно как нет и фактов миссионерской работы их учеников. Можно обнаружить только косвенные доказательства появления здесь славянских христианских миссионеров, направлявшихся из Чехии и Польши, которые осуществляли проповедь на славянском языке в Лужицах в течение продолжительного времени.

Вместе с тем в отечественной славяноведческой историографии неоднократно высказывалась идея относительно возможного распространения кирилло-мефодиевских восточнославянских традиций среди абсолютного большинства славянских народов, в том числе и среди сербов-лужичан. Эта концептуальная идея была вызвана ключевым славянофильским положением, интерпретирующим восточные христианские традиции, связанные с исповеданием христианства на славянском языке, в качестве первоначального религиозного пласта, прочно сохраняющегося в духовной культуре абсолютно всех славянских народов, даже несмотря на то, что они всегда воспринимались в религиозном и даже общекультурном отношении как католики или протестанты. Отсюда самое пристальное внимание со стороны ученых, преимущественно славянофильской направленности, к процессам, факторам, фактам, событиям, непосредственно связанным с укреплением восточного христианства в средневековой истории славянских народов, а затем и с его постепенным вытеснением.

Впервые в отечественной историографии на эту тему высказался русский исследователь-славяновед самой широкой специализации И.И. Срезневский, считавший, что сербы-лужичане с самого начала могли успешно воспринять именно кирилло-мефодиевские православные традиции. Вполне вероятно, что это утверждение родилось, когда ученый предпринял научную командировку в область проживания сербов-лужичан в 1844 г. По итогам этого путешествия И.И. Срезневский отмечал в своих путевых впечатлениях, что соседство с Великой Моравией способствовало знакомству лужичан с христианством на понятном им славянском языке. Немецкие христианские проповедники обратили свое внимание на Лужицу только в X в., в отличие от соседних прибалтийских славян, где активная христианизация началась намного ранее, точнее, уже с IX в. То есть именно из Великой Моравии в Лужицу, как подчеркивал И.И. Срезневский, первоначально проникало христианство именно восточного образца [7, с. 30 – 31].

Данной концептуальной мысли придерживался и славяновед младшего поколения А.Ф. Гильфердинг в научных сочинениях «История балтийских славян» (1855 г.) и «Борьба славян с немцами на балтийском Поморье в средние века» (1862 г.), продолжив рассуждения своего учителя И.И. Срезневского. Так, А.Ф. Гильфердинг полагал, что нахождение сербов-лужичан в составе Великой Моравии позволило познакомиться с христианством восточного образца на понятном им языке, а в дальнейшем, уже понимая суть христианского учения, успешно и без особого сопротивления воспринять и факт появления немецких миссионеров, проповедовавших в Лужице на латинском языке.

Таким образом, понимание и органическое принятие христианства сербами-лужичанами обязано, согласно принципиальному уточнению А.Ф. Гильфердинга, в первую очередь их знакомству с христианской миссией, предпринимаемой из Восточной Моравии, в отличие от христианизации родственных лужицким сербам (сорбам) бодричей, лютичей и поморян [11, с. 391].

В самом деле, среди сербов-лужичан вообще не проявлялось такого неприятия и отторжения христианства, деятельности христианских проповедников, которое было присуще другим родственным языческим славянским народам (лютичам, ободритам, поморянам) [8, с. 20 – 21]. На этот исторический факт неоднократно обращалось внимание в славяноведческой историографии. Однако все же нельзя прямо утверждать, что христианство в области сербов-лужичан повсеместно утвердилось без особого сопротивления и противостояния, как это было в абсолютном большинстве славянских стран.

Применительно к характеристике научных идей, высказанных И.И. Срезневским и А.Ф. Гильфердингом, важно выделить несколько следующих принципиальных положений. Дело в том, что процесс принятия христианства, в том числе и сербами-лужичанами, занимал гораздо более продолжительное время и включал учет множества факторов, находивших отражение в различных временных слоях духовной культуры, которые нельзя не принимать во внимание. В этой связи стоит указать на продолжительное существование у лужичан языческих религиозных представлений, пусть и не таких развитых, как у соседних полабо-прибалтийских славян, о чем дополнительно свидетельствуют этнографическо-фольклорные данные. Именно по этой основополагающей причине процесс проникновения христианства в Лужицу (из Великой Моравии, Германии, Чехии и Польши), а также принятие христианства славянским населением этой области растянулся на значительный период времени, выражаясь в том числе в почитании Иисуса Христа наряду с многочисленными славянскими языческими богами. Поэтому с момента прихода немецких миссионеров до окон-

чательного утверждения христианства среди сербов-лужичан прошло очень много времени.

На этом фоне нельзя обойти вниманием фундаментальное научное сочинение, подготовленное известным отечественным историком литературы западнического направления А.Н. Пыпиным, который также обращался к изучению этой научной славяноведческой тематики. Ученый допускал, что в средневековый период христианство могло попасть в Лужицкий край, по меньшей мере, с двух сторон.

Первым источником выступало православное славянство, которое шло через Польшу и Чехию. В этом плане исследователь делал акцент именно на связи лужицких сербов-сорбов с Великой Моравией, откуда, как он считал, пришло восточное христианство в традициях Кирилла и Мефодия. Именно благодаря тесному соседству с Чехией в верхней Лужице сохраняется серболужицкий язык, ведется христианская проповедь и богослужение на славянском языке в XII и даже в XIII столетиях. В итоге историк литературы заключал, что тесное политическое взаимодействие лужчан с Чехией может объяснять тот факт, что церковнославянская чешская литература активно использовалась сербами-лужичанами.

Вторым источником проникновения христианства в область сербов-лужичан выступала собственно Германия в лице многочисленных немецких проповедников. А.Н. Пыпин называет таких церковных деятелей, как мерзебургские епископы Бозо (971) и Вернер (1101), а также альдебургский епископ Бруно (1156), которые для осуществления христианской проповеди повсеместно прибегали к использованию славянского, по определенным сведениям, именно серболужицкого языка. Все это объяснялось влиянием со стороны церковнославянского и чешского языков [5, с. 1070 – 1071].

Известный ученый-славяновед XIX в. широкой специализации И.И. Первольф (1886) придерживался той точки зрения, что «церковная славянская терминология у полабо-балтийских славян латинско-немецкая, притом в большей степени, чем у чехов и поляков, что свидетельствует о главном участии немецкого духовенства в деле крещения сербов и других полабско-балтийских славян» [6, с. 13]. То есть речь идет об окончательном утверждении в серболужицких областях христианства именно немецкого образца. Вместе с тем отмечается факт существования первоначального христианства, получившего распространение в том числе из Чехии, откуда также могли прибывать чешские миссионеры, относившиеся к восточной христианской традиции, а значит, участвовавшие в распространении христианства в Лужице на славянском, а не на латинском языке прололжительное время.

В продолжение своих рассуждений ученый, получивший филологическую подготовку, фиксировал в серболужицком языке более древний культурный пласт, который тяготел к древнеславянскому корню, и связывал это именно с распространением христианства восточного образца среди сербов-лужичан [6, с. 2, 3 – 4, 13]. Так, И.И. Первольф писал, что в серболужицком наречии «уцелели некоторые слова, которые можно отнести еще к зачаткам христианства и словенского богослужения или, по крайней мере, к влиянию чешской христианской терминологии» [6, с. 2, 3 – 4, 13]. В дальнейшем отечественный исследователь уточнял, что «некоторые из этих общеславянских слов, правда, тоже древненемецкого происхождения (например, *поп, церковь*), вошли уже в язык словенский, а оттуда в западнославянские языки» [6, с. 13].

Что касается масштабов деятельности чешских миссионеров в области сербов-лужичан, то историческая наука пока не располагает письменными сведениями и археологическими данными, прямо и доподлинно свидетельствующими о реальном существовании этого исторического процесса. Конечно, нахождение сербов-лужичан в составе Великой Моравии дает определенные основания предполагать факт непродолжительной миссионерской работы в Лужицах святых славянских апостолов Кирилла и Мефодия, а также их учеников. К тому же само по себе тесное взаимодействие между чехами и лужицкими сербами, которое осуществлялось в течение продолжительного времени, позволяет сделать такое предположение относительно миссионерской деятельности здесь славянских апостолов.

То же можно говорить и о периоде, когда Чехия становится христианской страной, а верхняя часть Лужицы входит в ее состав в XI–XII вв. Нижняя же часть Лужицы начинает принадлежать чешскому государству намного позже, только в XIV в. Здесь уже укрепляются немецкие порядки, немецкий язык практически полностью вытесняет славянский из различных общественных сфер. На основании этого факта также можно предположить деятельность среди сербов-лужичан чешских миссионеров, которые осуществляли бы церковную службу именно на славянском языке. Более того, маловероятно, что немецкое католическое богослужение, проходившее на непонятном для славян латинском языке, тесно связанное с проявлением различных форм насильственных действий, сопровождаемое мощными антинемецкими выступлениями и восстаниями религиозного характера, смогло сразу утвердиться в области проживания сербов-лужичан.

Отечественный историк-славист Н.Н. Филиппов в своем «Очерке тысячелетней борьбы балтийско-полабского славянства с немцами до возрождения серболужицкого племени» в 1897 г. отмечал, что «христианство проповедовалось у сербов-лужичан, хотя и короткое время, и на

том, и на другом языке (имеются в виду славянский и немецкий языки. – А.Ч.)» [8, с. 24 – 25]. Это замечание требует определенного научного анализа. Можно предположить, что Лужица была славянской областью, где могли находиться восточные христианские миссионеры, в том числе направлявшиеся и из соседней родственной Чехии, которые проповедовали христианство на понятном лужичанам славянском языке.

Отсутствие серболужицких церковных книг, которые могли применяться в ходе возможной христианской миссионерской деятельности и славянского богослужения, Н.Н. Филиппов объяснял продолжительным господством в церковной сфере у лужицких сорбов чешского языка, который повсеместно использовался в качестве языка славянского христианского богослужения, понятного сербам-лужичанам. По словам исследователя, «чешское наречие господствовало, вероятно, довольно долго, и это, может быть, было главной причиной невнимания сербов-лужичан к своему родному наречию» [8, с. 25]. Конечно, чешский, как язык более сильной, создавшей единую государственность Чехии, находился в предпочтительном положении применительно к распространению христианства в области сербов-лужичан в сравнении с серболужицким языком. Скорее всего, именно он и находил применение в миссионерской работе чешского духовенства, его богослужебной деятельности. Однако об этом можно говорить лишь гипотетически, опираясь только на косвенные доказательства [8, с. 23 – 24].

Так, речь идет о возможных попытках распространения кириллического алфавита среди сербов-лужичан, хотя в течение длительного времени ими использовался латинский алфавит в ходе христианского богослужения. В качестве прямого доказательства своего предположения Н.Н. Филиппов приводил значительное число церковных терминов в серболужицком языке, которые, по его мнению, были заимствованы из чешского языка, что указывает на распространение христианства среди лужичан из чешских земель [8, с. 25 – 26]. По крайней мере, эти факты можно принять в качестве лингвистического доказательства существования более раннего пласта серболужицкой восточнохристианской православной традиции, который в дальнейшем был успешно вытеснен под немецким католическим влиянием. Сербов-лужичан и чехов объединяли родственные связи, славянский язык, матримониальные отношения, совместное взаимодействие, направленное против немецкого военного движения.

Все это составляет базу косвенных аргументов в пользу того, что первоначальное христианство серболужицкое языческое население получило благодаря его распространению из Чехии. При этом начало такого масштабного процесса было связано с деятельностью святых славянских апостолов Кирилла и Мефодия, а в дальнейшем он был

продолжен славянскими миссионерами из Чехии, знавшими славянский язык и проповедовавшими на нем сербам-лужичанам.

Заслуживает внимания и то соображение, что области лужицких сербов в силу особенностей их географического расположения не располагали благоприятными условиями для проникновения сюда значительного числа немецких миссионеров до определенного периода времени, так как Лужица не была богата землями, пригодными для занятия сельским хозяйством (во время появления миссионерской деятельности в Германии). Это могло послужить препятствием для осуществления немецкой христианизации славянского населения, непосредственно связанной с установлением немецких порядков в серболужицкой области.

Конечно, немецкие проповедники попадают в Лужицу много позднее, чем в другие области полабо-прибалтийских славян (немецкая церковная иерархия у лужичан появляется только во второй половине X в, в то время как у ободритов, лютичей, руян и поморян она была основана уже в IX в.). Здесь гораздо позднее и медленнее осуществлялась германизация и ассимиляция местного славянского населения. При этом в серболужицких землях среди сохранившихся текстов не обнаружены книги на чешском и церковнославянском языке, так же, как отсутствуют хотя бы единичные факты и предания о деятельности христианских обителей с богослужением на славянском языке, аналогичных Сазавскому монастырю в Чехии [10, с. 314].

В дальнейшем, по мере распространения немецкого влияния в области проживания сербов-лужичан в богослужении повсеместно утверждается латинский, а затем, после проведения Реформации, и немецкий язык. На фоне продолжительного немецкого гнета, проявлявшегося во всех сферах общественной жизни, неоднократно переводилась с немецкого на серболужицкий язык, издавалась, а также переиздавалась церковная богослужебная литература, в результате чего постепенно развиваются серболужицкая грамматика и правописание на основе латинской графики с применением готического шрифта.

В то же время в период реформаторских церковных процессов серболужицкий язык продолжал использоваться в церковном богослужении, однако это событие крайне отрицательно воспринималось со стороны духовенства недавно основанной лютеранской церкви, в том числе и самим лидером протестантизма Мартином Лютером. Несмотря на это процесс Реформации, вне всякого сомнения, придал дополнительный импульс дальнейшему поступательному развитию серболужицкой литературы, благодаря чему сформировался определенный интеллектуальный фундамент, обеспечивший необходимые условия для серболужицкого возрождения в различных его аспектах и проявлениях. С другой стороны, реформационные процессы однозначно способствовали укреп-

лению позиций немецкого языка, по крайней мере, в церковной сфере сербов-лужичан, принадлежавших к немецкой лютеранской церкви.

Существенное внимание пусть и к не подтвержденному аргументами историческому факту деятельности святых апостолов заставлял серболужицкую интеллигенцию позапрошлого столетия обращаться к средневековой славянской истории в контексте уже только символического явления идеологического характера. Все это совпало именно с началом масштабного процесса серболужицкого национального возрождения, выражавшегося в окончательном развитии литературного языка сербов-лужичан, их духовной культуры.

Проблема состояла в том, что в течение долгого времени лужицкие сербы не имели самостоятельной государственности, поддерживая только культурную автономию, что было очень непросто в условиях значительного многогранного немецкого воздействия. Более того, область проживания сербов-лужичан на всем протяжении исторического существования постоянно выступала ареной острого внешнеполитического противостояния между Германией, Чехией и Польшей. Конечно, это не могло не сказаться на общей религиозной ситуации, сложившейся в этом европейском регионе. Однако положение сербов-лужичан отличалось в лучшую сторону от судьбы других полабо-прибалтийских славян по причине главным образом благоприятных природно-географических условий.

На фоне развернувшегося процесса национального серболужицкого возрождения, который значительно укрепляется в первой половине позапрошлого столетия, в среде серболужицкой интеллигенции формируется целый ряд общественных просветительских организаций, опирающихся на идеи развития национального самосознания этого западнославянского народа, его литературного языка и самобытной славянской культуры, что препятствовало масштабным процессам германизации и ассимиляции. Вполне естественным в этом отношении видится обращение части серболужицкого образованного общества к историческим личностям славянских апостолов Кирилла и Мефодия, их масштабной деятельности и одновременно осознание лужичанами цивилизационного значения этого западнославянского народа для всего славянского мира.

Вслед за общественным объединением «Матицы Сербской» (1847) 13 декабря 1862 г. создается верхнелужицкое «Общество святых Кирилла и Мефодия». У истоков этой славянской организации стоял серболужицкий деятель, ученый, католический священник Михаил Горник (1833–1894), в дальнейшем занимавший пост председателя «Матицы Сербской». М. Горник весьма успешно проявил себя в редакторской и литературной деятельности, он основал газету для като-

ликов-лужичан Верхней Лужицы «Kotolski Posol», где активно публиковались литературные сочинения на верхнелужицком языке.

Однозначным достижением обширной и многогранной общественной и научной деятельности Михаила Горника выступало объединение вариантов верхнелужицкого литературного языка, использовавшегося католиками и протестантами, что позволило в дальнейшем этому малочисленному славянскому языку укрепиться и сохраниться вплоть до сегодняшнего времени.

Согласно статистике верхнелужицкий и нижнелужицкий языки употребляются весьма ограниченно: сейчас верхнелужицким языком владеют около 23 000 человек, нижнелужицким около 7 000 человек. Тем не менее в этом выражается реальная заслуга М. Горника, принимавшего самое деятельное участие в серболужицком национальном возрождении позапрошлого столетия, реальные последствия которого сохраняются по сей день. Они безусловно связаны с сохранением серболужицкого народа уже в XXI в.

Другой стороной деятельности «Общества святых Кирилла и Мефодия», делавшего акцент на символичном и даже сакральном значении личностей славянских апостолов для сербов-лужичан, выступало взаимодействие с организациями из других славянских стран. Понятно, что в этом отношении намного более известной и значимой была общественная организация «Матица Сербская». Однако взаимодействие между учеными-славяноведами выстраивалось главным образом на основании межличностных связей. Серболужицкие ученые, в частности, М. Горник, активно контактировали и с учеными из России. В это время феномен русского и зарубежного ученого-славяноведа предполагал нацеленность на реализацию ключевой идеи межславянского взаимодействия в различного рода аспектах на основании близкого родства всех славянских народов, проявляющегося в языке, менталитете, следовании единой восточно-христианской традиции.

Все это обусловливало самые различные контакты между всеми славянскими народами. Так, например, в сознании серболужицкой интеллигенции даже появилась идея введения в письменность сербов-лужичан кириллического алфавита. Это явление можно считать не только сигналом к общеславянскому взаимодействию в литературном отношении, но и, в определенной степени, знаком признания вероятного факта первоначального крещения сербов-лужичан, подтверждением их стремления к укреплению национального славянского самосознания. При этом, вне всякого сомнения, главным связующим звеном между различными славянскими народами, относящимися к разным религиозным конфессиям, выступали личности первоучителей Кирил-

ла и Мефодия, как восточных христианских святых, принесших христианство на понятном славянам языке.

Можно с большой долей уверенности сказать, что в сознании патриотично настроенной, придерживающейся идеи общеславянского взаимодействия и сближения серболужицкой интеллигенции личности святых апостолов Кирилла и Мефодия приобрели в результате целого ряда произошедших общественно-политических процессов совершенно новые, дополнительные аспекты понимания проблемы. Теперь равноапостольные братья представляются носителями и выразителями идеологии национального серболужицкого возрождения, и одновременно – межславянского сближения и тесного взаимодействия, призванными обеспечить дальнейшую поддержку данному продолжительному процессу. В конечном итоге эта идеология должна была позволить сохраниться этому малому западнославянскому народу на фоне мощного многофакторного цивилизационного немецкого влияния, особенно в общественно-политических и религиозных аспектах, и противодействовать ассимиляции сербов-лужичан.

Применительно к лужицким сербам, как самому западному славянскому анклаву, идеология межславянского взаимодействия выступала попыткой осознания собственного славянского происхождения, сопричастности к остальному славянскому миру, по крайней мере, восточнославянской его части. Она способствовала укреплению уверенности в своих силах благодаря поддержке со стороны более многочисленных и сильных славянских народов, которые не подвергались такой масштабной германизации, уже в тот период фактически поставившей сербов-лужичан на грань полного исчезновения. Именно по этой причине свв. Кирилл и Мефодий в сознании серболужицкой интеллигенции позапрошлого столетия являли собой не только символическое, но и даже сакральное значение, связанное с дальнейшими перспективами успешного существования и органического развития самого незначительного славянского анклава в огромном немецком пространстве, посредством тесного взаимодействия и оказываемой поддержки со стороны всех славянских народов. Можно также сказать, что сами личности свв. Кирилла и Мефодия выступали в качестве своего рода барьера, который препятствовал распространению многовекового немецкого влияния, которое было связано в том числе с немецкой христианизацией. С другой стороны, славянские апостолы, в представлении части серболужицкой интеллигенции, выступали гарантами сохранения и даже национального возрождения этноса сербов-лужичан.

В современных реалиях символическое значение святых славянских апостолов Кирилла и Мефодия в сознании серболужицкой интеллигенции практически не проявляется, по крайней мере, в контексте общеславян-

ского взаимодействия, объединения всех славянских народов. Это объясняется процессами окончательного онемечения этого западнославянского народа к настоящему времени. Исключением является только незначительная часть серболужицкой общественности, в том числе входящая в «Кирилло-мефодиевское общество», основанное еще М. Горником, расположенное в серболужицком городе Баутцен (Будишин) и получившее самостоятельность в осуществлении своей деятельности в 1995 г.

При самом активном содействии со стороны «Общества святых Кирилла и Мефодия» в новейшее время был установлен памятник славянским апостолам Кириллу и Мефодию около сельского населенного пункта Шмохтиц (Смохчиц), расположенного на территории федеральной земли Саксония. Это свидетельство определенного символического значения личностей Кирилла и Мефодия как своеобразного моста, соединяющего славянские народы и в истории, и в современности [5, с. 1071].

Однако в сознании членов «Кирилло-мефодиевского общества» образы славянских апостолов закрепляют скорее связи с западнославянскими странами, Чехией и Польшей, окончательно оформившиеся в середине прошлого столетия. Иными словами, общеславянское значение равноапостольных святых «переформатировалось» в тесное взаимодействие с конкретными славянскими народами, и солунские братья воспринимаются уже в большей степени как святые католические, а не общеславянские и тем более не православные. То есть символическое понимание образов Кирилла и Мефодия в сознании серболужицкой общественности сохранилось в качестве некого основания, но содержание этого символа переосмыслилось в направлении поддержания не восточнохристианских, а западнохристианских (европейских) церковных традиций.

Именно по этой причине в первую очередь Польша (вне всякого сомнения, являющаяся сегодня центром славянского католичества в мире) в самый последний период времени выступает в качестве страны, активно поддерживающей идею сохранения лужицких сербов в Германии. Речь идет об укреплении связей между отдельными славянскими народами, основанных именно на католическом вероисповедании и использовании латинского алфавита. В то же время в этом можно увидеть проявление великопольских политических устремлений, когда Польша путем «мягкой силы» стремится укрепить собственное положение как объединительного центра в зарубежном славянском мире.

В конечном итоге, это западное славянское государство преследует цель не столько объединить, сколько дополнительно разъединить славянские народы, подчеркивая роль католического вероисповедания в славянской цивилизации, всячески распространяя и укрепляя католичество в православных славянских странах, выдвигая его в качестве национальной польской идеи, отвергая при этом восточнохристиан-

скую православную традицию, как раз к которой были намного ближе славянские апостолы, действовавшие с согласия и при поддержке восточной православной церкви [13, с. 81 – 98].

К сожалению, реальные возможности, связанные с национальным возрождением сербов-лужичан, сегодня вообще отсутствуют. Речь можно вести, скорее всего, только о как можно более продолжительном сохранении серболужицкого языка исключительно в начальном школьном обучении и бытовом использовании. Изменить сложившуюся общественно-политическую, культурную и религиозную ситуацию можно было бы при условии формирования такого восприятия серболужицкой истории, при котором личности славянских первоучителей Кирилла и Мефодия, их обширная деятельность рассматривались бы в общеславянском аспекте, как символическая духовная сила, которая смогла объединить значительную часть славянского мира.

Сегодня наблюдается незначительное взаимодействие серболужицких общественных организаций, например «Домовины», с русской общественностью. Однако эти преимущественно культурные связи представлены намного слабее, нежели взаимодействие с польской и даже чешской интеллигенцией. Причина этого кроется не столько в сегодняшних политических процессах, сколько в отсутствии традиций тесных духовных и культурных контактов, которые были намного более активными в дореволюционный период, когда отношения между славянскими народами целенаправленно и последовательно выстраивались в течение продолжительного времени.

Таким образом, можно прийти к заключению, что в сознании сербов-лужичан произошла трансформация в понимании сущности деятельности Кирилла и Мефодия: теперь их роль и сами их личности стали ассоциироваться именно с католической, в меньшей степени с протестантской церковью. В силу этого общеславянская проблематика была подменена великопольскими политическими устремлениями, направленными на укрепление позиции Польши в зарубежном славянском мире, на основании католического вероисповедания и прозелитизма, в том числе за счет соседних сербов-лужичан. Славянские апостолы Кирилл и Мефодий предстают в качестве исключительно католических, а не православных и тем более не общеславянских святых. А лужицкие сербы (сорбы) перестают существовать в качестве самостоятельной единицы на карте славянских народов Европы.

Более того, серболужицкая общественность сегодня даже не обращается к рассмотрению научной проблематики, связанной с возможным первоначальным крещением сербов-лужичан славянскими апостолами и их учениками, не проявляет интереса к распространению восточнохристианской традиции в Лужице, по всей вероятности, из Чехии. Данная

тема не находит рассмотрения в серболужицкой научной литературе. Все это можно объяснить процессом органического укрепления протестантизма и католичества, окончательного онемечения сербов-лужичан, отсутствием в их сознании интереса к изучению общеславянской научной и общественно-политической проблематики, в том числе к объединительной миссии славянских апостолов Кирилла и Мефодия.

Список цитируемой литературы:

1. Гильфердинг, А.Ф. Борьба славян с немцами на балтийском Поморье в средние века / А.Ф. Гильфердинг. – СПб. : Тип. II Отделения С. Е. И. В. Канцелярии, – 1861. – 124 с.

2. Гильфердинг, А.Ф. Гус. Его отношение к православной церкви / А.Ф. Гильфердинг. – СПб. : Типография Майкова, – 1871. – 79 с.

3. Гильфердинг, А.Ф. История балтийских славян / А.Ф. Гильфердинг. – М. : Тип. В. Готье, – 1855. – 322 с.

4. Гильфердинг, А.Ф. Как относятся к Кириллу и Мефодию современные славяне? / А.Ф. Гильфердинг // Собрание сочинений. Т. I. – СПб. : Печатня В. Головина, – 1868. – 494 с.

5. Пыпин, А.Н. История славянских литератур / А.Н. Пыпин, В.Д. Спасович. Т. II. – СПб. : Издание типографии М.М. Стасюлевича, 1881. – 1129 с.

6. Первольф, И.И. Славянская идея в политических и культурных сношениях славян до конца XVIII в. Ч. 1. Западные славяне / И.И. Первольф. – Варшава : Отт. из «Варшав. унив. известий», 1890. – 339 с.

7. Срезневский, И.И. Исторический очерк серболужицкой литературы / И.И. Срезневский // Журнал министерства народного просвещения. – 1844. – № 7. – С. 26 – 66.

8. Филиппов, Н.Н. Очерк тысячелетней борьбы балтийско-полабского славянства с немцами до возрождения серболужицкого племени (IX века – 1848 г.) / Н.Н. Филиппов. – СПб.: Издание кингопродавца Н.Г. Мартынова, 1897. – С. 1 – 70.

9. Черных, А.В. Государственная, дипломатическая и общественно-политическая деятельность А.Ф. Гильфердинга (1831–1872) / А.В. Черных. – Липецк: Гравис, 2017. – 400 с.

10. Черных, А.В. Научная славяноведческая (история, источниковедение, лингвистика, этнография, фольклор) деятельность А.Ф. Гильфердинга (1831–1872) / А.В. Черных. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. – 488 с.

11. Черных, А.В. Научная деятельность и публицистика А.Ф. Гильфердинга (1831–1872), посвященные южным, западным и

восточным славянам / А.В. Черных. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2021. – 784 с.

12. Черных, А.В. Славянские города современной Германии: проблемы исторической памяти / А.В. Черных // Конструируя город: память о прошлом и проекты будущего. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией А.Д. Моисеева. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2022. – С. 175 – 180.

13. Черных, А.В. Деятельность Кирилла и Мефодия как выражение единства славянского мира в публикации А.Ф. Гильфердинга (1831–1872) «Как относятся к Кириллу и Мефодию современные славяне?» / А.В. Черных // Кирилло-Мефодиевские чтения: традиции и современность: Сб. научных статей по материалам межвузовской научно-практической конференции с международным участием (Липецк, 17 мая 2019 г.). – Липецк, 2019. – С. 81 – 98.

14. Черных, А.В. Кирилло-мефодиевские средневековые православные традиции в Польше в контексте межславянских отношений, их оценки и интерпретация в отечественной славянофильской мысли / А.В. Черных, Д.М. Алмамедова // Кирилло-Мефодиевские чтения: традиции и современность. Материалы IV Международной научно-практической конференции. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2023. – С. 61 – 76.

РАЗДЕЛ 2

А.С. ПУШКИН И РАЗВИТИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ, РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Арбузова В.Ю., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
г. Липецк, Россия

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ КАК ФЕНОМЕН РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация

В статье рассматривается понятие прецедентных феноменов, анализируется влияние текста на национальное сознание и отражение национального сознания в тексте на материале произведений А.С. Пушкина.

Ключевые слова: текст, прецедентность, инварианты, крылатые слова, мотив.

Национально-культурное наследие представляет собой часть материальной и духовной культуры, созданной прошлыми поколениями, передающейся из поколения в поколение в течение достаточного долгого промежутка времени как особая ценность, отличающая данную нацию от других. Пушкин воплотил духовную жизнь русской нации, провозгласил необходимость добра, света, свободы, милосердия. Поэт говорил, что вышеперечисленные качества необходимы для жизни и процветания всего русского народа. Важно отметить, что национально-культурное сознание представляет собой сложную взаимосвязь языка, на котором говорит нация, его наследия, особенностей строения и культурных кодов нации, запечатленных в языке и речевой традиции, отражающей специфику мышления языковой общности. Тип языкового мышления отражается в языковой специфике высказывания, которая характерна для определенной культурной среды. Формируются тексты, преобретающие известность среди большинства носителей языка и значимые для определенной нации. Такие тексты называют центрирующими и сильными, ибо они могут оказывать огромное влияние на систему мышления воспринимающего текст и создающего свои тексты. Как отмечает

О.С. Шурупова, интертексты играют важную роль, так как делают речь самобытной, подключенной к огромному пласту культуры, понимаемой определенной нацией [6]. Цитаты, аллюзии, реминисценции, отсылки появляются в речи устной и письменной в зависимости от цели высказывания, стиля, уровня владения языком.

Смыслонесущие инварианты дискурса нации называют прецедентными феноменами. Вслед за Ю.Н. Карауловым мы понимаем под ними «тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, и такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4, с. 216]. Вершиной пирамиды-текста мы можем назвать прецедентный текст, который представляет собой единицу, инвариант ценностей, запечатленный в языке и увиденный сквозь призму языка с помощью культурной памяти. Прецедентные тексты принимают, участвуют в формировании сообщения в разных видах устной и письменной коммуникации: литературной коммуникации, устном семейном общении, эпистолярном, научном и т. д. Взаимодействие текстов непосредственно связано с понятием диалогичности, которое представляет собой процесс вовлечения и текстов, и получателя сообщения в коммуникацию. В таком взаимодействии может происходить процесс сонастраивания текстов, субъектов, смыслов, мышления [1, с. 22 – 23].

«Сильные» тексты и авторы концентрируют и передают инварианты национального лингвокультурного сознания. Одним из выдающихся создателей мудрости народной является А.С. Пушкин. *Любви все возрасты покорны*, *жизни мышья беготня*, с *ученым видом знатока*, *народ безмолвствует*, *мнение народное*, *золотая рыбка*, у *разбитого корыта и* многие другие выражения являются близкими всем представителям русского лингвокультурного сообщества. Н.С. и М.Т. Ашукины создали словарь «Крылатые слова», в котором зафиксировано 114 выражений, восходящих к произведениям Пушкина [2]. В.М. Мокиенко и К.П. Сидоренко создали «Словарь крылатых слов и выражений Пушкина», в котором насчитывается около 1900 крылатых слов и выражений [5]. В этом словаре пушкинское крылатое выражение рассматривается в аспекте интертекстуальной динамики. Авторы этого словаря вводят термин «пушкинизм», созданный по аналогии с терминами библеизм, фразеологизм, что наглядно характеризует пушкинские фразы как культурно значимые и масштабные.

Ученые отмечают, что титул создателя современного русского литературного языка был дан именно Пушкину и закреплен за ним в века, и на который более не может претендовать ни один писатель в России. А. Ремизов писал: «русский человек должен говорить языком русским –

языком Пушкина». Так же, как и одна нация не может жить обособленно от других народов, так и язык не может существовать, не испытывая влияний как грамматических, так и лексических других языков. Заслуга Пушкина в том, что он смог органически соединить влияния разных культур и зафиксировать с учетом наложения на русскую основу все культурно-исторические веяния своей современности. Творчество великого поэта – это квинтэссенция и русской, и мировой поэзии. Более того, Пушкин первый возвел русский язык в степень мирового, но именно потому, что сам оперся на мировой опыт и вобрал его в себя.

Пушкин отразил в своих произведениях очень важное для культуры явление – «всемирную отзывчивость» (по выражению Достоевского). В начале любого слова всегда есть какое-то чужое слово, и Александр Сергеевич посредством слова установил связь отдаленных веков, мест, отдельных положений и состояний, вбирая в свой текст весь мир других текстов и национальных инвариантов и отдавая свои, переосмысленные в национальном понимании созданные им тексты.

С точки зрения инвариативности и интертекстуальной преемственности интересна традиция «Памятника» в мировой литературе. Пушкинский «Памятник» восходит ко временам Горация, создавшего два тысячелетия назад оду «К Мельпомене» («Exegi monumentum»). Надо заметить, что тема и образ «памятника» стали «вечными мотивами» мировой лирики на протяжении многих веков и не раз привлекали поэтов. В русской литературе известны шесть допушкинских «Памятников», самыми известными из которых являются «К Мельпомене» (1947) Ломоносова и «Памятник» (1795 – 1796) Державина. Мотив «Памятника» после Пушкина мы видим у Ходасевича, Брюсова, Бродского, Маяковского, Ахматовой и других поэтов.

Г.Р. Державин, написал свое стихотворение «К Музе», назвав его «Подражанием Горацию», и это дало начало обновлению традиционного мотива «Памятника». Г.Р. Державин глубоко личностно воспринял и творчески передал латинский подлинник средствами русского стиха:

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.
Так! – весь я не умру: но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь Славянов род вселенна будет чтить.

Двадцать строк его «Памятника» написаны, в отличие от ломоносовского, уже не белым, а рифмованным силлабо-тоническим стихом с

четким чередованием женских и мужских клаузул. Поэт вносит в стихотворение черты автобиографизма *(«Как из безвестности я тем известен стал…»)* и пространственно-временные категории, вырастающие из исторических и географических реалий российской действительности *(«…И слава возрастет моя не увядая, / Доколь Славянов род вселенна будет чтить / Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных, / Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал...»).* Уповая на память о себе «в народах неисчетных», Державин предвосхищал ту ноту, которая стала основой в непревзойденном пушкинском шедевре.

В 1836 г. Пушкин создает свое великое стихотворение, предварив его эпиграфом из Горация («Exegi monumentum», *лат.*: я воздвиг памятник) и начав строкой, прямо отсылающей к Державину: *«Я памятник себе воздвиг нерукотворный, / К нему не зарастет народная тропа».* Состоит оно из такого же количества – двадцати строк, четко поделенных на строфы и написанных 6-стопным ямбом, правда, укороченным до 4 стоп в каждой последней строке, оно неоднократно напоминает об источнике и образце, от которого отталкивается и с которым полемизирует автор, создавая глубоко оригинальное произведение. При этом исходный текст «обрастает дополнительными смыслами, ведь именно в этом состоит суть интертекстуальности – не просто воздается должное предшественникам или ведется полемика с ними, а главное то, что новые акты творчества совершаются на языке, в материале, на фоне и по поводу ценностей той литературной традиции, из которой они возникают и которую они имеют целью обновить» [3, с. 30].

В этом стихотворении Пушкин воплотил духовную жизнь русской нации, провозгласил необходимость добра, света, свободы, милосердия. Поэт говорил, что вышеперечисленные качества необходимы для жизни и процветания всего русского народа, и делает намек на греческий народ. Интертекстуально заимствуя оду Горация в качестве основы своих рассуждений, он утверждает, что любовь и доброта присущи всем народам и именно они помогают людям жить, запечатляют память о них в веках, и приводит пример поэта. Себя Пушкин отождествляет со всеми поэтами мировой кульутры, которые несли свет в жизнь, воспитывали других людей своей поэзией. Размышляя о жизни и смерти, о славе и бессмертии, поэт предельно реалистичен, точен в ответах на эти «вечные вопросы». Пушкин видел залог бессмертия поэта в самом его творчестве – именно его «душа в заветной лире» и «чувства добрые», которые он пробуждал своей лирой в сердцах людей, останутся после него на земле.

Масштабность «Памятника» Пушкина выражается в осмыслении самим поэтом литературного наследия веков, проведения параллелей между разными народами, культурами, более того, великий гений за-

тронул и объединил народности России: *«И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой / Тунгус, и друг степей калмык».* Пушкин показал, что сила Руси великой состоит в единстве национальностей, объединенных верой в отечество, добротой и всемирной отзывчивостью. А главное назначение всех поэтов во все времена – воздействовать на людей, «пробуждая чувства добрые лирой». И именно к памятнику – образцу всемирной любви – «не зарастет народная тропа».

Последователи Пушкина в развитие этой темы пользовались концептами образа как самого памятника, так и традицией апелляции в своих произведения к темам и намекам, отражающим инвариантный образ памятника.

Список цитируемой литературы:

1. Арбузова, В.Ю. Прикладная лингвистика: сверхтекст / В.Ю. Арбузова, О.С. Шурупова. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2022. – 108 с.

2. Ашукин, Н.С. Крылатые слова: Литературные цитаты, образные выражения / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. – М.: Современник, 1996. – 663 с.

3. Жолковский, А.К. Блуждающие сны и другие работы / А.К. Жолковский. – М.: Наука, 1994. – 428 с.

4. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

5. Мокиенко, В.М. Словарь крылатых выражений Пушкина / В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко. – СПб.: СПбГУ, 1999. – 752 с.

6. Шурупова, О.С. «Метель» А.С. Пушкина как источник знаний о русской культуре для испаноговорящих студентов / О.С. Шурупова // Русская литература в иностранной аудитории. Материалы XV международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: РГПУ имени А.И. Герцена, 2024. – С. 30 – 41.

Беликов И.В., студент
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия
Кондратьев А.С., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия

«БЕСЫ» А.С. ПУШКИНА В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ И «БОЛЬШОГО ВРЕМЕНИ» РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация

Духовное и творческое размежевание Пушкина в 1824 г. с радикально настроенными современниками побуждает к уяснению истоков замысла стихотворения «Бесы» 1830 г., в котором поэтически воплощена и освоена перспектива преломления в реальности деформирующих человеческую природу и нравственно-социальные отношения бесовских аксиологических представлений, отвечающих на вызовы культурно-исторических потрясений во всей полноте реализации в контексте «большого времени».

Ключевые слова: Пушкин, творческие искания, духовная традиция, «Бесы», пророческие прозрения, «большое время».

Пушкин в 1823 г., когда замысел романа в стихах «Евгений Онегин» возобладал в его творческом сознании, стихотворение «Демон» посвятил выстраданному прощанию с «героями» и заблуждениями преисполненной бунтарских измышлений юности:

Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд.
Неистощимой клеветою
Он провиденье искушал [7, т. 1, с. 212].

Признание Пушкина в размежевании с радикально настроенными кругами современников свидетельствует о духовном обновлении его творческого сознания: «Громадный перелом <…> начавшийся с 1823 года, <…> означал пересмотр многого: менялся взгляд на свое место в обществе, на политику, историю» [11, с. 141]. Таким образом, 1824 год в духовных исканиях Пушкина был ознаменован свершившимся переломом, отмеченным советским литературоведением. Весной, еще в Одессе, Пушкин развенчивает романтический ореол новоявленных *спасителей* человечества, склонных преступить Божественные заповеди:

Рекли безумцы: нет Свободы,
И им поверили народы.
И безразлично, в их речах,
Добро и зло, все стало тенью –
Все было предано презренью [7, т. 1, с. 592].

По Нагорной проповеди Христа, именно смиренных спасает Благодать Святого Духа: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5:3). Стоит обратить внимание на то, что Пушкин так и не откликнулся стихами на смерть Байрона, а ограничился всего лишь констатацией факта в скупой дневниковой записи от 19 июля 1824 года.

Пушкин новое послание П.Я. Чаадаеву, видевшему старого друга «посвященным в тайну времени» [10, с. 349], завершает по-иному, нежели *послелицейское*, с пресловутыми «обломками самовластья» и мечтами о славе ради мира сего:

Но в сердце, бурями смиренном,
Теперь и тень и тишина,
И в умиленьи вдохновенном
На камне, дружбой освященном,
Пишу я наши имена [7, т. 1, с. 255].

В конце переломного 1824 года, уже в Михайловском, Пушкин пишет «Воображаемый разговор с Александром I». На высказанные Императором замечания о поэтических огрехах юношеской «Вольности», сфокусированной на бесноватой перспективе восстановления справедливого мироустройства, с ее радостью от смерти тирана и погибели даже его детей, что впоследствии не принял Иван Карамазов, рассуждая с братом Алешей о путях построения гармонии, которая «не стоит <…> слезинки хотя бы одного <…> замученного ребенка» [4, с. 75], – Пушкин уверенно и искренно отвечает: «Ах, ваше величество, зачем упоминать об этой детской оде? Лучше бы вы прочли 3 и 6 песнь “Руслана и Людмилы” <…> или I часть “Кавказского пленника”, “Бахчисарайский фонтан”. “Онегин” печатается: буду иметь честь отправить два экз. в библиотеку вашего величества» [7, т. 7, с. 297]. Подводя итоги пройденного пути, Пушкин в 1825 г. воспринимает себя уже укорененным в культурном бессознательном русского народа: «Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить» [7, т. 9, с. 170], однако в связи с подобными наблюдениями и выводами вопрос о месте в творчестве Пушкина замысла стихотворения «Бесы», созданного в самом начале первой Болдинской осени, требует существенных уточнений.

В 1821 г. Пушкин, переживший «свои желанья» и оставшийся «с плодами сердечной пустоты», отметил возникший в его творческом сознании план «Влюбленного беса» – истории двух дочерей старухи: герой «любит меньшую и хочет погубить молодого человека <…> старшая дочь сходит с ума от любви к Влюбленному бесу» [7, т. 5, с. 459]. Замысел остался нереализованным, хотя высказываются предположения о его воплощении в записанной дипломатом и литератором В.П. Титовым со слов Пушкина мистической повести «Уединенный домик на Васильевском», впервые опубликованной им под псевдонимом Тит Костомаров в альманахе «Северные цветы на 1829 год». Трагические последствия бесовского влияния на судьбы человеческие намечены Пушкиным в черновом наброске 1821 года:

Вдали тех пропастей глубоких,
Где в муках вечных и жестоких…
Где слез во мраке льются реки,
Откуда изгнаны навеки
Надежда, мир, любовь и сон,
Где море адское клокочет,
Где, грешника внимая стон
Ужасный сатана хохочет [7, т. 1, с. 558].

Мифологема «Пушкин и декабристы», сотворенная в недрах советского литературоведения, не соотносится с направлением творческих исканий поэта. Если П.И. Пестель в 1824 г. представлял членам Северного тайного общества свою «Русскую правду» как *заповедную* грамоту, в которой отражаются греховные помышления самонадеянного праведника, преисполненного богоборческих устремлений, то Пушкин апеллирует к безусловным началам Бытия:

С небесной книги список дан
Тебе пророк, не для строптивых [7, т. 1, с. 248].

П.И. Пестель переосмысливает значение заповеди, религиозно-нравственного предписания, и наставляет, по бесовскому наущению, на духовную погибель, нарушая ценностную иерархию Закона и Благодати: «Духовенство должно быть признано частью правительства <…> духовные Лицы суть Чиновные особы и вместе с тем Российские Граждане как и все вообще Чиновники занимающие какие либо должности в Государственном Правлении» [3, с.114-115]. Пушкин был знаком с П.И. Пестелем, но диалог незаурядных личностей так и не состоялся, как об этом вспоминает И.П. Липранди, кишиневский приятель поэта: «<…> когда Пушкин в первый раз увидел Пестеля, то, рассказывая о нем, говорил, что он ему не нравится, и, несмотря на его ум <…> никогда бы с ним не смог сблизиться» [6, с. 316]. В сохранив-

шихся фрагментах X главы «Евгения Онегина» Пушкин, вспоминая о мятежной юности своего поколения, называет имена прельщённых бесовскими ориентирами:

Дела иные уж пошли.
Там Пестель для тиранов
И рать набирал
Холоднокровный генерал,
И Муравьев, его склоняя,
И полон дерзости и сил
Минуты вспышки торопил [7, т. 4, с. 178 – 179].

У С.И. Муравьева-Апостола, склонявшего, по мысли Пушкина, Пестеля к бунтарским помышлениям, во время обыска, после ареста, был найден «Православный катехизис», подменяющий изложение христианского вероучения бесовскими наставлениями на путь грешный: «Взять оружие и следовать Смело за глаголющим во имя Господне, Помня Слова Спасителя Нашего: блажени Алчущие и жаждущие Правды яко тии Насытятся, и низложив Неправду и нечестие Тиранства восстановить правление Сходное с Законом божиим <…> а кто отстанет тот яко Иуда Предатель будет Анафимо Проклят Аминь» [3, с. 210-211]. Пушкин, наделенный даром пророчества, еще в 1824 г. выразил открывшиеся ему основания бесовского катехизиса С.И. Муравьева-Апостола:

Вещали книжники, тревожились цари,
Толпа пред ними волновалась,
Разоблаченные пустели алтари,
Свободы буря подымалась.
И вдруг нагрянула… Упали в прах и в кровь,
Разбились ветхие скрижали,
Явился Муж судеб, рабы затихли вновь,
Мячи да цепи зазвучали [7, т. 1 с. 592].

Пушкин, пройдя поверх барьеров времени через свои соблазны и искушения, пророчески предначертал и основные положения «Катехизиса революционера» С.Г. Нечаева, завершающегося, не подлежащим сомнению призывом к сокрушению утвердившегося по Божьим заповедям Благодатного миропорядка: «Наше дело – страстное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение» [8, с. 247]. Проникая в сокровенные тайны грядущего, когда бесовские наваждения обретут черты духовно-нравственной реальности, заявленные пресловутой программой С.Г. Нечаева, Пушкин, склонный полагать, что путь поэта – в освоении дарованных ему свыше предзнаменований, пишет «Бесы», с духовным предостережением, воспринимая из своего светозарного

настоящего суровую даль испытаний в не столь отдаленном грядущем, коль их уже переживает заплутавший путник:

Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам?
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам [7, т. 2, с. 227].

Отмечая в духовном опыте своего лирического героя «угасшее веселье безумных лет», Пушкин строит планы, чтобы «жить» - «мыслить и страдать», и вскрывает в категориях христианской аксиологии уготованные отечественной истории роковые потрясения, что и нашло свое преломление в романе Ф.М. Достоевского «Бесы», эпиграфом к которому были предпосланы строки из пушкинского стихотворения.

Затеянная в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» Петром Верховенским, собравшим скрепленную кровью пятерку заговорщиков, перестройка мироздания по инквизиторским установкам, подменяющим *истину*, *добро* и *красоту – чудом*, *тайной* и *авторитетом*, со всей очевидностью вскрыла несостоятельность в мире Божьем сатанинских доминант в плане его бесовского переосмысления. В связи с этим В.А. Хотакко отмечает: «Верховенский остается совсем один: Кириллов, “назначенный” им ревизором *наших*, считает его *гадиной* и не желает, чтобы в момент его торжества, когда он станет “Богом” тот был рядом с ним. Даже Федька Катержный ни во что ставит Верховенского» [9, с.143].

Поэтому и вызывает сомнение высказанное в парижском журнале «Синтаксис» парадоксальное утверждение А.И. Фета (А.Н. Кленова), математика и публициста, о якобы странном и необъяснимом интересе исследователей-филологов и читательского сообщества к пушкинскому наследию: «Вряд ли можно найти что-нибудь более чуждое современному человеку, чем лирика этого поэта» [5, с. 90-91], тогда как пушкинские «Бесы», выйдя в «большое время», когда произведения «обогащаются новыми значениями, новыми смыслами, <…> как бы перерастают то, чем они были в эпоху своего создания» [1, с. 331], отвечают на актуальные вызовы нашей эпохи.

В романе В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба», напрямую восходящем к «Бесам» Ф.М. Достоевского, о значении творчества которого для цивилизации спорили герои в казанской эвакуации, а через него – и к пушкинским «Бесам», командир танкового корпуса полковник Петр Павлович Новиков, обеспечивший победу под Сталинградом и возглавивший движение к западным границам, перед наступлением увидел *богатырское* пополнение из сельских необстрелянных ребят. Генерал же Неудобнов, поставленный начальником штаба к полковнику, но преуспевший в подавлении человеческого достоинства, резко

оборвал комкора: «Да, кадры бросовые <…> этого сопровождающего разбудил, обещал его в штрафную роту отправить. Распустил их совершенно, не воинская команда, а кабак какой-то» [2, с. 495]. Для него они, как и для Верховенского, а также и для Шестакова из рассказа В.Т. Шаламова «Сгущенное молоко» и героев повести П. Бляхина «Красные дьяволята», всего лишь «людишки», или расходный материал истории для самонадеянного восхождения по карьерной лестнице – к духовному падению и опустошению, от деформирующих человеческую природу последствий которого и предостерегал в контексте «большого времени» своими «Бесами» Пушкин.

Список цитируемой литературы:

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
2. Гроссман, В. Жизнь и судьба / В. Гроссман. – СПб.: Азбука, 2022. – 864 с.
3. Декабристы. Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – 712 с.
4. Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений: в 15-ти т. / Ф.М. Достоевский. – Т. 9. – Л.: Наука, 1991. – 698 с.
5. Кленов, А.Н. Пушкин без глянца / А.Н. Кленов // Синтаксис. – 1982. – №10. – С. 90–131.
6. Липранди, И.П. Из дневника и воспоминаний / И.П. Липранди // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2-х т. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1985. – С. 300–363.
7. Пушкин, А.С. Собрание сочинений в 10-ти т. / А.С. Пушкин. – Т. 1–10. – М.: Художественная литература, 1974–1978.
8. Революционный радикализм в России. Век девятнадцатый / под ред. Е.Л. Рудницкой. – М.: Археографический центр, 1997. – 558 с.
9. Хотакко, В.А. Петр Верховенский в системе героев романа Ф.М. Достоевского «Бесы» / В.А. Хотакко // Проблемы исторической поэтики. – 2024. – Т. 22. № 2. – С. 135–152.
10. Чаадаев, П.Я. Сочинения / П.Я. Чаадаев. – М.: Правда, 1989. – 656 с.
11. Эйдельман, Н.Я. Пушкин и декабристы: из истории взаимоотношений / Н.Я. Эйдельман. – М.: Художественная литература, 1979. – 422 с.

Гречушкина Н.В., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия
Кудрявцева Я.А., студент
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ «ПУШКИН» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Аннотация

В статье рассматриваются особенности репрезентации прецедентного имени «Пушкин» в языковом сознании носителей русского языка. Предметом исследования является функционирование в русском культурном пространстве прецедентных феноменов, восходящих к произведениям А.С. Пушкина. Объектом исследования являются произведения А.С. Пушкина, а также фрагменты из произведений прозаиков и поэтов XX в. и современных авторов. Делается вывод о хрестоматийности прецедентных текстов Пушкина, благодаря чему тексты могут быть интерпретированы в разные формы искусства. Прецедентное имя «Пушкин» является базовым для русского национального самосознания, а сам пушкинский образ выступает в качестве знакового поля.

Ключевые слова: интертекстуальность, прецедентность, репрезентация, А.С. Пушкин, языковое сознание носителей русского языка.

Актуальность данного исследования обусловлена особым статусом интертекстуальности как лингвистической проблемы, которая осуществляется через призму художественной коммуникации как преимущественно имманентная сфера воплощения текстового взаимодействия; неизменным вниманием исследователей к национально-прецедентным текстам как художественным единицам, наделенным значительным потенциалом для личностного развития и нравственного воспитания учащегося; особым интересом к специфике реализации авторского слова в художественных текстах, а также степени узнаваемости текстовых отсылок к произведениям А.С. Пушкина; необходимостью в концептуальном осознании роли художественного текста и способа работы с ним в процессе филологического образования. Цель статьи – изучение особенностей репрезентации прецедентного имени «Пушкин» в языковом сознании носителей русского языка. Научная новизна состоит в описании феноменов прецедентности, связанных с именем величайшего художника русского слова А.С. Пушкина.

Феномен прецедентности как духовное, культурное явление рассматривается в связи с изучением национально-культурного наследия,

сложившегося у определенного социума, этноса, а также является ключевым звеном во взаимоотношениях между сознанием, мышлением и языком [6, с. 39 – 54]. Научная целесообразность, теоретическая важность и практическая значимость изучения разных проявлений прецедентности совершенно очевидны. Теоретической основой статьи служат работы Ю.Н. Караулова, В.В. Красных, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, А.А. Залевской, Р. Барта, Ю. Кристевой, Н.А. Фатеевой, А.К. Жолковского, Е.А. Поповой [1, 2, 6, 7, 10, 11].

В отечественной лингвистике сформировалось несколько основных подходов к изучению прецедентных феноменов. Один из них сочетает позиции теории языковой личности и когнитивной лингвистики (Ю.Н. Караулов, Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко, В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова, Е.А. Нахимова и др.) [8, с. 31 – 41]. Другой подход базируется на результатах лингвокультурологии (С.Л. Кушнерук, Г.Г. Слышкин, Л.И. Гришаева и др.). Наконец, последний подход трактует прецедентные феномены с положений теории интертекстуальности (А.Е. Супрун, Н.М. Орлова, Н.В. Иноземцева, Н.А. Кузьмина, Е.А. Попова).

Подробно рассматривая проблематику использования прецедентных феноменов в речи носителя языка, Д.Б. Гудков отмечает, что использование прецедентов привносит в процесс коммуникации национально-маркированную окраску, имплицируя обращение к фоновым культурным знаниям, давая возможность наиболее полно использовать ссылки на прецедентные феномены, экономно используя при этом весь спектр языковых средств [3].

Прецедентные тексты (от лат. praecedens – предшествующий − случай, имевший ранее место и служащий примером или оправданием для последующих случаев подобного рода) занимают ведущую позицию среди словесных текстов, обнаруживающих значительное воздействие на становление филологической культуры как отдельной языковой личности, так и нации в целом [11, с. 77]. Прецедентные тексты входят в число феноменов, без обязательного знания которых невозможно полноценное и релевантное осмысление культуры в целом.

Г.Г. Слышкин предлагает рассматривать понятие «прецедентный текст» как «любую характеризующуюся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определенной культурной группы» [15, с. 29].

В русле мировой культуры есть тексты, которые на протяжении веков не утрачивают своей прецедентности. К числу национально-прецедентных текстов русской культуры прежде всего принадлежат творения русских классиков XIX в.: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.П. Чехова [5].

Очевидно, что этот ряд творцов прецедентных текстов немыслимо представить и без плеяды таких известных прозаиков и поэтов XX в., как А.А. Ахматова, М.А. Булгаков, М.И. Цветаева, М.А. Шолохов и др.

Можно с уверенностью сказать, что отсылка к классическим прецедентным текстам представляется одним из ключевых атрибутов речевой культуры элитарного (полнофункционального) типа [9].

Прецедентная ситуация – некая образцовая ситуация, сочлененная с элементами конкретных коннотаций, отличительные признаки которой входят в когнитивную базу. Прецедентная ситуация не только хорошо знакома практически всем представителям лингвокультурного сообщества, но и актуальна в плане познания.

Прецедентное высказывание – репродуцируемый результат мыслительно-речевой деятельности. Это многоплановый знак, у которого общее число значений элементов неравноценно его смыслу, как и у фразеологизма [14, с. 17 – 18]. Понятие «прецедентное высказывание» может быть сопоставлено с такими терминами, как «цитата», «крылатое выражение», «интертекстема», «текстовая реминисценция», «логоэпистема».

Прецедентное имя – имя собственное, сопряженное с 1) общепризнанным текстом, который, по обыкновению, принадлежит к числу прецедентных *(Пиковая дама*, *Леди Макбет, Дубровский);* 2) прецедентной ситуацией, хорошо знакомой представителям лингвокультурного сообщества *(Иван Сусанин);* 3) именами-символами, сигнализирующими о некой образцовой сумме известных качеств *(Пушкин, Суворов, Наполеон, Ломоносов).*

Скрупулезно рассматривая проблематику прецедентных имен и вопросов прецедентности, Д.Б. Гудков отмечает, что в кругу имен можно вычленить такие, которые не только закладывают основы формирования национального сознания у носителей языка, но и устанавливают систему ценностей, шкалу поведения [3, с. 60].

Таким образом, прецедентность, будучи лингвистическим и культурным феноменом, привлекает внимание большого количества лингвистов. В русле антропоцентрической парадигмы прецедентные феномены носят интертекстуальный характер. Интертекстуальность, основанная на взаимодействии текстов друг с другом, теснейшим образом граничит с проблематикой прецедентности [16, с. 120-172].

Исключительное место в истории мировой художественной литературы принадлежит творчеству А.С. Пушкина. Русская литература не имеет аналогов по широкомасштабности образов писателей или поэтов, рецептивная сфера которых была бы столь разнообразной и всеобъемлющей настолько, что каждая эпоха находила в его творчестве всё новые и новые грани. А.С. Пушкину, как никому другому, была посвящена обширная по численности коллекция литературно-

критических трудов и художественных произведений. Поводов для этого великое множество: сверхъестественный магнетизм самобытности Пушкина, его судьба и, безусловно, уникальное художественное наследие, которое задало оригинальный вектор направления на оси истории русской литературы.

Без сомнения, всякий дискурс присутствует по большей части в текстах, за которыми можно обнаружить характерный лексикон, особую семантику и, в конечном итоге – своеобразную вселенную. У любого дискурса имеются в наличии свои прецедентные тексты, имена, доминантные образы и базовые концепты [8]. Имя и сам образ А.С. Пушкина входят в разряд прецедентных для поэтического дискурса. В поэтическом подкорпусе Национального корпуса русского языка прецедентное имя «Пушкин» отмечается свыше тысячи раз [17].

Интерес лингвистического сообщества к роли пушкинского текста в художественной литературе, а также к отдельным прецедентным феноменам, возник не случайно, так как человеческому общению присуще и цитирование, и использование различных крылатых единиц, что насыщает нашу речь своеобразными ассоциациями, характерными эмоциями, и этот феномен был давно подмечен художниками слова. Крылатые слова и выражения, имеющие своей исходной точкой произведения А.С. Пушкина, основательно запечатлелись в национальном самосознании представителей русского лингвокультурного сообщества и стали широко распространенными среди носителей языка. Пушкинское наследие сохранило внушительный след в современных словарях крылатых единиц. Образ Пушкина, а также все его творчество носит статус абсолютного эстетического образца, оценивающего те или иные явления культуры. Совершенно очевидно, что прецедентное имя «Пушкин» является базовым для русского национального самосознания, а сам пушкинский образ выступает в качестве знакового поля, некой связкой смыслов, ассоциаций и прецедентных феноменов.

Произведения Пушкина представляют собой обильный источник творческих трансформаций в текстах русских писателей и поэтов XIX–XX вв. Пушкинские крылатые единицы претерпевают структурно-семантические преобразования, служат подспорьем писателям для генерирования собственных идей, выражают концептуальный смысл художественного текста. Беря за основу прецедентный текст, пушкинский текст сам стал прецедентным.

Довольно часто произведения А.С. Пушкина выступают в качестве текста-источника, который может быть воссоздан в первоначальном виде или же вторичном виде, преобразованном на различных уровнях – лексическом, синтаксическом, а также может быть использован в качестве аллюзии. Рассмотрим некоторые интертекстуальные

связи произведений современных авторов с творчеством великого русского поэта.

Т.Н. Толстая расписывает причудливый узор своего романа «Кысь», апеллируя ко многим произведениям разных авторов, а также привлекая разного рода историко-литературный материал. В главе «Добро» Варвара Лукинишна в беседе о сущности поэзии с главным героем романа Бенедиктом обронила: «*для меня стихи – это всё»* [14], тем самым подготавливая почву для рефрена «*Пушкин – наше всё»* [14], который звучит на протяжении всего романа. Таким образом, посредством изображения Варвары Лукинишны автор вкрапляет в свой роман образец идеального читателя. Модели идеального читателя противопоставляется образ Бенедикта, которому абсолютно безразличен вопрос авторства книг. Более того, для Бенедикта автор – эта некая безликая сущность, «голубчик», а для того чтобы хоть как-то систематизировать книги, он разделяет их по размеру, объему, цвету обложки; и далеко не сразу его осеняет мысль, что книги группируются под авторским именем: *«…на каждой книжке, слышь, на коробке ее обозначено: кто писал. Скажем, Жюль Верн. Так он и большую книжку, коричневую, сочинил, и малую, синенькую. Как их в разные углы пихнешь? – их надо вместе»* [14, с. 232]. По большому счету, Бенедикту все равно, Федор Кузьмич ли создает данные произведения или кто-то иной. Однако Бенедикт все же инкриминировал Федору Кузьмичу «кражу стихов»: *«У Пушкина стихи украл! <…> Пушкин – наше все! А он украл!»* [14, с. 347]. В романе «Кысь» образу Пушкина подвластны две главенствующие крайности, которые неотделимы друг от друга – это и священный трепет перед гениальным дарованием, и обытовление поэта. В романе прочерчивается очень тонкая грань трансформации Пушкина от непревзойденного *«самородка»* до *«первого и полного представителя нашей физиономии». Отдельным ключевым образом романа Т. Толстой предстает пушкинский образ метели. Именно это природное явление служит предзнаменованием перемены душевного состояния главного героя, будоража воображение, пробуждает ассоциации с обликом таинственной и внушающей страх Кыси: «Вечер уже. Никак и метель собралась. Наметет высокие сугробы, засвищет по улочкам, занесет избы по самые окна. Застонут высокие деревья в северных лесах, выйдет из лесу кысь, подступит к городку, завоет жалобно: кы-ысь! кы-ысь!»* [14, с. 7].

Игра Т. Толстой с многогранным образом Пушкина, его текстами и крылатыми единицами – это одновременно попытка следования и отклонения от оси классической традиции, и в то же время отправная точка для творчества.

В заглавии рассказа Л.Е. Улицкой «Пиковая дама» можно уловить намек на известное пушкинское произведение [15, с. 5-30]. Автор по-

своему трактует и воплощает ядро замысла своего рассказа посредством выстраивания образов. Улицкая воскрешает исходный пушкинский образ, который знаменует конкретный образец самовлюбленной души. Так, образ Пиковой дамы порождает ассоциативный ряд, связанный с пустой прелестью, отсутствием всякого намека на добросердечие и душевную теплоту и становится символом разрушительного эгоизма.

Очень показательно тираническое отношение обеих «старушек» к «воспитанницам». Однако Л.Е. Улицкая многократно усиливает деспотизм своей героини, ведь она разрушает жизнь своей единственной дочери, сведя ее в могилу преждевременно. В отличие от повествователя в повести А.С. Пушкина «Пиковая дама», который находит смягчающие обстоятельства: *«Графиня, конечно, не имела злой души, но была своенравна, как женщина, избалованная светом, скупа и погружена в холодный эгоизм, как все старые люди, отлюбившие в свой век и чуждые настоящему»* [13, с. 1050], - Улицкая в более жестких тональностях осуждает свою героиню.

В художественном мире С. Довлатова, а конкретно в повести «Заповедник», образ Пушкина представляет собой структурообразующее ядро, вокруг которого выстроены персонажи и которому подчинено пространство и время повести. Отношение Бориса Алиханова к великому русскому поэту можно проиллюстрировать следующими строками из повести: *«В местной библиотеке я нашел десяток редких книг о Пушкине. Кроме того, перечитал его беллетристику и статьи. Больше всего меня заинтересовало олимпийское равнодушие Пушкина. Его готовность принять и выразить любую точку зрения. Его неизменное стремление к последней высшей объективности. Подобно луне, которая освещает дорогу и хищнику и жертве»* [4].

К пушкинскому дискурсу обращались так много писателей и поэтов (А.А. Ахматова, М.И. Цветаева, А. Белый, В.В. Набоков, К.Д. Бальмонт, В.Ф. Ходасевич и др.), что невозможно перечислить их всех. Образ Пушкина как «солнца русской поэзии» в большей степени актуален для начала XX в. *«Кому – быть солнцем. Имя – Пушкин»* (К. Бальмонт); *«Любовь! Россия! Солнце! Пушкин!»* (И. Северянин). Для В. Ходасевича, как и для многих других русских писателей-эмигрантов, Пушкин, его творения становится олицетворением Родины, России (см. стихотворение «Я родился в Москве…»). На протяжении двух веков пушкинское слово не единожды подвергалось переосмыслению, открывало и продолжает открывать каждому поколению читателей всё новые и новые грани творчества великого русского поэта.

Интерес лингвистического сообщества к роли интертекста в художественной литературе, а также к отдельным прецедентным феноменам, возник не случайно, а был вызван открытиями в различных об-

ластях научного знания и стал на новом этапе науки о языке перспективной областью исследования. Крылатые слова и выражения, имеющие своей исходной точкой произведения А.С. Пушкина, основательно запечатлелись в национальном самосознании представителей лингвокультурного сообщества и стали широко распространены среди носителей языка. Пушкинское наследие сохранило внушительный след в современных словарях крылатых единиц.

Поэзия Пушкина представляет собой обильный источник творческих трансформаций в текстах русских прозаиков и поэтов XIX–XX вв. Пушкинские крылатые единицы претерпевают структурно-семантические преобразования, служат подспорьем писателям для генерирования собственных идей, выражают концептуальный смысл художественного текста.

Проблема цитирования фиксирует не только процедуру восприятия и создания текста, но и играет значительную роль в жизни как отдельного индивида, так и всей нации в целом, ввиду того, что вся жизнь человека проходит в текстовой вселенной. Введение цитаты в текст является в определённой степени её введением заново в речь, в язык, жизнь, что способствует обогащению и укреплению духовного самосознания нации.

Так, имя и сам образ А.С. Пушкина входят в разряд прецедентных для художественного и публицистического дискурса на протяжении длительного времени, а обращение к национально-прецедентным текстам А.С. Пушкина в коммуникациии языковой личности осуществляется неоднократно и является ценным в когнитивном и экспрессивном отношениях. Прецедентные тексты, созданные Пушкиным, носят звание хрестоматийных, благодаря чему могут быть интерпретированы в разные формы искусства.

Это подтверждает наличие колоссального числа жанров различных видов искусства (живописных полотен, балетов, опер, художественных и документальных фильмов, скульптур), задействующих сюжеты из произведений А.С. Пушкина и отражающих биографию писателя. Среди произведений искусства: картина «Пушкин на берегу Чёрного моря» художников И.К. Айвазовского и И.Е. Репина, полотно «Пушкин в селе Михайловском» художника Н.Н. Ге, графический портрет А.С. Пушкина В.А. Серова, живописный портрет К.С. Петрова-Водкина, полотно «Осенние дожди» художника В.Е. Попкова, оперы «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Руслан и Людмила», «Борис Годунов», «Русалка», «Каменный гость», балеты «Медный всадник», «Бахчисарайский фонтан», художественные фильмы «Алеко», «Борис Годунов», «Дубровский», «Евгений Онегин», «Капитанская дочка», «Мазепа», «Каменный гость», «Моцарт и Сальери», документальные фильмы «Пушкин: по-

следняя дуэль», «День полнолуния», «Юность поэта», «И с Вами снова я…», «Жизнь и смерть Пушкина», памятник А.С. Пушкину на Пушкинской площади в Москве скульптора А.М. Опекушина, скульптуры А.С. Пушкина и Н. Гончаровой на Старом Арбате работы А. и И. Бургановых, памятник «А.С. Пушкин в юношеские годы» в Царском селе скульптора Роберта Баха, памятник в честь 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина в Липецке скульпторов Ю.Д. Гришко и И.М. Мазура.

Итак, в настоящей работе нами изложен взгляд на проблему прецедентности и интертекстуальности художественного текста как лингвистических и культурных феноменов, аргументирована актуальность их исследования как сущностей, обладающих способностью не только шифровать, сохранять и актуализировать культурную информацию, но и быть основой в обучении русскому языку и русской литературе. Произведения Пушкина представляют собой обильный источник творческих трансформаций в текстах русских писателей и поэтов XIX–XX вв. Прецедентные тексты, созданные Пушкиным, носят звание хрестоматийных, благодаря чему могут быть интерпретированы в разные формы искусства. Прецедентное имя «Пушкин» является базовым для русского национального самосознания, а сам пушкинский образ выступает в качестве знакового поля.

Список цитируемой литературы:

1. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: «Прогресс», 1994. – С. 131 – 383.

2. Бахтин, М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1997. – 320 с.

3. Гудков, Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д.Б. Гудков. – М.: МГУ, 1999. – 152 с.

4. Довлатов, С.Д. Заповедник. Рассказы / С.Д. Довлатов. – СПб.: Новый Геликон, 1996. – С. 267 – 350.

5. Жолковский, А.К. Блуждающие сны и другие работы / А.К. Жолковский. – М.: «Прогресс», «Универс» 1994. – 428 с.

6. Залевская, А.А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию / А.А. Залевская // Языковое сознание и образ мира. – М.: ИЯ РАН, 2000. С. 39 – 55.

7. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

8. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.

9. Кристева, Ю. Избранные труды. Разрушение поэтики / Ю. Кристева. – М.: РОССПЭН, 2004. – 656 с.

10. Лотман, Ю.М. Текст в тексте / Ю.М. Лотман // Труды по знаковым системам: текст в тексте. – Тарту: Издательство Тартуского университета, 1991. – С. 149-161.

11. Попова, Е.А. Прецедентные тексты русской культуры и их воспитательные возможности / Е.А. Попова // Русский язык как средство духовного воспитания человека. Сборник статей. – Липецк: ЛГПУ, 2003. – С. 87-96.

12. Преподавание русского языка и литературы. Практические материалы. Выпуск второй. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. – 98 с.

13. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений в одном томе А.С. Пушкин. – М.: Альфа-книга, 2014. – 1059 с.

14. Толстая, Т. Кысь / Т. Толстая. – М.: Эксмо, 2016. – 384 с.

15. Улицкая, Л.Е. Пиковая дама. Рассказы / Л.Е. Улицкая. – М.: Вагриус, 1999. – 318 с.

16. Фатеева, Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности / Н.А. Фатеева. – М.: Комкнига, 2000. – 280 с.

Попова Е.А., д-р филол. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия

А.С. ПУШКИН В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕРСОНОСФЕРЕ И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация

В статье в связи с проблемой формирования российской гражданской идентичности личности рассматривается уникальное место А.С. Пушкина в отечественной персоносфере, в состав которой входит национальная и региональная персоносфера, связанная с Липецким краем. Материалом исследования послужили данные лингвистических словарей русского языка, произведения русской литературы, литературные интернет-мемы. Обращается внимание на снижение образа Пушкина в современном медийном пространстве, что рассмотрено на примере литературных мемов.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, персоносфера, гражданская идентичность, лингвистические словари русского языка, традиционные духовно-нравственные ценности, медийное пространство, литературные интернет-мемы.

Сознание носителей языка персонифицировано, т.е. представлено в виде ярких образов (персоналий), закрепляющих в сознании языковой личности «воспроизводимую систему ценностей» [28]. Эти персоналии, по Г. Хазагерову, восходят к четырем источникам: литературе, истории, православию, фольклору. Персоносфера бывает национальной, региональной, индивидуальной, общечеловеческой. Данные разновидности могут иметь точки пересечения, поскольку одна и та же личность может принадлежать сразу нескольким персоносферам. Прежде всего, это относится к великим деятелям культуры, например таким, как А.С. Пушкин. Для формирования российской гражданской идентичности, которой в настоящее время уделяется очень большое внимание, наибольший интерес представляет национальная персоносфера, так как именно она способствует осознанию связи личности со своей нацией, Отечеством, ее историей, культурным пространством, первым проявлением которого является родной язык. Термин «отечественная персоносфера», вынесенный в название статьи, включает в себя не только национальную, но и региональную персоносферу, поскольку объединяет понятия большой и малой Родины.

Образы национальной персоносферы не просто воспроизводят, транслируют, а конкретизируют традиционные духовно-нравственные ценности, к числу которых относятся патриотизм, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, гражданственность, историческая память и преемственность поколений, крепкая семья, милосердие, созидательный труд и др. (подробнее см. [24]). Особенно важна такая персонифицированная конкретизация традиционных российских ценностей для представителей молодого поколения, чье сознание, в том числе языковое, формируется под влиянием медийного пространства, испытывая воздействие ценностей массмедийной культуры, которые чаще всего не совпадают и даже противоречат традиционным ценностям, демонстрируют покушение на складывающуюся веками русскую ментальность. Поэтому усвоение представителями молодого поколения ценностей массмедийной культуры, которые по своей сути являются антиценностями, ведет к потере духовной преемственности поколений, распространению деструктивной идеологии. Противодействием этому являются традиционные российские духовно-нравственные ценности, воплощенные в образах национальной персоносферы.

К.Д. Ушинский еще в XIX в. говорил о том, что в основу народного образования должно быть положено формирование знаний о своей Родине (причем эти знания обязательно должны быть проникнуты уважением и любовью к ней), отечественного языка, истории, географии. Знание России, по убеждению великого педагога, «должно быть признано такою же необходимостью для каждого человека, как умение читать и

писать <…>» («О необходимости сделать русские школы русскими») [26, с. 361]. Ушинский видел прямую связь между широким распространением этих знаний и успехами страны в социально-экономическом, культурном и ином развитии. По нашему мнению, знание Отечества обязательно включает знание отечественной персоносферы.

Одно из первых мест в корпусе отечественной персоносферы занимает А.С. Пушкин. В его произведениях нашли отражение все традиционные российские духовно-нравственные ценности: «Капитанская дочка» – это служение Отечеству и ответственность за его судьбу, милосердие, крепкая семья; «Бородинская годовщина», «Клеветникам России» – патриотизм; «Моя родословная», «Два чувства дивно близки нам…» – историческая память и преемственность поколений, «Пир Петра Первого» – милосердие и т.д.

Согласно данным «Психолингвистического словаря русского языка» А.В. Рудаковой, С.В. Коваленко, И.А. Стернина, индекс освоенности семантики антропонима *Пушкин* максимальный – 1,00 [16, с. 52], тогда как у других известных писателей индекс освоенности меньше 1,00 (ср. А.А. Ахматова – 0,81; Н.В. Гоголь – 0,91; Ф.М. Достоевский – 0,86; С.А. Есенин – 0,99; Н.А. Некрасов – 0,82; И.С. Тургенев – 0,82; М.Ю. Лермонтов – 0,97; Л.Н. Толстой – 0,98; А.П. Чехов – 0,96) [15; 16].

В языковом сознании современных носителей русского языка Пушкин предстает, прежде всего, как поэт, о чем свидетельствуют, во-первых, реакция *поэт*, являющаяся самой частотной из всех реакций [18, с. 534; 16, с. 51], во-вторых, реакции *стихи* (эта реакция по частоте на втором месте в «Психолингвистическом словаре русского языка» [16, с. 51] и на третьем в «Русском ассоциативном словаре» [18, с. 534]), *великий поэт, великий русский поэт, стихотворец* в «Русском ассоциативном словаре» [18, с. 534], *поэзия, великий поэт, признанный поэт, русский поэт, стих* в «Психолингвистическом словаре русского языка» [16, с. 51]. Реакции *драматург, прозаик* [16, с. 51] представляют Пушкина как писателя, создающего произведения в рамках других родов литературы, нежели лирика: драматургии и эпоса. Ассоциаты *писатель, великий писатель, книга, книги* [18, с. 534; 16, с. 51] говорят о Пушкине как об авторе произведений всех трех родов литературы. Реакция *писатель* в психолингвистическом значении антропонима *Пушкин* является архисемой.

С помощью реакций *Онегин, К Керн, Медный всадник* [18, с. 534] и «*Капитанская дочка», «Мороз и солнце…», «Сказка о царе Салтане», «У Лукоморья...», «У Лукоморья дуб зелёный...»* [16, с. 51] происходит актуализация принадлежащих Пушкину прецедентных текстов.

Неединичные, в том числе самые частотные реакции на вопрос **Пушкин – что делает?**, которые давали респонденты, тоже представ-

ляют Пушкина как писателя: *пишет* 15, *сочиняет* 9, *пишет стихи*, *сочиняет стихи, творит* 3, *пишет поэмы* 2 [16, с. 51].

В «Русском ассоциативном словаре» на стимул *поэт* реакция *Пушкин* является самой частотной – 37 [18, с. 496]. Реакции *Пушкин, Пушкина* самые частотные на стимул *поэма*: 12 (*Пушкин*), 8 (*Пушкина*) [18, с. 496].

Пушкин – символ гения в литературе, о чем, кроме названных ранее, свидетельствуют реакции *гений, великий* в «Русском ассоциативном словаре» [18, с. 534], *гений, наше всё, талант, гениальность* в «Психолингвистическом словаре русского языка» [16, с. 51]. *Гениальный* – вторая по частотности сема после *писатель* в психолингвистическом значении антропонима *Пушкин* [см. 16, с. 51]. В «Русском ассоциативном словаре» *Пушкин* – вторая по частоте реакция на стимул *гений* [18, с. 130].

В языковом сознании носителей русского языка Пушкин и его творения вызывают ассоциации с Родиной и русским языком, являются их олицетворением. Об этом свидетельствуют как ассоциации *русский язык* [16, с. 51], *в руке его всегда словарь лежал* [18, с. 534], данные на слово-стимул *Пушкин*, так и высказывания деятелей русской культуры. Так, в дневнике нашего земляка М.М. Пришвина за 1933 г. есть такая запись: «*7 сентября*. Прочитал Пушкина “История Пугачевского бунта” и “Капитанскую дочку”. Наконец-то дожил до понимания “Капитанской дочки” и тоже себя: откуда я пришел в литературу. <…> И теперь читаешь и как будто у себя на родине... именно это родина; моя родина не Елец, где я родился, не Петербург, где наладился жить <...> моя родина, непревзойденная в простой красоте, и что всего удивительней, органически сочетавшейся с ней доброте и мудрости человеческой, – эта моя родина есть повесть Пушкина “Капитанская дочка”» [14, с. 253].

В стихотворении В. Ходасевича, написанном в эмиграции в 1923 г., когда Родина и для лирического героя, и для автора была потеряна навсегда, Пушкин и его произведения, вмещенные в «восемь томиков», становятся олицетворением России: «…восемь томиков, не больше, – / И в них вся родина моя. / Вам – под ярмо ль подставить выю / Иль жить в изгнании, в тоске. / А я с собой свою Россию / В дорожном уношу мешке. / Вам нужен прах отчизны грубый, / А я где б ни был – шепчут мне / Арапские святые губы / О небывалой стороне» («Я родился в Москве. Я дыма…») [29, с. 295].

Преемственность поколений, основанная на литературном языке как высшей разновидности национального языка (а Пушкин – основоположник современного русского литературного языка), выражена в известных словах А.М. Пешковского из работы «Нормативная и объективная точка зрения на язык»: «Если бы литературное наречие изме-

нялось быстро, то каждое поколение могло бы пользоваться лишь литературой своего да предшествующего поколения <…> Но при таких условиях не было бы и самой литературы, так как литература всякого поколения создается *всей* (курсив автора. – Е.П.) предшествующей литературой. Если бы Чехов уже не понимал Пушкина, то, вероятно, не было бы и Чехова. Слишком тонкий слой почвы давал бы слишком слабое питание литературным росткам» [13, с. 114].

На русский литературный язык огромное влияние оказал старославянский язык. Без старославянского влияния русский язык не достиг бы такого богатства, выразительности, какими он обладает в настоящее время. А.С. Пушкин, используя метафору усыновления, писал, какое преимущество получил русский язык благодаря влиянию старославянского, принесшего на русскую почву достижения греческого языка: «Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заемлет он гибкость и правильность» [17, т. 7, с. 27].

Очевидна связь языка и персоносферы: «Язык, не поддержанный персоносферой, не может быть задан как норма, как образец. Все литературные языки сформировались под влиянием практики художественной литературы. Пушкин стал основоположником русского литературного языка <…> потому, что языку Пушкина хотелось подражать» [28].

В дискурс русской языковой личности входит несколько сотен пушкинизмов. Ни один другой художник слова в этом отношении не может сравниться с Пушкиным. В отечественной лексикографии имеются специальные словари крылатых слов и выражений, восходящие к произведениям Пушкина [см. 11; 12]. Так, «Словарь крылатых выражений Пушкина» В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко, изданный к 200-летию со дня рождения поэта, фиксирует более 1900 пушкинизмов [см. 11]. В изданном через несколько лет «Школьном словаре крылатых выражений Пушкина» этих же авторов количество пушкинизмов – около 3000 [см. 12]. Из всех произведений Пушкина решающая роль в расширении русского фразеологического фонда принадлежит роману в стихах «Евгений Онегин», который по праву именуется не только *энциклопедией русской жизни* (В.Г. Белинский), но и «прецедентным макротекстом» [9, с. 158]. Словарь К.П. Сидоренко «Цитаты из “Евгения Онегина” А.С. Пушкина в текстах разного жанра» насчитывает более 300 выражений, источником которых является пушкинский ро-

ман в стихах [см. 21]. А опыт словаря «“Мой дядя самых честных правил”: Крылатые слова, цитаты, образы из романа в стихах А.С. Пушкина “Евгений Онегин”» В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко, посвященный 200-летию (1823) начала работы Пушкина над «Евгением Онегиным», содержит более 1000 словарных статей [см. 10]. По мнению этих исследователей, почти весь текст этого пушкинского произведения «готов в той или иной степени к цитированию» [9, с. 158]. В других словарях крылатых слов и выражений таких авторов, как Н.С. Ашукин и М.Г. Ашукина, Л.П. Дядечко, В.В. Серов, С.Г. Шулежкова, где собран языковой материал, восходящий к разным источникам, больше всего выражений, источниками которых являются произведения Пушкина [см. 1; 5; 20; 31]. Словарь С.Г. Шулежковой назван пушкинским крылатым выражением «И жизнь, и слезы, и любовь…», которое представляет собой последнюю строку национального прецедентного текста – стихотворения, посвященного А.П. Керн.

Несколько пушкинских крылатых выражений зафиксировано во фразеологических словарях как идиомы. Так, «Фразеологический словарь русского языка» А.И. Фёдорова включает такие пушкинизмы, как *властитель дум; властвовать собою; золотая рыбка; не мудрствуя лукаво; не по дням, а по часам; у разбитого корыта; к разбитому корыту,* причем только два последних имеют указание на источник со ссылкой на 1-й том «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, где в словарной статье «корыто» приводится фразема *у разбитого корыта* [27, с. 316].

Таким образом, «разговорная и книжная речь, скрещенные под гениальным пером, вернулись к народу в обновленной, ранее не виданной форме, которую иначе, как пушкинской, не назовешь» [4, с. 74]. Языком Пушкина говорит не только русская персоносфера, но и весь русский народ. Следует отметить, что среди крылатых выражений русского языка есть и такое: *Пушкин – наше всё*, восходящее к статье Аполлона Григорьева «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» (1859). Это выражение употребляется в значении «О Пушкине как о факторе русского национального сознания» [5, с. 386]; «О значении А.С. Пушкина для русской культуры, для русского народа» [31, с. 593].

Фамилия *Пушкин* для русского человека имеет огромный культурный и языковой «вес», поскольку «это <…> великий национальный поэт, имя которого окружает нас с детства в виде названия улиц, площадей, населенных пунктов, музеев, библиотек <…>. Фамилия поэта используется в речевых актах отказа: *Кто за это будет отвечать? Пушкин? (= Я за это отвечать не буду).* Эта фамилия встречается и в речевых актах уличения: *А это кто сделал, Пушкин? (= Это сделали Вы).* <…> В “новоязе” новых русских эта фамилия приобрела адвер-

биальное значение, что-то вроде “отлично”, как в следующем диалоге: *– Как дела? – Пушкин!* (из записи устной речи). Кроме того, эта фамилия способна к прономилизации. Е.С. Отин пишет: “В разговорно-просторечном субстандарте, массовой городской речи фамилия *Пушкин* нередко используется в качестве коннототивного онима, развившего сопутствующие смысловые оттенки: *неопределенно, неизвестно кто; кто-то, кто-то другой...*”. Как вредить, так они первые, а как отвечать, так *Пушкин* <...>» [19, с. 13-14]. В «Словаре русского арго» В.С. Елистратова зафиксирован оним *Пушкин* в указанном значении: «**ПУШКИН**. *собств*. Неизвестно кто; бог его знает кто. *А кто платить будет, Пушкин?*» [6, с. 387].

В качестве первого свойства персоносферы Г. Хазагеров называет диалогизацию, суть которой «состоит в том, что объекты персоносферы – это лица, личности. Отсюда проистекает возможность сопоставления себя с ними, возможность сопереживания, подражания, в частности, копирования речевых манер; возможность помещения себя в мир персоносферы, моделирования своего поведения в этом мире» [28]. Например, «Татьяна стала неотъемлемой частью персоносферы русских женщин. <…> сотни тысяч русских девушек хоть раз в жизни, но определяли свое место в системе “Татьяна – Ольга”» [28].

Но Пушкин – это образ не только национальной, но и региональной персоносферы, которую формируют региональные антропонимы, т.е. имена собственные лиц, оставивших заметный след в истории и культуре. Имя Пушкина есть на литературной карте многих регионов России: Москвы, Санкт-Петербурга, полуострова Крым, Тверской, Псковской, Липецкой, Оренбургской областей и др. Например, для жителей Липецкой области, на территории которой жило несколько поколений предков Пушкина по материнской линии, прежде всего его бабушка – Мария Алексеевна, имя Пушкина ассоциируется с его прародиной, бабушкой.

На Липецкой земле предкам Пушкина принадлежали три усадьбы, не считая приобретенных: в селе Кореневщино (другое название – Покровское, ныне Добровский район Липецкой области), в деревне Плавица (другое название – Пушкино, современный Добринский район), в селе Кузьминка (ныне Липецкий район). «В Покровском прошла значительная часть жизни Марии Алексеевны Пушкиной – бабушки А.С. Пушкина. В общей сложности с Покровским у Марии Алексеевны связано около 30 лет жизни» [25, с. 126]. Здесь провела детские годы мать Пушкина – Надежда Осиповна (1775–1836), – с октября 1776 г. до 1784 г., т.е. до переезда в Псковскую усадьбу Ганнибала, выделенную ей в собственность Екатериной II из имений отца-двоеженца. Недалеко от Христорождественского собора г. Липецка (на современ-

ной улице Ленина, которая до революции называлась Дворянской) находилась городская усадьба предков Пушкина по материнской линии. Еще одна усадьба пушкинских предков располагалась на территории современного Липецкого района – в селе Кузьминка, рядом с которым было село Кистенёва Дубрава (современное название – Тюшевка). По мнению липецкого краеведа А.Ю. Клокова, название именно этого села отразилось в повести Пушкина «Дубровский». Кистеневка – название родового имения главного героя произведения. Ссора отставного генерала Измайлова и отставного секунд-майора Протасьева вначале на знаменитой в XIX в. Лебедянской конной ярмарке, а затем на Липецком курорте минеральных вод перекликается с сюжетом «Дубровского»: ссорой Троекурова и старика Дубровского. Подробнее см. [30]. Скорее всего, как считает А.Ю. Клоков, сюжет этой повести был подсказан Пушкину его бабушкой.

Мария Алексеевна Пушкина (1745–1818) жила в Липецке вместе со своими родителями – Алексеем Федоровичем и Саррой Юрьевной (урожденной Ржевской), по одним данным – здесь она родилась, по другим – место ее рождения – село Покровское (Кореневщино). В Липецке в 1773 г. в Вознесенском соборе, который, к сожалению, до наших дней не сохранился, состоялось ее венчание с Осипом Абрамовичем Ганнибалом (1744–1806) – сыном знаменитого арапа Петра Великого (Осипа Ганнибала направила в Липецк Екатерина II для осмотра и ревизии железоделательных заводов); на малую родину она вернулась после развода с мужем вместе с малолетней дочерью Надеждой – будущей матерью Александра Пушкина. О Липецке как об «основательном месте и вообще основном месте» [23, с. 7] жизни бабушки Пушкина говорится в романе Ю.Н. Тынянова «Пушкин». В этом отношении героиня противопоставляет Липецк Москве и Петербургу как «местам непостоянным и неосновательным» [23, с. 8].

Считается, что именно Марии Алексеевне Пушкин во многом обязан хорошим знанием русского языка и любовью к нему. Няня поэта – воспетая им в стихах Арина Родионовна (1754–1828) – вначале была крепостной его бабушки; получив вольную, она все равно осталась служить своим господам; в год рождения Александра она была взята к детям Надежды Осиповны Пушкиной. Этим двум женщинам – Марии Алексеевне и Арине Родионовне – мы должны быть благодарны за то, что в России появился гениальный реформатор русского языка. Александр в детстве заслушивался правильной русской речью Марии Алексеевны и народной речью Арины Родионовны, их рассказами о старине, о порядках, царивших в старинных дворянских семьях.

Вот как писал о бабушке Пушкина наш земляк П.И. Бартенев (1829–1912), один из основоположников пушкинистики, основатель и

издатель журнала «Русский архив»: «Младший сын, Осип Абрамович, также флотский офицер, приехав в 1773 году на липецкие чугунные заводы, женился на дочери тамбовского воеводы, Марье Алексеевне Пушкиной. Соединясь браком по страсти, они вскоре развелись и до конца жизни не сходились. <...> Марья Алексеевна Ганнибал замечательна для нас особенно потому, что была первою воспитательницею поэта. У нее выучился он читать и писать по-русски. Он залезал в ее рабочую корзину, смотрел, как она занималась рукодельем, слушал ее рассказы про старину... От нее, без сомнения, осталось в памяти Пушкина много семейных преданий. Заметить надо, что Марья Алексеевна отлично писала по-русски. Русским слогом ее писем восхищался Дельвиг» [2, с. 50]. «Дочерью тамбовского воеводы» бабушка Пушкина названа потому, что города Липецк и Сокольск (многие считают, что в последнем Алексей Федорович Пушкин был воеводой, позже этот город вошел в состав Липецка) раньше относились к Тамбовскому наместничеству. Сам Пушкин в «Начале автобиографии» (1834) тоже именовал свою бабушку «дочерью тамбовского воеводы» [17, т. 8, с. 81].

В незаконченной поэме «Езерский» (1832) поэт писал о себе и своих предках следующее: «Люблю от бабушки московской / Я слушать толки о родне, / Об отдаленной старине. / Могучих предков правнук бедный, / Люблю встречать их имена / В двух-трех строках Карамзина» [17, т. 4, с. 344]. «Московской бабушкой» названа Мария Алексеевна, которая по месту своего рождения и проживания с полным правом могла бы называться «липецкой бабушкой». Пушкин, проявлявший большой интерес к истории своего рода, гордился своими предками, о чем свидетельствуют его произведения и высказывания: «<…> неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности» («Гости съезжались на дачу…») [17, т. 6, с. 569]; «Два чувства дивно близки нам, / В них обретает сердце пищу: / Любовь к родному пепелищу, / Любовь к отеческим гробам» («Два чувства дивно близки нам…») [17, т. 3, с. 214] и др. В последнем стихотворении словосочетания «родное пепелище» и «отеческие гробы» выступают как контекстуальные синонимы. *Пепелище* – «символ дома, жилища, в котором обитали отцы, предки» [22, с. 308]. Словосочетание *отеческие гробы* означает «могилы предков». Выражение *Любовь к отеческим гробам* зафиксировано в «Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений» В.В. Серова в значении «иносказательно: о патриотизме, любви к родине, которая обычно проявляется в простой, естественной форме – как привязанность к родному дому, как верность памяти предков» [20, с. 314].

К сожалению, для современной информационной эпохи характерна смена культур: «от традиционной книжной – к медийной, экранной.

Наиболее социально значимой сферой сегодня являются массмедиа <…>» [7, с. 29]. В современном медийном пространстве, характеризующемся мозаичностью, образ Пушкина, к сожалению, деформирован, искажен, снижен, о чем свидетельствуют, например, литературные интернет-мемы. Мы взяли для анализа три мема, в которых Пушкин является главным героем. На первом мы видим портрет Пушкина кисти В.А. Тропинина. Это визуальная часть мема. А вербальная часть – это фраза «Криштиану без финтов, / Как Саня Пушкин без стихов». Автор мема сравнивает Пушкина с современным португальским футболистом Роналду Криштиану (точнее, Криштиану – с Пушкиным), при этом великий русский поэт по-приятельски именуется сокращенным разговорным именем «Саня». Финты Криштиану (*финт* (от итал. finta – притворство, выдумка) – спортивный термин, означающий «обманное движение, ложный выпад» [8, с. 365], в Интернете можно найти много материалов, рассказывающих о финтах этого футболиста) сопоставляются со стихами Пушкина. Подпись «Алехандро Пушкин» включает испанский вариант имени «Александр». В этом меме Пушкин представлен как поэт, однако форма выражения этого значения является слишком сниженной.

Следующий мем представляет собой «диалог» хмурого Пушкина и улыбающегося Лермонтова. За основу визуальной части мема взяты портрет Пушкина работы О.А. Кипренского и портрет Лермонтова, выполненный П.Е. Заболотским, учителем живописи Лермонтова, по заказу его бабушки Е.А. Арсеньевой. При этом портрет Пушкина подвергся изменению: лицо стало угрюмым, чего не было в оригинале. Визуальная часть мема представляет собой три фразы: 1-я – это слова из стихотворения Лермонтова «Смерть поэта»: «Не вынесла душа поэта / Позора мелочных обид…»; 2-я – слова Лермонтова, обращенные к Пушкину: «– “Да ладно, Сань, забудь все это!”»; 3-я – ответ Пушкина: «– “Нет, Миша! У меня бомбит!”». Как и в ранее рассмотренном меме, Пушкин именуется «Саней», а Лермонтов – соответственно «Мишей». В этом меме использован глагол «бомбить», который в молодежном сленге означает «проявлять крайнюю степень раздраженности, кратковременный эмоциональный взрыв». Фрагмент одного из самых известных творений М.Ю. Лермонтова, написанного на смерть А.С. Пушкина, получил неожиданное продолжение в современном стиле.

На третьем меме изображены четыре сцены: на первой мы видим сочиняющего Пушкина, произносящего слова «Алло, это Дантес?», на второй изображен Дантес, отвечающий «Да», на третьей Пушкин дополняет фразу, произнесенную Дантесом: «Нтес». В целом поучилась фамилия *Дантес*. На последней изображена дуэль: получивший смертельное ранение Пушкин лежит на снегу, над ним склонился его секундант, вдалеке виден Дантес. Таким способом автор мема рассказал

о причине дуэли Пушкина и Дантеса. Такое «игривое» отношение к причинам дуэли и самой дуэли, ставшей причиной смерти великого поэта, совсем не уместно для представителей русской лингвокультуры. 10 февраля в России – это День памяти А.С. Пушкина: именно в этот день (29 января по старому стилю) 1837 г. Пушкин скончался от смертельного ранения, полученного на дуэли с Дантесом.

Хотелось бы, чтобы отношение современных носителей русского языка к Пушкину было более серьезным, чем то, которое представлено в рассмотренных мемах. Такое пренебрежительное отношение к великому русскому поэту, влияние которого на становление русского языка, мировосприятие каждой русской языковой личности и нации в целом, «формирование русской души несравнимо ни с кем из предшественников или преемников» [10, с. 3], может привести к утрате национальной идентичности. Незнание произведений Пушкина, пренебрежительное отношение к его памяти и творениям, по словам Святейшего Патриарха Кирилла, «фактически исключает человека из орбиты родной культуры, делает его сторонним, внешним наблюдателем, а если выразиться еще точнее, потребителем, а не носителем русской культурной традиции» [3].

Обращение к Пушкину как образу отечественной персоносферы поможет молодым носителям русского языка в сохранении и укреплении духовной преемственности поколений, российской национальной идентичности, в процессе собственной самоидентификации, вербализации культурной памяти, сделает великого поэта и его произведения частью «своего» мира.

Список цитируемой литературы:

1. Ашукин, Н.С. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. – Москва: ГИХЛ, 1960. – 752 с.

2. Бартенев, П.И. О Пушкине: Страницы жизни поэта. Воспоминания современников / П.И. Бартенев. – Москва: Советская Россия, 1992. – 464 с.

3. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на заседании Патриаршего совета по культуре, посвященного теме «Роль А.С. Пушкина в формировании русской национальной идентичности» // Русская Православная Церковь: официальный сайт Московского Патриархата. – URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/6073901.html (дата обращения: 23.05.2024).

4. Дядечко, Л.П. О пушкинской стихии в русской фразеологии / Л.П. Дядечко // Русский язык в школе. – 1999. – №3. – С. 74 – 81.

5. Дядечко, Л.П. Словарь крылатых выражений нашего времени / Л.П. Дядечко. – Москва: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2023. – 624 с.

6. Елистратов, В.С. Словарь русского арго: Материалы 1980–1990 гг.: Около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений / В.С. Елистратов. – Москва: Русские словари, 2000. – 694 с.

7. Клушина, Н.И. Национальный стиль и медийный вариант языка / Н.И. Клушина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2018. – Вып. 4 (193). – С. 26 – 31.

8. Крысин, Л.П. Современный словарь иностранных слов / Л.П. Крысин. – Москва: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018. – 416 с.

9. Мокиенко, В.М. «Евгений Онегин» в русской речи: от прецедентного текста к прецедентному раритету / В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко // Art Logos (искусство слова). – 2023. – №4. – С. 158 – 177.

10. Мокиенко, В.М. «Мой дядя самых честных правил»: Крылатые слова, цитаты, образы из романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Опыт словаря / В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко. – Санкт-Петербург: ЛЕМА, 2022. – 536 с.

11. Мокиенко, В.М. Словарь крылатых выражений Пушкина / В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ; Фолио-Пресс, 1999. – 752 с.

12. Мокиенко, В.М. Школьный словарь крылатых выражений Пушкина / В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко. – Санкт-Петербург: Издательский Дом «Нева», 2005. – 800 с.

13. Пешковский, А.М. Сборник статей: методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика / А.М. Пешковский. – Ленинград; Москва: Государственное издательство, 1925. – 192 с.

14. Пришвин, М.М. Собрание сочинений. В 8-ми т. Т. 8. Дневники, 1905–1954 / М.М. Пришвин. – Москва: Художественная литература 1986. – 759 с.

15. Психолингвистический словарь русского языка: Вып. 1. Антропонимы / А.В. Рудакова, С.В. Коваленко, И.А. Стернин. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. – 134 с.

16. Психолингвистический словарь русского языка: Вып. 3. Антропонимы / А.В. Рудакова, С.В. Коваленко, И.А. Стернин. – Воронеж: Издательство ООО «РИТМ», 2018. – 108 с.

17. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений в 10 т. / А.С. Пушкин. – Москва: Издательство АН СССР, 1957–1958. – Т. 3. – 558 с.; Т. 4. – 595 с.; Т. 6. – 839 с.; Т. 7. – 765 с.; Т. 8. – 596 с.

18. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др. – Москва: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 784 с.

19. Рылов, Ю.А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика. Курс лекций по межкультурной

коммуникации / Ю.А. Рылов. – Москва: АСТ: Восток – Запад, 2006. – 311 с.

20. Серов, В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В.В. Серов. – Москва: ООО Издательство «Локид-Пресс», 2005. – 677 с.

21. Сидоренко, К.П. Цитаты из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина в текстах разного жанра / К.П. Сидоренко. – Санкт-Петербург: «Образование», 1998. – 318 с.

22. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. Т. 3. – Москва: Азбуковник, 2000. – 1296 с.

23. Тынянов, Ю.Н. Пушкин / Ю.Н. Тынянов. – Ленинград: Художественная литература, 1974. – 584 с.

24. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?index=3 (дата обращения: 10.04.2024).

25. Усадьбы Липецкого края. Новые исследования. Сост. А.Ю. Клоков, А.А. Найденов. – Липецк: Липецкое областное краеведческое общество, 2018. – 448 с.

26. Ушинский, К.Д. Педагогические сочинения: В 6 т. Т. 2. Сост. С.Ф. Егоров / К.Д. Ушинский. – Москва: Педагогика, 1988. – 496 с.

27. Фёдоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. / А.И. Фёдоров. – Москва: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.

28. Хазагеров, Г. Персоносфера русской культуры / Г. Хазагеров // Новый мир. – 2002. – №1. – URL: https://nm1925.ru/articles/2002/200201/personosfera-russkoy-kultury-3407/ (дата обращения: 10.03.2024).

29. Ходасевич, В. Стихотворения / В. Ходасевич. – Ленинград: Советский писатель, 1989. – 464 с.

30. Чеботарева, С. «Продлись, продлись, очарованье…» / С. Чеботарева // Липецкие известия. – 12.09.2019. – URL: http://известия-липецк.рф/news-lipetsk/prodlis-prodlis-ocharovane/ (дата обращения: 31.08.2023).

31. Шулежкова, С.Г. «И жизнь, и слезы, и любовь…» Происхождение, значение, судьба 1500 крылатых выражений русского языка / С.Г. Шулежкова. – Москва: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 848 с.

Попова Е.А., д-р филол. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия
Исмаэль М.Т.И., магистрант
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ АРАБСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Аннотация

В работе рассматриваются прецедентные феномены арабского происхождения: их значение, источники, особенности функционирования в русском языке, в том числе в художественных, публицистических, эпистолярных произведениях А.С. Пушкина. Эта разновидность арабских заимствований составляет часть активного словаря современных носителей русского языка и является отражением диалога культур русской и арабской наций. Материалом для исследования послужили данные лингвистических словарей русского языка XIX–XXI вв., Национального корпуса русского языка, художественные и медийные тексты.

Ключевые слова: арабизмы, русский язык, арабский язык, А.С. Пушкин, прецедентные феномены, прецедентные высказывания, прецедентные онимы, прецедентные тексты.

В русском языке к числу заимствований из неславянских языков относятся арабизмы – «лексические и фразеологические единицы арабского происхождения, заимствованные <…> непосредственно (напрямую из арабского языка) или опосредованно (из арабского языка через язык-посредник)» [14, с. 375]. В качестве языков-посредников выступали как многие европейские языки: французский (*магазин, сироп* и др.), английский (*адмирал, мохер* и др.), немецкий (*алгебра, тара* и др.), польский (*лазурь, цифра* и др.), итальянский (*авария, камфора* и др.), греческий (*саван*), так и тюркские языки (*алмаз, фата* и др.) [16]. Отсутствие прямых контактов носителей русского и арабского языков обусловило опосредованный характер большинства арабизмов. В русском языке есть и непосредственные арабизмы, называющие чаще всего основные понятия ислама: *Аллах, Коран, ислам, мулла* и др. [16]. Проникновение арабизмов в русский язык началось в XI в. и продолжается в настоящее время. Примерами новейших арабских заимствований, включенных в словари русского языка, изданные в последние годы, являются *аятолла, ваххабизм, кус-кус, хиджаб* и др. [32].

Количество арабизмов в русском языке оценивается исследователями по-разному: от 193 (Т.П. Гаврилова) до 260 (М.Х. Халлави) [14, с. 379].

Среди арабских заимствований в русском языке выделяются прецедентные феномены – прецедентные высказывания, прецедентные тексты и прецедентные онимы, последние делятся на прецедентные антропонимы и прецедентные топонимы. К прецедентным высказываниям относятся *Тысяча и одна ночь; Сезам, откройся (отворись)!; Али-Баба и сорок разбойников; Калиф на час; Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе; Волшебная лампа Аладдина; Выпустить (выпускать) джинна из бутылки; Нет бога, кроме бога <аллаха>, и Магомет Пророк его.* К прецедентным антропонимам – *Гарун-аль-Рашид, Шехерезада (Шахерезада, Шахразада)*; к прецедентным топонимам – *Мекка* и *Медина*; к прецедентным текстам – *Коран* и *«Тысяча и одна ночь»*. Рассмотрим подробнее значения, источники, особенности функционирования в русском языке этих прецедентных феноменов, в том числе в произведениях А.С. Пушкина и современном медийном пространстве.

Тысяча и одна ночь (ألف ليلة وليلة) – название сборника арабских сказок, окончательная редакция которого относится к XV–XVI вв. Этот сборник стал известен в Европе в начале XVIII в. по неполному и вольному французскому переводу, сделанному в 1704 – 1708 гг. французским литератором, ученым-востоковедом А. Галланом (1646 – 1715), который подверг текст переработке. Русский перевод этой французской версии, выполненный А. Филатьевым, появился в 1763 – 1771 гг. Выражение *Тысяча и одна ночь* употребляется иносказательно: что-то необычное, фантастическое, великолепное – «как в арабской сказке» (шутл.) [1, с. 614; 25, с. 591]. В толковые словари русского языка в статью *ночь* включена идиома, представляющая собой восклицание *Тысяча и одна ночь!*: «О множестве каких-либо невероятных, неправдоподобных событий, разговоров и т.п.» [6, с. 604]; «Шутл. О сложном переплетении событий, приключений» [8, с. 658]. В словаре М.И. Михельсона есть выражение *Из тысячи одной ночи*, которое употребляется иносказательно в значении «о сказочном, чудесном (намек на арабские сказки “Тысяча одна ночь”, полные чудес)» [18, с. 277]. «Тысяча и одна ночь» может рассматриваться не только как прецедентное высказывание, но и как прецедентный текст, к которому восходит большая часть прецедентных высказываний и прецедентных антропонимов-арабизмов (см. далее).

Сказки из сборника «Тысяча и одна ночь» приводили в восторг как многих деятелей русской культуры, в числе которых был А.С. Пушкин, так и простых русских людей. «Восхищался арабскими сказками и Пушкин, – отмечает переводчик этих сказок на русский

язык, известный ученый-арабист М.А. Салье в Предисловии к сборнику «Тысяча и одна ночь». – Впервые познакомившись с некоторыми из них в вольном переложении Сенковского, он заинтересовался ими настолько, что приобрел одно из изданий перевода Галлана, которое сохранилось в его библиотеке» [24, с. 5].

Как пишут современные исследователи проблемы «Пушкин и культура арабо-мусульманского Востока», «Пушкину был вполне доступен известный сборник “Тысяча и одна ночь”, отразивший мифологические представления народов Востока – арабов, персов, индусов: французский перевод книги, выполненный А. Галланом, вышел в свет в Париже в 1704 г.» [13, с. 126].

«В лицее (а может быть, еще в доме отца) Пушкин познакомился с книгой Галлана в подлиннике; он мог читать ее и в русских переводах, в изданиях XVIII – начала XIX века (1763 – 1771; 1776 – 1784; 1789, 1796, 1803 гг.)» [17, с. 18].

В поэме «Руслан и Людмила» (1820) «Пушкин вводит в русский былинный эпос элементы ближневосточного фольклора, черпая новые образы и мотивы из знаменитого сборника арабских сказок “Тысяча и одна ночь”» [17, с. 3]. Так, по мнению Н.М. Лобиковой, этими сказками навеяны похищение Людмилы сразу же после свадьбы, т.е. в первую брачную ночь, образы старого карлы, волшебника Черномора и хазарского хана Ратмира, описание дворца Черномора. Но при этом Пушкин, используя разные источники, в том числе восточные, превращал чужое в свое.

Существует точка зрения, согласно которой некоторые из пушкинских сказок испытали влияние сказок из французского перевода сборника «Тысяча и одна ночь». В частности, это касается «Сказки о царе Салтане». «Но среди подлинных арабских сказок такого сюжета (царь подслушивает разговор трех сестер и женится на той, что обещает родить ему чудесного ребенка; после свадьбы царь отправляется на войну; в его отсутствие рождается чудесный ребенок, которого вместе с матерью хотят погубить завистливые сестры царицы, и проч. – Е.П., М.И.) нет. Галлан совершенно произвольно включил его в свой перевод. Источник сказки Галлана неизвестен.

Когда-то литературовед Василий Гиппиус заметил: «Историческая роль Пушкина не сводится к роли передаточной инстанции, к роли комиссионера по поставке западноевропейского материала”. И в этом случае Александр Сергеевич не просто перевел сказку с французского языка. Он переделал ее в подлинно народном духе. Из необработанного европейского алмаза получился чистый русский бриллиант» [29].

В романе «Два капитана» В.А. Каверин пишет о том, какое огромное впечатление произвели сказки «Тысячи и одной ночи» на

главного героя – Саню Григорьева, который впервые познакомился с ними в детском доме в годы Гражданской войны: «“Али-Баба и сорок разбойников” в особенности поразили меня. “Сезам, отворись!” <...> Без преувеличения можно сказать, что я был потрясен этими сказками» [15, с. 65]. Эта глава романа носит название «Слушаю сказки».

Сезам, откройся (отворись)! (افتح يا سمسم) – выражение из арабской сказки «Али-Баба и сорок разбойников», входящей в состав первого перевода на французский язык сборника арабских сказок «Тысяча и одна ночь» (1704 – 1708). Но в оригинальном тексте эта сказка отсутствует, ее включил во французский перевод сборника французский ученый-востоковед А. Галлан, использовав понравившуюся ему сказку из другого малоизвестного собрания арабских сказок.

Слова «Сезам, откройся (отворись)!» произносит атаман сорока разбойников перед закрытым входом в пещеру, где хранились награбленные сокровища. Али-Баба, который пошел в лес за дровами, эти слова услышал и, благодаря этому заклинанию, позже проник в пещеру и стал обладателем всех спрятанных там богатств. Это прецедентное высказывание имеет значение «некий ключ к разгадке тайны, способ преодоления каких-либо препятствий (шутл.)» [1, с. 547-548; 25, с. 533].

Выражение *Сезам, отворись!* включено в словарь М.И. Михельсона [18, с. 751]. В современном русском языке это выражение стало идиомой, получившей фиксацию в качестве фразеологизма в лингвистических словарях русского языка (толковых, фразеологических, иноязычных слов) [см. 7, с. 250; 16, с. 628; 26, т. 4, с. 69].

Али-Баба и сорок разбойников (علي بابا والأربعون لصا) – герои одноименной арабской сказки. Высказывание используется тогда, когда говорят «о нарушителях порядка и их предводителе; о том, кто создает неудобства кому-либо, и его пособниках (*шутл., ирон.*)» [12, с. 20]. В медиапространстве имеется большое количество анекдотов, героями которых стали эти герои арабской сказки.

Калиф на час (الخليفة لمدة ساعة) – выражение из арабской сказки «Сон наяву, или Калиф на час», входящей в состав сборника арабских сказок «Тысяча и одна ночь». В этой сказке молодой багдадец Абу-Гассан зовет к себе в гости незнакомца, не подозревая, что перед ним калиф Гарун-аль-Рашид, гуляющий под видом приезжего купца по Багдаду. Абу-Гассан поделился с незнакомцем своей заветной мечтой: хоть на один день стать калифом. Гарун-аль-Рашид, желая развлечься, подсыпает Абу-Гассану в вино снотворный порошок, дает приказ перенести его во дворец и предписывает своей свите оказывать ему, когда он проснется, почести, подобающие калифу. Шутка удается. Абу-Гассан верит, что он настоящий калиф, наслаждается целый день роскошью дворцовой жизни и начинает отдавать разные приказания. Ве-

чером он снова получает вино со снотворным и его, сонного, водворяют домой. В сказке пробуждение Абу-Гассана сопряжено со множеством комических подробностей.

Калиф на час говорят иносказательно о человеке, который наделен властью на короткое время, случайно (ирон.) [1, с. 280; 25, с. 263], а также «о человеке, который случайно и не имея на то оснований занял какой-либо высокий пост, занялся каким-либо престижным делом» [19, с. 1376]. Слово *калиф*, входящее в состав этого выражения, в современном русском языке является устаревшим, а само же выражение относится к активному запасу языка и даже к лексическому ядру современного русского языка, о чем свидетельствует его включение в «Большой универсальный словарь русского языка» под ред. В.В. Морковкина [см. 19, с. 1376].

У выражения *калиф на час*, которое в русском языке стало идиомой (об этом говорит его фиксация во фразеологических, толковых словарях и словарях иноязычных слов, часто без указания источника происхождения [см. 3, с. 579; 16, с. 294; 28, стб. 1293; 30, с. 283]), есть синоним в русской народной речи – поговорка *на полтретья години барин*, которая включена В.И. Далем в сборник «Пословицы русского народа» (рубрика «Начальство – приказ – послушание»). При этом Даль приводит вначале арабское выражение, а затем русское: «Калиф на час. На полтретья години барин (*об управителе*)» [21, с. 216]. В скобках указано, о ком так говорят. В «Толковом словаре живого великорусского языка» в статье *полá* «половина» тоже есть оба эти выражения, автор вначале приводит русское, а арабское выражение используется для объяснения его значения: «*Барин на полтретья години* (калиф на час, временный начальник)» [11, с. 253]. Буквально *барин на полтретья години* означает «барин на два с половиной часа». *Полтретья* – устаревшее дробное числительное, в котором целое число не обозначается, а называется только половина следующего числа (ср. *полтора, полтораста*). *Година* – устаревшее название слова *час*.

Выражение *Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе* (إذا لم يأتِ الجبل إلى محمد فان محمد سيذهب إلى الجبل) связывают с одним из рассказов о Ходже Насреддине – герое восточного фольклора, известном выдумщике и острослове. Так, в одном из арабских сборников (примерно 1631 г.) говорится о том, как Ходжа Насреддин Джоха-эль-Руми (полное имя Насреддина на арабском языке) однажды решил выдать себя за святого. Когда его спросили, как он это докажет, он ответил, что может приказать пальмовому дереву подойти к нему, и оно повинуется. Когда же чуда не произошло, то Ходжа сам подошел к дереву со словами: «Истинные пророки и святые лишены высокомерия. Если пальма не идет ко мне, то я иду к ней».

В современном варианте это выражение вошло в европейские языки благодаря известному английскому ученому и философу Фрэнсису Бэкону (1561–1626), который в своей книге «Нравственные и политические очерки» (1597) привел собственный вариант рассказа о Ходже, заменив последнего на самого пророка Магомета. В очерке «О смелости», содержащемся в этой книге, Магомет обещает народу сдвинуть гору, но, когда это не удается, говорит: «Что ж, так как гора не хочет идти к Магомету, то Магомет пойдет к ней».

Выражение используется иносказательно – о желании сделать первый шаг к решению проблемы, возникшей в отношениях с партнером, оппонентом и пр. (самоирон.) [1, с. 199-200; 25, с. 182].

М.И. Михельсон включил в свой словарь выражение *Если гора не идет к Магомету, то Магомет должен идти к горе*, сопроводив такими сведениями: «Известен рассказ, что Магомет, чтоб доказать, что он пророк, приказал горе приблизиться к нему, и так как гора не повиновалась, то он сам подошел к ней с словами: *если гора не хочет идти к пророку, то пророк должен идти к горе*» [18, с. 215].

В современном медиапространстве это выражение используется довольно часто, обычно в анекдотах. А в парке развлечений «Интеллектуальный юмор. Анекдоты», у которого большое количество участников – 1332776, есть небольшой видеосюжет с таким названием, показывающий кота, который, встав на задние лапы, лезет в холодильник за едой.

Высказывание *Волшебная лампа Аладдина* (علاء الدين ومصباحه السحري), означающее: «о том, что приносит богатство, счастье (*символ.*)» [12, с. 73], восходит к названию арабской сказки из сборника «Тысяча и одна ночь». В сказке речь идет о приключениях бедного молодого человека по имени Аладдин, который с помощью волшебной лампы, в которой живет джинн, становится богатым и могущественным, женится на дочери султана.

Выпустить (выпускать) джинна из бутылки (يخرج الجن من الزجاجة) – выражение, восходящее к сборнику сказок «Тысяча и одна ночь», о злом духе – джинне, заключенном в сосуд и нечаянно из него выпущенном; употребляется в значении «дать (давать) свободу злым силам» [31, с. 66]. В лингвистических словарях русского языка часто приводится как идиома без ссылки на источник [см. 16, с. 224; 26, т. 1, с. 396].

Гарун-аль-Рашид (هارون الرشيد) – имя правителя Багдада из сборника арабских сказок «Тысяча и одна ночь». В этих сказках Гарун-аль-Рашид описывается как мудрый, справедливый правитель и покровитель искусств. Стремясь узнать нужды беднейшего населения, он бродит, переодевшись купцом, по улицам Багдада, обычно сопровождаемый своим визирем Джафаром Бармакидом.

У героя сказок есть реальный исторический прототип – багдадский халиф Харун-ар-Рашид (763–809), который совершенно непохож на идеализированный образ правителя из «Тысячи и одной ночи». «Рашид» по-арабски – «справедливый».

Гарун-аль-Рашид стало нарицательным существительным (эпонимом) для обозначения сказочно богатого человека, который щедрой рукой раздает богатства, помогает людям и т.д. (шутл.-ирон.) [1, с. 130-131; 25, с. 129-130].

В поэме Пушкина «Анджело» (1833) с *Гаруном-аль-Рашидом* сравнивается добрый правитель Дук: «Воображение живое Дук имел; / Романы он любил и, может быть, хотел / Халифу подражать **Гаруну-Аль-Рашиду**» [22, т. 4, с. 371].

Нет бога, кроме бога <аллаха>, и Магомет Пророк его (لا اله إلا الله محمد رسول الل) – цитата из Корана, которая формулирует два нераздельных догмата мусульманства. В русском языке используется в значении «о чем-л., что является объектом слепой веры, не подвергается сомнению (шутл. или ирон.)» [2, с. 491]. Слова *бог* и *Магомет* в речи нередко заменяются другими.

Слово *Коран* (устаревшие варианты *К(к)уран*, *А(а)лкоран*, *А(а)ль-коран*) известно в русском языке с XV–XVI вв. Наиболее полно значение этого слова представлено в «Большом академическом словаре русского языка»: «**КОРАН** (с прописной буквы). Главная священная книга мусульман, собрание проповедей, обрядовых и юридических установлений, молитв, притч, назидательных рассказов и т.п., произнесенных Мухаммедом в Мекке и Медине» [4, с. 445]. Коран – это прецедентный текст не только для мусульман, но и для христиан. В русской лингвокультуре одним из самых известных произведений, связанных с Кораном, созданных на его основе, является пушкинский цикл «Подражания Корану» (1824), состоящий из 9-ти стихотворений. Поэт в примечаниях к этому циклу отмечал художественные достоинства Корана: «<…> многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом» [22, т. 2, с. 213]. Пушкин при написании этого произведения пользовался русским переводом Корана М.И. Веревкина 1790 г.

«<…> цикл “Подражания Корану” (1824) был непосредственно связан с раздумьями Пушкина над собственной духовной биографией и событиями своей эпохи. Показательно, что Коран привлекал поэта и как исторический памятник, и как памятник философский и поэтический» [13, с. 130]. Как считают исследователи, Коран наряду с Книгой пророка Исаии – основные источники стихотворения Пушкина «Пророк». «Так возникла весьма нетривиальная ситуация: ветхозаветный текст и фрагменты Корана оказались связаны единым поэтическим

сюжетом, причем этот сюжет допускал возможность истолкования и в религиозном, и в литературном контекстах одновременно: духовная ода стала литературной декларацией» [13, с. 131]. В стихотворном отрывке 1825 г. Пушкин сопроводил слово *Коран* показательным эпитетом *сладостный*, т.е. «приятный <…> доставляющий наслаждение, удовольствие, услаждающий ум, чувства <…>» [27, т. 4, с. 181]: «В пещере тайной, в день гоненья, / Читал я **сладостный Коран**, Внезапно ангел утешенья, / Влетев, принес мне талисман» [22, т. 2, с. 322].

Во всех толковых словарях русского языка, словарях иностранных слов слово *Коран* представлено как однозначное. Однако Пушкин употреблял его не только в общенародном прямом значении, которое приведено выше. Он также использовал его «шутливо, в связи со своей работой над “Подражаниями Корану”» [27, т. 2, с. 391]. В таком значении поэт употребил слово *Коран* в письме к брату Л.С. Пушкину: «Я тружусь во славу **Корана** и написал еще кое-что <…>» (1-10 ноября 1824 г. Из Тригорского в Петербург) [22, т. 10, с. 106]. Во-вторых, Кораном Пушкин называл рукопись своих стихотворений [27, т. 2, с. 391]: «Я проиграл потом рукопись мою Никите Всеволожскому (разумеется, с известным условием). Между тем принужден был бежать из **Мекки** в **Медину**, мой **Коран** пошел по рукам – и доныне правоверные ожидают его. Теперь поручил я брату отыскать и перекупить мою рукопись <…>» (П.А. Вяземскому. 29 ноября 1824 г. Из Михайловского в Москву) [22, т. 10, с. 111-112]. Во время написания этого письма Пушкин работал над «Подражаниями Корану», отсюда сравнение себя с Магометом (мотив бегства, изгнания), рукописи – с Кораном, читателей – с правоверными. В-третьих, поэт употреблял слово *Коран* в значении «основополагающая книга»: так, Кораном в черновой статье «О поэзии классической и романтической» (1825) он назвал «стихотворный трактат Буало “Искусство поэзии”, положения которого стали обязательными для писателей-классиков» [27, т. 2, с. 391]: «Буало обнародовал свой **Коран** – и французская словесность ему покорилась» [22, т. 7, с. 36].

Таким образом, Коран, будучи основным памятником арабомусульманской культуры, нашел отражение в русской культуре, в том числе в русском языке.

Прецедентный топоним *Мекка* (مكة), восходящий к названию города в Саудовской Аравии, родины пророка Мухаммеда и религиозного центра ислама, включен в толковые словари русского языка. Это имя собственное, ставшее нарицательным, т.е. эпоним. *Мекка* употребляется в значении «о месте, являющемся объектом стремлений, частых посещений, паломничества» [5, с. 30]. Слово *Мекка* принадлежит к международному фонду коннотативных собственных имен и в

то же время входит в состав русских коннотонимов, у которых развились переносные значения и которые расширили словарь нарицательных имен русской лингвокультуры. К числу коннотонимов можно отнести также арабизмы *Шехерезада (Шахерезада, Шахразада)* и *Гарун-аль-Рашид.*

Пушкин употребил прецедентный топоним *Мекка* в процитированном выше письме к П.А. Вяземскому от 29 ноября 1824 г. в одном контексте со словом *Коран* в переносном значении. Говоря о своем вынужденном бегстве из Мекки в Медину, он имел в виду свою высылку из Одессы в Михайловское, причиной которой стала эпиграмма на новороссийского и бессарабского генерал-губернатора М.С. Воронцова («Полу-милорд, полу-купец…» (1824)), под началом которого Пушкин служил в 1823–1824 гг., находясь на юге России (в южной ссылке).

Топоним *Медина* (مدينة) использован Пушкиным в письме к П.А. Вяземскому тоже в переносном значении. Являясь «вторым священным городом магометан, у жителей которого пророк, не признанный жителями Мекки, нашел благоприятный прием» [35, с. 873], слово *Медина* развивает переносное значение «место приюта изгнанника». Используя метафору бегства из Мекки в Медину, под которыми имеются в виду Одесса и Михайловское соответственно, поэт тем самым сравнивает себя с Магометом.

Шехерезада (Шахерезада, Шахразада) (-شهرزاد) – самый известный персонаж из сборника арабских сказок «Тысяча и одна ночь», жена персидского шаха Шахрияра, которая в течение 1001 ночи рассказывает ему все сказки, содержащиеся в этом сборнике. Употребляется иносказательно: 1) нечто необычное, сказочно-великолепное (ирон.); 2) восточная красавица (шутл.-ирон.) [1, с. 681-682; 25, с. 651]; 3) «о ком-л., кто рассказывает о неправдоподобном, сулит сбыться несбыточным надеждам» [33, с. 771]. Имя Шехерезады появляется в поэме Пушкина «Руслан и Людмила» при описании дворца Черномора. О Шехерезаде в поэме Пушкин говорит как о своей предшественнице: «Довольно... благо мне не надо / Описывать волшебный дом; / Уже давно **Шехерезада** / Меня предупредила в том» [22, т. 4, с. 36]. Упоминание в «Руслане и Людмиле» имени Шехерезады, по мнению исследователей, стало «знаком восточного стиля» [17, с. 28]. Этот антропоним поэт употребил в значении «искусная рассказчица, неистощимая сказочница». Поскольку сборник сказок «Тысяча и одна ночь» в русской лингвокультуре называют также *сказки Шахерезады (Шахразады)* / *«Сказки Шахразады»* [см., например: 9, с. X; 23, с. LXI; 24, с. 5, 10], то Пушкин в указанном фрагменте из поэмы делает отсылку к этому сборнику.

Словосочетание *в сказках Шехерезады* используется в качестве сравнения с союзом *как*: *«Темный лес хорош в яркий солнечный день, – тут и прохлада и чудеса световые: райской птицей кажется дрозд или сойка, когда они, пролетая, пересекут солнечный луч, листья простейшей рябины в подлеске вспыхивают зеленым светом,* ***как в сказках Шехерезады»*** (М.М. Пришвин Лесная капель); *«Ясная и круглая луна, совсем близкая,* ***как в сказках Шехерезады****, висела над чешуйчатой дорогой через всё море»* (А.Н. Толстой. Хождение по мукам / Книга первая. Сестры) (примеры взяты из Национального корпуса русского языка) [20]. Это сравнение употребляется в значении «нечто необычное, сказочно-великолепное».

Образ и имя Шехерезады получили в русской лингвокультуре большую популярность, о чем свидетельствуют произведения русских писателей (А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и др.), а также то, что «в 1850-х годах в Петербурге издавался еженедельный журнал романов и повестей “Шехерезада” (редактор Влад. Полевой, Андрей Сомов), который предназначался для легкого чтения и печатал беллетристику. В № 19-20 журнала за 1858 год была опубликована повесть Евстафия Бернета “Господин Сим. Зоографическая Шехеразада”» [10, с. 47].

Антропоним *Шехерезада* стал названием одного из шедевров русской музыки – симфонической сюиты Н.А. Римского-Корсакова, созданной в 1888 г. на основе сборника «Тысяча и одна ночь». Очень увлекательно пишет об этом произведении знаменитого русского композитора арабист Т.А. Шумовский (1913–2012), назвав очерк, посвященный симфоническим сюитам «Шахерезада» и «Антар» (последняя создана на основе одноименной сказки писателя и арабиста О.И. Сенковского (барона Брамбеуса), написанной в духе классических арабских повестей), «Арабская песня над Невой». В конце очерка Шумовский отмечает: «Быть может, величайшим торжеством поэмы русского композитора является то, что ее музыка сопровождает передачу сказок “Тысячи и одной ночи” по радио одной из крупнейших столиц современного арабского мира» [34, с. 189]. В этих словах заключена высочайшая оценка шедевра русской музыкальной культуры, созданного на основе шедевра словесной культуры арабского Востока. С полным правом можно утверждать, что антропоним *Шехерезада (Шахерезада, Шахразада)* стал частью русской персоносферы.

Таким образом, в русском языке среди арабизмов имеются прецедентные феномены, которые делятся на прецедентные высказывания, прецедентные онимы (антропонимы и топонимы), прецедентные тексты. К последним относятся Коран и «Тысяча и одна ночь». Эти арабские тексты как важнейшая часть культуры арабского Востока не раз служили источником вдохновения для деятелей русской культуры –

писателей, композиторов и др., среди которых был А.С. Пушкин. Время проникновения прецедентных феноменов-арабизмов в русский язык в основном датируется XIX в. Их использовали в своих произведениях известные русские писатели: А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, В.В. Маяковский, Б.Л. Пастернак, М.А. Шолохов и др., о чем свидетельствуют примеры из толковых и других словарей русского языка, Национального корпуса русского языка. Национальный корпус русского языка и наши примеры также показывают, что прецедентные феномены арабского происхождения продолжают использоваться и в текстах XXI в., в том числе в медийных. Большая часть арабских прецедентных феноменов (*Сезам, откройся (отворись)!*; *Али-Баба и сорок разбойников; Калиф на час; Выпустить (выпускать) джинна из бутылки; Гарун-аль-Рашид, Шехерезада (Шахерезада, Шахразада)*) восходит к прецедентному тексту – сборнику арабских сказок «Тысяча и одна ночь». Прецедентные феномены-арабизмы составляют часть активного словаря современных носителей русского языка и являются отражением диалога культур русской и арабской наций.

Список цитируемой литературы:

1. Ашукин, Н.С. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. – Москва: ГИХЛ, 1960. – 752 с.

2. Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – URL: https://www.phantastike.com /dic/winged_words/html/?page=491 (дата обращения: 20.05.2024).

3. Большой академический словарь русского языка. Научный координатор издания А.С. Герд. Т. 7. – Москва – Санкт-Петербург: Наука, 2007. – 729 с.

4. Большой академический словарь русского языка. Научный координатор издания А.С. Герд. Т. 8. – Москва – Санкт-Петербург: Наука, 2007. – 840 с.

5. Большой академический словарь русского языка. Научный координатор издания А.С. Герд. Т. 10. – Москва – Санкт-Петербург: Наука, 2008. – 572 с.

6. Большой академический словарь русского языка. Научный координатор издания А.С. Герд. Т. 12. – Москва – Санкт-Петербург: Наука, 2016. – 652 с.

7. Большой академический словарь русского языка. Гл. ред. А.С. Герд. Т. 25. – Москва – Санкт-Петербург: Наука, 2019. – 728 с.

8. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: «Норинт», 2004. – 1536 с.

9. Горький, М. О сказках / М. Горький // Тысяча и одна ночь: Собрание сказок: В 8 т. Т. 1 / Перевод, вступительная статья и комментарии М. Салье, под ред. акад. И. Крачковского. – М.: ТЕРРА, 1993. – С. VII-XII.

10. Гусейнова, З.М. Русская «Шехеразада» Н.А. Римского-Корсакова: продолжение сказочной традиции / З.М. Гусейнова // Временник Зубовского института. – 2020. – №3(30). – С. 45-56.

11. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 3 / В.И. Даль. – Москва: Рус. яз., 1990. – 555 с.

12. Дядечко, Л.П. Словарь крылатых выражений нашего времени / Л.П. Дядечко. – Москва: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2023. – 624 с.

13. Захра, М. А.С. Пушкин и Восток: заметки к теме / М. Захра // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2008. – №3. – С. 126 – 131.

14. Исмаел, Э-С.М.М. Арабские заимствования в русском языке и особенности их актуализации в новейший период / Э-С.М.М. Исмаел // Преподаватель XXI век. – 2018. – №3. Ч. 2. – С. 373 – 384.

15. Каверин, В.А. Два капитана: Роман. Кн. 1 / В.А. Каверин. – Москва: Худож. лит., 1979. – 368 с.

16. Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – Москва: Русский язык, 1998. – 848 с.

17. Лобикова, Н.М. Пушкин и Восток: Очерки / Н.М. Лобикова. – Москва: Наука, 1974. – 96 с.

18. Михельсон, М.И. Толковый словарь иностранных слов, пословиц и поговорок / М.И. Михельсон. – Москва: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзит книга, 2006. – 1119 с.

19. Морковкин, В.В. Большой универсальный словарь русского языка / В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачёва, Н.М. Луцкая; Под ред. В.В. Морковкина. – Москва: Словари XXI века; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. – 1456 с.

20. Национальный корпус русского языка. 2003–2023. – URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 30.03.2024).

21. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. l. – Москва: Худож. лит., 1989. – 431 с.

22. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 2, 4, 7, 10. / А.С. Пушкин. – Москва: Изд-во АН СССР, 1957–1958. – Т. 2. – 462 с. Т. 4. – 595 с. Т. 7. – 765 с. Т. 10. – 902 с.

23. Салье, М.А. Книга «Тысячи и одной ночи» / М. Салье // Тысяча и одна ночь: Собрание сказок: В 8 т. Т. 1 / Перевод, вступительная

статья и комментарии М. Салье, под ред. акад. И. Крачковского. – Москва: ТЕРРА, 1993. – С. XXI-LXIV.

24. Салье, М.А. Книга Тысячи и одной ночи // Тысяча и одна ночь. Книга первая: Ночи 1-270 / пер. с араб. М. Салье. – Москва: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. – С. 5 – 12.

25. Серов, В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В.В. Серов. – Москва: ООО Издательство «Локид-Пресс», 2005. – 677 с.

26. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 4 / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Москва: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. – Т. 1. – 702 с.; Т. 4. – 800 с.

27. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. – 2-е изд., доп. – Москва: Азбуковник, 2000. – Т. 2. – 1081 с.; Т. 4. – 1225 с.

28. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 1 / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – Москва: ТЕРРА, 1996. – 824 с.

29. Урушев, Д. Там русский дух / Д. Урушев // Русский мир.ru – 05.04.2016. – URL: https://m.rusmir.media/2016/04/05/pushkin (дата обращения: 18.05.2024).

30. Фёдоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц / А.И Фёдоров. – 3-е изд., испр. – Москва: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.

31. Фразеологический словарь русского языка / Сост. А.Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. – Москва: Высшая школа, 2003. – 336 с.

32. Шагалова, Е.Н. Словарь новейших иностранных слов / Е.Н. Шагалова. – Москва: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2023. – 576 с.

33. Шулежкова, С.Г. «И жизнь, и слезы, и любовь…» Происхождение, значение, судьба 1500 крылатых выражений русского языка / С.Г. Шулежкова. – Москва: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 848 с.

34. Шумовский, Т.А. Арабский Восток в русской культуре (публикация, вступительная статья и комментарии Владимира Бобровникова) / Т.А. Шумовский, В.О. Бобровников // Вестник Евразии. – 2006. – №1. – С. 177 – 197.

35. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XVIIIA. – Санкт-Петербург: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1896. – 494 с.

Романов Д.А., д-р филол. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ «КОНТЕКСТЫ» ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А.С. ПУШКИНА: ТУЛА (К 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА)

Аннотация

В рамках современного понимания «большого контекста» жизни и творчества писателя статья рассматривает биографические и литературно-художественные связи А.С. Пушкина и Тульского края. Делается общий обзор того вклада, который внесли эти связи в развитие современной Пушкину и последующей русской литературы. Анализируются отдельные аспекты творчества великого поэта, выявляются новые подтекстовые смыслы его произведений, для пушкиноведения уточняется ракурс представления отдельных значимых персоналий.

Ключевые слова: русская литература, А.С. Пушкин, Тульская губерния, императрица Елизавета Алексеевна, М.А. Гартунг, лицейские циклы, В.А. Жуковский.

Филология рубежа XX – XXI вв. стала активно оперировать понятием «большой контекст» применительно к творчеству крупных писателей. Это позволяет выйти на новый уровень осмысления вклада известных мастеров слова в развитие русского языка и отечественной литературы, поскольку привлекает к исследованию факты, на первый взгляд, второстепенные и маргинальные, однако на самом деле глубоко «прорастающие» в специфику восприятия литературных произведений различными поколениями читателей. В такой «большой контекст» входят и связи русских писателей (биографические и творческие) с местами их деятельности, топографией художественных текстов, регионами, где жили их родственники, друзья, адресаты и т.п.

Доподлинно известно, что на территории Тульской губернии Пушкин бывал один раз, когда в 1829 году предпринял путешествие в Арзрум, и прежде чем выехать на Военно-грузинскую дорогу, решил навестить генерала А.П. Ермолова, проживавшего тогда в Орле, для чего, как пишет сам Пушкин, он «сделал таким образом 200 верст лишних» [7, с. 641] и проехал через Белев. Как отмечают современные пушкинисты, не исключено, что Пушкин имел целью посетить в том числе и сам Белев, где, как известно, 3 мая 1826 г. по дороге из Таганрога в столицу скончалась императрица Елизавета Алексеевна, жена Александра I, которой Пушкин в свои лицейские годы весьма симпатизировал.

В современных художественных биографиях поэта говорится о том, что он посетил дом купца Дорофеева, где умерла Елизавета Алексеевна, и постоял над склепом, где после бальзамирования упокоилась часть ее останков, захороненных в Белеве. Однако никаких достоверных сведений о посещении Пушкиным в Белеве мест, связанных с последним пребыванием здесь Елизаветы Алексеевны, не имеется, и все это остается лишь предположением. Но подобное предположение вполне обоснованно, потому что место смерти императрицы стало после 1826 г. объектом поклонения и членов царствующей семьи, и почитателей императрицы.

По указу Николая I, дом Дорофеевых был выкуплен в казну, и тогдашний тульский губернатор Н.С. Тухачевский устроил здесь Вдовий дом – богадельню для престарелых представительниц разных сословий. А в 1837 г. губернатор Е.А. Зуров соорудил над склепом памятник в честь Елизаветы Алексеевны, который ныне восстановлен. Скорее всего, и Пушкин в 1829 г. почтил здесь память женщины, которая присутствовала на торжественном акте открытия Лицея, красотой и кротостью которой он восхищался в Царскосельском парке и Екатерининском дворце. Вполне может быть, что таинственная NN из «донжуанского списка», адресат его меланхолических стихотворений лицейской поры, именно Елизавета Алексеевна (есть гипотеза, что часть лицейских стихов, традиционно адресуемых исследователями Е.П. Бакуниной, может быть обращена Елизавете Алексеевне). Но это также остается в сфере догадки. Уверенным можно быть лишь в том, что в стихотворении «К Н.А. Плюсковой» (1818) Пушкин говорит именно об императрице:

На лире скромной, благородной
Земных богов я не хвалил
И силе в гордости свободной
Кадилом лести не кадил.
Свободу лишь умея славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожден царей забавить
Стыдливой музою моей.
Но, признаюсь, под Геликоном,
Где Кастилийский ток шумел,
Я, вдохновленный Аполлоном,
Елисавету втайне пел.
Небесного земной свидетель,
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой.

Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

Современный тульский поэт В.Г. Ходулин воплотил «белевский сюжет» из жизни Пушкина в оригинальном стихотворении «По Белеву едет Пушкин…»

Из родственников Александра Сергеевича с Тулой был связан Николай Александрович Пушкин, внук поэта, сын Александра Александровича Пушкина и его первой жены М.А. Павловой. Старший сын поэта, будущий генерал-лейтенант А.А. Пушкин, любил бывать в своем тульском имении Малое Останкино Каширского уезда. Каширский уезд входил тогда в Тульскую губернию и был самой северной ее территорией. Николай Александрович Пушкин в 1910 г. стал земским начальником Веневского уезда, а затем около двух лет служил чиновником по особым поручениям при тульском губернаторе. В Тульском областном архиве сохранилась его докладная записка о состоянии образования в Веневском уезде, которую цитирует Н.А. Милонов в своем исследовании «Русские писатели и Тульский край» [6, с. 130].

Николай Александрович Пушкин был одним из тринадцати детей А.А. Пушкина, среди которых выделялся как просветитель и пропагандист русской литературы за рубежом. В 1917 г. Н.А. Пушкин вместе со своей второй женой и младшими детьми покинул Россию, сначала жил в Турции, затем в Югославии, а с 1926 г. поселился в Брюсселе, где более четверти века занимался пропагандой наследия своего великого деда. После Великой Отечественной войны Н.А. Пушкина посетил известный российский писатель В.П. Катаев, оставивший о нем пространный и сочувственный очерк «Три поколения Пушкиных» (1958).

Пожалуй, самым известным потомком Пушкина, связанным с Тульским краем, была его старшая дочь Мария Александровна. В 1860 г. она стала женой начальника коннозаводского округа в Тульской губернии генерал-майора Л.Н. Гартунга. Одно время в конце 1860-х гг. Мария Александровна с мужем жили в Прилепах, в Туле, а также в небольшом имении Гартургов Федяшево, ныне находящемся на территории Ясногорского района. Общеизвестным фактом стало то, что в 1868 г. в тульском доме генерала Тулубьева с М.А. Гартунг познакомился Л.Н. Толстой. По воспоминаниям свояченицы Толстого Т.А. Кузьминской, эта встреча произвела на Толстого огромное впечатление, и он использовал внешние черты М.А. Гартунг при описании облика Анны Карениной:

«– Кто это – спросил он, подходя ко мне.

– M-me Гартунг, дочь поэта Пушкина.

– Да-а, – потянул он, – теперь я понимаю… Ты посмотри, какие у нее арабские завитки на затылке. Удивительно породистые.

Когда представили Льва Николаевича Марии Александровне, он сел за чайный стол около нее; разговора я их не знаю, но знаю, что она послужила ему типом Анны Карениной, не характером, не жизнью, а наружностью» [4, с. 482].

Сохранился портрет Марии Александровны, сделанный академиком живописи И.К. Макаровым. Портрет относится к началу 1860-х гг. и точно передает аристократическую внешность и особую породу, сказавшуюся в облике пушкинской старшей дочери. Нужно отметить, что этот портрет, ныне хранящийся в Государственном музее Л.Н. Толстого в Москве, изображает Марию Александровну с ниткой жемчуга, которая досталась ей в наследство от матери, жены поэта Натальи Николаевны. Мария Александровна очень дорожила личными вещами родителей, которые унаследовала. Ей, в частности, принадлежал пушкинский подсвечник ручной работы, который, по преданию, был лично сделан самим Ибрагимом Ганнибалом, знаменитым арапом Петра Великого. Впоследствии жемчуг Натальи Николаевны она подарила своей племяннице, дочери Александра Александровича Пушкина, Надежде Александровне.

Известна и трагическая судьба Марии Александровны Пушкиной-Гартунг. В 1877 г. ее муж Леонид Николаевич покончил жизнь самоубийством из-за обвинений в служебных злоупотреблениях и несправедливого судебного приговора. Эта история нашла отражение в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского за 1877 год. Впоследствии невиновность Гартунга была доказана. Но с этого времени Мария Александровна осталась практически без средств к существованию, получая лишь крохотную пенсию по мужу. Лишь в 1899 г., к столетию А.С. Пушкина, эта пенсия была увеличена до 300 рублей в год.

С конца 1870-х гг. М.А. Гартунг не имела своего собственного дома и вела почти скитальческий образ жизни. На какое-то время (до продажи Федяшева родственниками Гартунгов) она вновь жила на территории нашего края. Всю свою последующую жизнь она посвятила воспитанию детей рано овдовевшего брата Александра Александровича. Живала она и в Малом Останкине, о котором мы упоминали выше. Умерла Мария Александровна в марте 1919 г. в Москве и похоронена на кладбище Донского монастыря. По воспоминанию ее внучатой племянницы Т.А. Галиной (урожденной Быковой), в последние годы жизни Мария Александровна, живя в одном из арбатских переулков, почти ежедневно приходила к памятнику своего отца на Тверском бульваре и, никем не узнанная, сидела на скамейке.

Сама Татьяна Николаевна Галина не раз бывала в Туле и выступала перед тульскими студентами. Сохранилась магнитофонная за-

пись, сделанная Николаем Александровичем Милоновым, в которой Т.Н. Галина делится со студентами Тульского педагогического института воспоминаниями о своем деде А.А. Пушкине и двоюродной бабушке М.А. Гартунг.

Большое количество людей из ближайшего пушкинского окружения было связано с тульским краем. Известно, что у родителей Антона Антоновича Дельвига (1798 – 1831), лицейского однокашника Пушкина, было два имения на территории Чернского уезда Тульской губернии. На Всехсвятском кладбище похоронены родной брат Дельвига Александр Антонович (1818 – 1882) и его племянник Александр Александрович (1870 – 1928). У Дельвигов был дом в Туле на ул. Гоголевской, 43, который сохранился до нашего времени. Младшей сестре Дельвига Марии Антоновне, которая с родителями навещала брата в Лицее и была младше лицеистов на 9 лет, Пушкин симпатизировал. К ней обращено его юношеское стихотворение «К Маше» (1816).

Другой пушкинский лицейский однокашник, Павел Николаевич Мясоедов (1799 – 1868), после выхода в отставку женился на дочери богатого тульского помещика А.С. Мансурова. В 1824 г. Мясоедов вместе с женой и разраставшимся семейством поселился в двенадцати верстах от Тулы, в имении своего дяди – селе Мясоедово, и завел обычай любого лицеиста, проезжавшего через губернскую столицу, встречать обязательным застольем с шампанским. В последний год жизни Пушкина Мясоедов приезжал в Петербург на празднование лицейской годовщины 19 октября. По воспоминаниям бывшего директора лицея Е.А. Энгельгардта, «везде хвастал своим богатством, влиянием и проч.» [1, с. 205]. Он принял самое деятельное участие в организации празднования последней лицейской годовщины, на которой присутствовал Пушкин. Как пишет другой лицеист М.Л. Яковлев, на квартире которого и было торжество, «Мясоедов вытащил из нор даже тех, кто никогда не являлся на праздник» [2, с. 78]. Последнее стихотворение Пушкина из цикла «Лицейские годовщины» (1836) было, таким образом, обращено и к П.Н. Мясоедову:

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,
И с песнями бокалов звон мешался,
И тесною сидели мы толпой.
Тогда, душой беспечные невежды,
Мы жили все и легче, и смелей,
Мы пили все за здравие надежды
И юности и всех ее затей.

Теперь не то: разгульный праздник наш
С приходом лет, как мы, перебесился,
Он присмирел, утих, остепенился,
Стал глуше звон его заздравных чаш…

Длительная дружба связывала Пушкина с В.А. Жуковским – уроженцем тульского края. Известно, что Пушкин считал Жуковского своим учителем и в определенном смысле «литературным руководителем», потому что Жуковский одним из первых в 1815 г. обратил внимание на незаурядный талант лицеиста, способствовал появлению его первых публикаций, а после выпуска из лицея ввел Пушкина в литературный столичный круг. В частности, именно благодаря Жуковскому Пушкин стал членом творческого кружка «Арзамас» и был представлен многим видным поэтам и прозаикам своего времени. Всю последующую жизнь Пушкина Жуковский внимательно следил за его успехами и, насколько мог, оберегал его от каких-либо опасностей. К сожалению, последнее не всегда удавалось из-за бурного темперамента великого поэта, и в таких случаях Жуковский, имевший связи в императорском доме, смягчал последствия каких-то необдуманных пушкинских поступков и действий. Известно, что Жуковский, бывший официальным литературным чтецом при малом дворе императрицы-матери Марии Федоровны, способствовал тому, что первая ссылка Пушкина стала не сибирской, а южной. Впоследствии, после восстания декабристов и возвращения Пушкина из Михайловского, Жуковский помогал ему наладить литературные и придворные связи.

Пушкин хорошо знал тяжелую судьбу своего старшего товарища: его положение незаконного сына богатого помещика Бунина, несчастную любовь к Маше Протасовой, соединиться с которой не позволила единокровная сестра Екатерина Афанасьевна, требующая постоянной осторожности придворная служба педагога-наставника, к которому снисходительно, но весьма придирчиво относился император Николай I. Пушкин, разумеется, знал о детских годах Жуковского, проведенных в Мишенском, о его белевской жизни перед самым началом войны 1812 года, о неудачном сватовстве и т.д. Он высоко ценил смелость Жуковского и его самоотверженную способность заступаться за друзей перед императором «со всем своим горячим прямодушием» [5, с. 38]. Вполне вероятно, что приезд в Белев в 1829 г. вызывал в памяти Пушкина в том числе и воспоминания о его старшем друге, находившемся в это время неотлучно в Петербурге при цесаревиче Александре Николаевиче.

Пушкин посвятил Жуковскому не одно стихотворение. Можно сказать, что он глубоко понимал натуру и творчество Василия Андре-

евича, о чем свидетельствуют приводимые ниже строки, написанные Пушкины еще до южной ссылки в 1818 г.:

Ты прав, творишь ты для немногих,
Не для завистливых судей,
Не для сбирателей убогих
Чужих суждений и вестей,
Но для друзей таланта строгих,
Священных истины друзей.
Не всякого полюбит счастье,
Не все родились для венцов.
Блажен, кто знает сладострастье
Высоких мыслей и стихов!

После гибели Пушкина Жуковский сделал очень многое для материального обеспечения его вдовы и детей, а также для сохранения и публикации творческого наследия Пушкина. Очень точно, нехрестоматийно о сходстве и различии Пушкина и Жуковского написал в середине позапрошлого века первый пушкинский биограф Петр Иванович Бартенев: «Жуковский и Пушкин – люди не только разного, но почти противоположного характера. В стихах и жизни Пушкина ощущаются пыл и зной Африки; по свидетельству лиц, близко наблюдавших его, он иногда чувствовал такую горячность, что должен быть освежать себе голову водою, для чего вдруг посреди оживленной беседы убегал в другую комнату. Вертлявый и непоседливый, Пушкин был весь жизнь и движение. Мать Жуковского – турчанка из нынешней Бессарабии, и в сыне ее сказалась тихая, задумчивая созерцательность турецкого племени. По природе своей Жуковский был ленив и неподвижен, охотно привязывался к месту и обстановке, мог проводить целые часы на диване, потягивая трубку, и самый голос у него был протяжный и медлительный, а движения всегда спокойные. В беседе – добродушная и нередко затейливая шутка у Жуковского, краткая, меткое и изощренное слово – у Пушкина… И несмотря на это, они связаны были тесною дружбою. Их уравнивало и соединяло единство призвания, и оба они оставили нам собою высокий пример верности этому призванию…» [3, с. 31].

Современная Тула обладает большим количеством свидетельств жизни и творчества В.А. Жуковского (сохранились особняки, где он бывал, имеются его зарисовки различных мест Тульской губернии, областной архив располагает обширным фондом документов поэта и т.д.), и через них современное поколение туляков ощущает живую связь с главным литературным учителем Пушкина и пушкинским временем.

Список цитируемой литературы:

1. Вересаев, В.В. Спутники Пушкина / В.В. Вересаев. В 2 т. Т. 1. – М.: Советский спорт. 1993. – 376 с.
2. Вересаев, В.В. Пушкин в жизни / В.В. Вересаев. В 2 т. Т. 1. – СПб.: Лениздат, 1995. – 450 с.
3. Друзья Пушкина. Переписка. Воспоминания. Дневники. Составитель В.В. Кунин. Т. 1. – М.: Правда, 1986. – 468 с.
4. Кузьминская, Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне / Т.А. Кузьминская. – М.: Правда, 1986. – 560 с.
5. Мацкевич, Н.И. Из неизданных воспоминаний о Пушкине его племянника / Н.И. Мацкевич // Временник Пушкинской комиссии. 1974. – Л.: Наука, 1977. – С. 18 – 52.
6. Милонов, Н.А. Русские писатели и Тульский край / Н.А. Милонов. – Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2002. – 450 с.
7. Пушкин, А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 6. – М.: Наука, 1964. – С. 604–680.

Рязанцев-Седогин Г.Н., протоиерей
член Союза писателей России,
член-корреспондент Академии Российской Словесности,
действительный член Петровской Академии наук и искусств,
председатель Липецкой городской общественной организации
«Союз писателей России»
г. Липецк, Россия

ПУШКИН – НАШ ДУХОВНЫЙ ИММУНИТЕТ

Аннотация

Размышляя о месте Пушкина в русской культуре, автор отмечает первостепенную значимость тех принципов искусства, которые были разработаны великим русским поэтом как механизм национального самосознания, и выражает убеждение, что источником пушкинского гения стала русская духовность, обязанная своим происхождением Русской Православной Церкви.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, национальная картина мира, русское национальное сознание.

Василий Васильевич Розанов, который называл себя «завершителем русской культуры», писал: «Пушкин не только сам возвысился до национальности, но и всю русскую литературу вернул к национально-

сти… В нём, в его судьбе, в его биографии совершилось почти явление природы: так оно естественно текло, так чуждо было преднамеренности. Парни, Андре Шенье, Шатобриан; одновременно с Парни для сердца – Вольтер для ума; затем Байрон и, наконец, Мольер и Шекспир прошли по нему, но не имели силы остановить его в своих оковах, которых, однако, он не разбивал, которых даже не усиливался снять. Всё сошло само собою: остался русский человек, но уже богатый всемирным просвещением…».

Нельзя не согласиться с этим утверждением. Конечно, Василий Васильевич Розанов понимал место Великого поэта в мировой литературе. Он ставил Пушкина на высоту первого и единственного национального поэта, равного по значимости великим поэтам, героям национальных культур. Таким как Шекспир, великий поэт Англии; Данте, великий поэт Италии; Сервантес, великий писатель Испании; Гёте, великий поэт Германии, которые олицетворяют наиболее характерные черты культур этих народов. Он говорил, что поживи Пушкин подольше, наше общество не раскололось бы на западников и славянофилов – «стыдно было бы его цельности». Пушкин в своём творчестве словно держал всю разнообразную Россию, все её сословия и народности. Но и этого было мало. Его душа, как душа всякого русского человека, обладала, по слову Достоевского и «всемирной отзывчивостью». «Пушкин – это наше всё», – сказал о поэте Аполлон Григорьев. И он был прав, потому что преобразующая и возвышающая сила поэзии Пушкина находит нас во все ответственные моменты нашей жизни. Пушкин приходит в наше детство, и мы невольно следуем вместе с ним по путям, оставленным им для нас в своей поэзии всю нашу жизнь.

С чем связано это удивительное обаяние поэзии Пушкина? Прежде всего, на мой взгляд, это связано с глубоким пониманием значения искусства и его влияния на жизнь народа. Искусство сопровождает человечество всю его историю и является важной составляющей в воспитании отдельного человека и всей этнической общности.

Мы все рождаемся в лоне вековой народной культуры – этой живой почвы, которой мы будем воспитаны, в среде которой будем расти, развиваться и жить. Пушкин был одним из нас. Бог вручил ему способность выразить через искусство, через его образную систему, если хотите, программы и коды национального сознания.

Энциклопедией русской жизни назван роман «Евгений Онегин». Не только потому, что Пушкин описал внешнюю жизнь разных сословий в определенном историческом контексте, но, что более важно, показал русскую картину мира. Пушкин первым открыл русским самих себя, он помог человеку через искусство посмотреть на себя со сторо-

ны, узнать себя, осознать себя. Как раз в механизме самосознания и состоит прямое назначение искусства. Пушкин предложил несколько принципов в творчестве, которые стали правилом для многих его последователей в русской литературе.

Первый принцип Пушкин выразил 26 августа 1836 года в стихотворении: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»: «Чувства добрые я лирой пробуждал»; второй принцип Пушкин выразил 3 апреля 1836 года, откликнувшись на книгу Александра Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву»: «…ибо нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви»; и третий принцип Пушкин выразил 29 сентября, 1830 года: «Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман».

Пушкин дал ответы на многие вопросы бытия, но больше он оставил загадок и недоумений. Во что веровал русский человек? Как он созерцал родную природу? Как он взаимодействовал с ней, всматриваясь в эти необъятные пространства? Как он любил или ненавидел свое Отечество? Как он воспринимал свой народ с его полуязыческими, полухристианскими мечтаниями? Как он представлял себе идеал русского человека, русской барышни «с французскою книжкою в руках»?

Федор Михайлович Достоевский, кажется, в 1880 году где-то написал, что мы, литераторы не разработали в своём творчестве и десяти процентов из тех идей и направлений, которые нам оставил Пушкин. Это высказал автор, из-под пера которого уже вышли в свет романы «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Преступление и наказание»?!

Корневая система творчества Пушкина напитана живительной влагой почвы народной жизни и народной культуры. А культура эта зиждилась более восьми столетий на Столпе и утверждении Истины, на Церкви Православной. Не удивительно, что исследователи генеалогического древа Пушкина находят, что тридцатью коленами родства он связан со святою Ольгой! И в его роду насчитывается более тридцати кровных родственников, причисленных к лику святых.

Надо вспомнить, что по Уставу 1804 года все начальные школы были приходскими. Они продолжали существовать вплоть до 1917 года, несмотря на то что с конца 1870-х годов появился новый тип начального обучения в виде земских школ, которые тоже просуществовали до Октябрьского переворота. Чему и как учили русских ребятишек в этих школах?

Общий уровень сложности учебной программы земской школы был следующим.

«По Закону Божию программа состояла из изучения главнейших событий Священной истории, элементарных сведений из богословия и заучивания нескольких десятков молитв на церковнославянском языке с умением объяснить их по-русски».

Обучение чтению на церковнославянском языке не относилось к Закону Божию. Оно входило в курс русского языка и производилось на последнем году обучения. Министерская обязательная программа 1897 года предписывала обучать детей по Псалтири и Часослову (богослужебная книга Православной церкви)… в то время как учителя предпочитали обучать детей по Евангелию (Благая весть Иисуса Христа).

Собственно, из этого, на первый взгляд, незатейливого обучающего курса и складывался менталитет русского народа, который, несмотря на трагические события двадцатого столетия и новшества двадцать первого века, продолжает сохраняться в сознании русских людей. Все знают Христа и основные события Священной истории Нового Завета: Рождество, Крещение, Распятие и Воскресение из мертвых. Многие знают главную молитву «Отче наш», прозвучавшую из уст Божественного Учителя для учеников и апостолов, и всего мира. А многие любят храм Божий и продолжают с изумление слушать, как чтецы, диаконы и священники отправляют чинопоследования служб по тому же Часослову и другим богослужебным книгам Октоиху, Триоди и Минеям. И каждый день с удивлением обнаруживают, что в церкви читается Евангелие, которое священник толкует по-русски предстоящему на службе народу. Потому что в церкви ничего не поменялось за тысячу лет. Мерилом жизни и искусства в народе всегда был ИКОНОСТАС. Он являлся каноном, который запрещал изображение «срамных частей тела». Вы не увидите подобных изображений на иконостасе. Грехом и стыдом считалось помыслить о «срамном» или созерцать «срамное», начертанное нечестивым художником. Мать-Церковь для русского человека была школой благочестия. Эта христианская добродетель ставилась выше всего на свете, потому что под благочестием понималось созидание себя сосудом Святаго Духа, обретением благодати. «Благочестивая душа знает Бога, – учил Антоний Великий, – ибо быть благочестивым значит исполнять волю Божию, а это означает знать Бога, то есть когда кто старается быть независтливым, целомудренным, кротким, щедрым по силе, общительным, не любоприятельным (склонным к словопрению), и делать все что угодно Богу». По существу, благочестие есть тайна Христа в человеке. Через благочестивое поведение наши предки передавали нам свою веру и живой опыт церковной жизни.

Пушкин понимал это. Он много обращался в творчестве к библейским сюжетам. В Михайловском, перед созданием «Пророка»,

Пушкин усиленно штудировал Библию, дважды он просил своего брата прислать её, писал в письме к нему: «Библия для христианина то же, что история для народа».

Он переложил в стихотворную форму великопостную молитву преподобного Ефрема Сирина: «Отцы пустынники и жены непорочны…», молитву, которая воспитывала русский народ «Во дни печальные Великого поста».

Пушкин любил жизнь. «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать»… Но не жизнь была для него главным источником вдохновения. В «Путешествии в Арзрум» Пушкин писал о гибели Грибоедова, чья кончина во многом фатально напоминает конец самого Пушкина: «Смерть, постигшая его посреди смелого, неравного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна». Честь, служение народу своим творчеством, убеждения, любовь к Отечеству, вера – вот что было смыслом жизни и вдохновением для поэта. Человек, для которого жизнь дороже, чем принципы, которыми руководствовался Пушкин, видит в гибели поэта только несчастье. Понять Пушкина с такой точки зрения нельзя. Пушкин, для которого «наукой первой» оставалась «читать самого себя», который на чувстве гордого самоуважения основывал и «любовь к родному пепелищу», и право на место в Русской истории, имел более высокие цели, чем сохранение жизни. Он стремился к воплощению в своей жизни осуществления полноты человечности такой, какой он себе её представлял. «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа; это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нём русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла», – писал Николай Васильевич Гоголь в статье «Несколько слов о Пушкине».

Пушкин, пожалуй, единственный поэт и прозаик во всей русской культуре, в творчестве, которого «жизнь жительствует». Пушкина как бы нет, а есть дыхание самой жизни, выраженное через стихию родного языка. «Солнце русской поэзии (не) закатилось», оно светит и укрепляет духовный иммунитет русского народа. Не заслоняйтесь от него.

Скорбач М.В., преподаватель
МБУ ДО «Детская художественная школа»
городского округа «Город Белгород»,
член БРО ВТОО «Союз художников России», г. Белгород, Россия

ТВОРЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ГЕРОЕВ И СЮЖЕТОВ ЛИТЕРАТУРНЫХ СКАЗОК А.С. ПУШКИНА РУССКИМИ ХУДОЖНИКАМИ-ИЛЛЮСТРАТОРАМИ

Аннотация

В статье приведены возможности для творческих воплощений героев и сюжетов художниками-иллюстраторами. Приведено краткое описание работ российских художников-иллюстраторов: Т.А. Мавриной, В. Конашевича, работающих над героями и сюжетами литературных сказок А.С. Пушкина. Делается вывод, что для творческого воплощения образов персонажей и погружения в сюжеты книги художнику требуется быть в поиске, обладать знаниями и умениями изобразительной грамоты, вдохновляясь строками русского поэта для юного читателя.

Ключевые слова: рисунок, иллюстрация, сказка, персонажи, художник-иллюстратор, эскиз, референс, изобразительное искусство.

В этом году исполняется двести двадцать пять лет со дня рождения великого русского поэта и основоположника новой русской литературы Александра Сергеевича Пушкина. Это самое известное имя в мире сказок для детей. В сказках русского поэта живут золотая рыбка, тридцать три богатыря и царевна-лебедь, Иван-царевич и серый волк. Пушкин поднял на огромную высоту ценность русского слова.

Сказку можно охарактеризовать, как этическое произведение с волшебным сюжетом. При чтении сказки постепенно, шаг за шагом, раскрывается перед зрителем выдуманная ситуация, которая соотносится в воображении для слушателя с жизнью. При повествовании о волшебных событиях появляется четкая структура: начало, основная часть и финал. В сказке присутствуют положительные и отрицательные персонажи, которые взаимодействуют друг с другом. Распространены волшебные сказки, сказки о животных, бытовые. Животные наделены человеческими чертами, характером, обликом. Это могут быть и дикие животные, и домашние животные, и птицы. В сказке описывается их жизнь и общение, как в мире людей [4, с. 47 – 51].

Бытовые сказки показывают социальные проблемы. В них изображены характеры богатых и бедных персонажей. Хорошие и добрые люди сталкиваются с жадными и злыми людьми. В сказке высмеиваются отрицательные качества человека, которые присутствуют в ре-

альной жизни. В юмористической форме описываются отрицательные черты человека, такие как жадность, лень, ложь [4, с. 96].

В волшебной сказке – мир особенный. Разворачиваются события, показывают главных и второстепенных персонажей, выстраивается сюжет, дается описание окружения, среды. Читатель может проявить воображение, что происходит с фантастическими существами или людьми. Оживают неодушевленные предметы, героям сказки выпадают испытания, которые они преодолевают благодаря волшебным умениям. В них происходит борьба добра и зла, а положительные герои выходят победителями.

Для художника важно достоверно изобразить персонажей сказки. Надо определить облик героя, его характерные черты, возраст, одежду. Эти данные имеют значение при ознакомлении с персонажем на страницах книги посредством иллюстраций.

Иллюстрация – это любое изображение, помещенное на страницах книги. В детских книгах рисунок играет роль развития воображения, способностей к обучению и восприятию информации. Изображение помогает лучше понимать содержание книги, делает его понятным и увлекает читателя. Многие художники – иллюстраторы погрузились в профессию благодаря приобщению к миру изображений в детстве. Детская иллюстрация должна быть контрастной, продуманной. Взгляд не должен уходить за пределы изображения. В персонажах ребенок может узнать себя или своих близких. Можно остановить выбор на реалистичных изображениях, хороши также и символичные изображения. Здесь упрощенная передача образа животного или человека воспринимается лучше.

В иллюстрациях важен объединяющий принцип для серии изображений. Сюжет книги разбивается художником на ключевые сцены, к каждой из которых создаются иллюстрации. В них оживают герои повествования. Художник в работе может применять разные графические и живописные материалы, применять коллаж, аппликацию. Уже знакомые образы он создает в своем уникальном стиле, и они становятся для юного читателя близкими [3, с.174–178].

Какие имена мы вспоминаем сразу? Могу назвать иллюстрации, которые знакомы нам с детского возраста. В тексте статьи приведу немного имен из достаточно большого списка. Произведения русского поэта иллюстрировали многие, в том числе и в стиле Палех и в масленой живописи. Решила остановиться на двух художниках-иллюстраторах: это Татьяна Маврина и Владимир Конашевич.

Татьяна Алексеевна Лебедева (псевдоним – Маврина) – художник-живописец, график, заслуженный художник РСФСР, щедро проявила свое дарование в различных творческих направлениях. В декаб-

ре 2025 года исполнится 120 лет со дня ее рождения. Она создала циклы зарисовок, посвященные старинным русским городам. Разработала эскизы декораций и костюмов к театральным спектаклям, участвовала в создании мультфильмов. Особое место в ее творчестве занимает иллюстрирование книг для детей. Она единственный российский художник–иллюстратор, получивший по решению Международного совета по книгам для молодежи премию имени Г.-Х. Андерсена за международный вклад в дело иллюстрации детских книг. Наиболее известны ее иллюстрации к произведениям Александра Сергеевича Пушкина: «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», «Руслан и Людмила». Татьяна Алексеевна Маврина выступала и как иллюстратор собственных книг: «Сказочные звери», «Пряники пекутся, коту в лапы не даются». В этом году Русский музей на 18 мая подготовил выставку русских иллюстраторов к произведениям русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, которые оживили «сказки на все времена». Иллюстрации Татьяны Мавриной к сказкам Пушкина очень яркие, красочные и полны экспрессии. Она создала замечательные картинки к пушкинскому «Лукоморью» и другим произведениям Пушкина. Для нее Лукоморье, не только географическое понятие, а место, которое она увидела во сне, где присутствуют кот, дуб и все сказочные существа. Создан образ ученого кота, строго поющего на гуслях песни. Художник применяет контраст синих и оранжевых пятен. В образах дуба, волка, русалки воплощен отголосок народного творчества [3, с. 4–6].

В.М. Конашевич – русский и советский художник, график, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РСФСР. «Сказка о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина с рисунками В.М. Конашевича впервые вышла в свет в 1922 году и многократно переиздавалась в советский период. Многим с детства знакомы иллюстрации этого автора. Художник выполнял иллюстрации к сказкам Корнея Чуковского, Шарля Перро, Ганса Христиана Андерсена. Для меня самая известная книга – это сказки Александра Сергеевича Пушкина с иллюстрациями художника. Под его кистью и карандашом создавались узнаваемые яркие, витиеватые образы персонажей и сюжеты сказок русского поэта. Владимир Конашевич говорил, что в его характере проявляется склонность к фантазии, к изобретению. В иллюстрации не стоит карикатурно изображать персонажей. Книги и рисунки для детей должны быть искренними.

«Сказка о рыбаке и рыбке» – первая сказка, которую иллюстрировал художник по просьбе С.М. Аляльного – руководителя издательства писателей в Ленинграде, редактора «Детской литературы» в Москве. Художника притягивал образный язык русского поэта. Первоначально родился замысел выполнить сказку как прообраз древне-

русской книги, с пышным обрамлением, буквицами. В «Сказке о царе Салтане» художник в результате поиска пришел к изображениям, занимающим всю страницу, и мы видим превращения прекрасной Царевны–лебедь, выход на берег тридцать трех богатырей, царя и царицу, бочку, которая была брошена в бездну вод, белочку, которая грызет орешки. На фоне бескрайних полей, лесов и морей герои совершают подвиги, решаются судьбы, и сказка приходит к своему положительному завершению. Здесь присутствует по–настоящему русский дух, который воплощается в строках А.С. Пушкина. Все изображения напоминают о Древней Руси: костюмы, персонажи, архитектура, все отвечает духу поэта и его поэме. Здесь мастерство художника поддерживает живые образы, созданные поэтом [2, с. 37–41].

Художник–иллюстратор воплощает в своих работах через личное творческое осмысление сюжеты сказок, наделяя персонажей некими чертами. Мы видим, что персонаж, как вымышленное одушевленное лицо, обладающее определенным характером, обладает уникальными внешними данными. Это реалистическое изображение, в котором присутствуют элементы стилизации. Для работы над созданием вымышленного персонажа требуются дополнительные справочные материалы, необходимы вспомогательные изображения, такие, как, например, фотография, рисунок, набросок, скульптура, архитектурное строение или его элемент, пейзаж [2, с. 65].

В работе над иллюстрацией художнику требуется передать детали, текстуру, фактуру, уточнять форму изображаемого объекта. И при такой работе необходим дополнительный материал – «референс», вспомогательное изображение. Рисунок или фотография, которые изучаются художником перед началом работы, для того чтобы более точно передать детали произведения. Художник использует дополнительные сведения перед началом работы или на протяжении всего процесса. Для уточнения деталей он использует наглядность через копирование техники изображения, приемов работы, разработку стилистики изображения персонажа. В сказке скрыты интересные моменты, на которые и обращает внимание иллюстратор. Создает этапы разработки образов и сцен, осуществляя поиск изобразительного материала, композиционного решения в нужном формате. Останавливает выбор на том или ином персонаже и сюжетной линии и разрабатывает поисковые эскизы.

В руках персонажа можно изобразить объект. Можно выполнять небольшие линейные изображения, с минимальным введением цвета. Следует выполнить подборку костюма в соответствии с эпохой изображаемого и обосновать свой выбор. Решить, какие элементы костюма будут использованы в изображении персонажа. Художник придумыва-

ет идею, как будет выглядеть персонаж, обдумывает цветовую палитру. В рекомендациях авторы пишут, что в разработке персонажа многие известные иллюстраторы рекомендуют использование дополнительного материала.

Эскиз разрабатывается с нуля, поиск образа ведётся самостоятельно, в итоге создается новый образ. От художника требуется создать интересный, востребованный образ, понятный зрителю. Здесь важна особенность работы с формой, грамотное владение изобразительными графическими или живописными материалами. Тем, кто находится в самом начале творческого пути, опытные авторы рекомендуют знакомиться с ранее созданными иллюстрациями, поэтому просмотр работ других художников также важен в работе.

Творчество есть способ воплощения действительности, ее моделирование, в нем соединяется мысль и поэта, и художника. Творчество иллюстратора – это воплощение замысла в знаковой системе, чтобы донести его до читателя, зрителя. Таким образом, можно выделить следующие этапы творческого воплощения замысла иллюстрации литературной сказки: возникновение идеи; анализ; реализация; разработка эскиза персонажа, сюжета.

Сказка погружает юного читателя в вымышленный мир. Сказка учит, знакомит с взрослым миром, приводит примеры, когда добро одерживает победу над злом. Художник, разрабатывая персонажи и показывая сюжеты сказок, должен быть всегда в поиске, должен обладать знаниями и умениями в области изобразительной грамоты, привлекать дополнительные сведения и материалы.

Список цитируемой литературы:

1. Горелов, А.А. История русской культуры : учебник для бакалавров / А.А. Горелов. – 2 – е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2013. – 387 с. – Серия : Бакалавр. Базовый курс.

2. Козырева, Н.М. Конашевич: известный и неизвестный / Авт. ст. Н.М. Козырева. – СПб : Palace Editions. – 2018. – 120 с.

3. Маврина, Т.А. Дневники: Этюды об искусстве / сост. и предисл. А.Ю. Чудецкой, А.Г. Шелудченко. – М.: Молодая гвардия. – 2006. – 364 с.

4. Пропп, В.Я. Русская сказка / Собрание трудов В.Я. Проппа / научная редакция, комментарии Ю.С. Рассказова. – М.: Лабиринт. – 2000. – 416 с.

Толмачёв А.В., д-р юрид. наук, магистр религиоведения
Российский православный университет Св. Иоанна Богослова
г. Москва, Россия

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ВКЛАД А.С. ПУШКИНА В ЗАКОНОПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ НАУКИ

Аннотация

Что такое научные философские работы А.С. Пушкина? Это абстрактные математические модели, «Философические таблицы», которые имеют отношение к космическим знаниям и позволяют познать мир человека. Пушкин в своей философии вводит понятия «Особь», «Ритм», «Порядок». Особь – это любое явление природы; ритм –это жизнь, развитие особи; порядок – это место особи в Космосе, это отношение к другой особи. При движении по кругу образуются циклы, которые создают разные особи. Особью может быть только полный цикл Вечного движения. Пушкин в открытой им системе описал законы природы как законы Вечного Движения через Особь, равенство противоположностей, фазы развития, временной ритм и периодичность (возрастающую и затухающую). Деление на живую и неживую природу у Пушкина условно: живой природой называется то, что близко к порядкам человека, а неживой – то, что далеко от порядков человека. Троица – это нулевой с первым порядком Особи. Если в России XIX–XX веков развивалась законопознавательная наука, основой которой является русский взгляд на Вселенную, как о порядке, ей занимаемом, а не о пространстве для вселения небесных и живых тел, то в XXI веке целью русской законопознавательной науки становится поиск того общего, что присуще всем без исключения.

Ключевые слова: философия, язык, литература, А.С. Пушкин, законопознавательные науки.

1. Философия о познании мира и происхождении языка.

Существует много способов познавать окружающий мир, в том числе и мир литературы: от научных и философских произведений до религиозных и художественных. Один из взглядов на научное познание мира предложил С.В. Савельев: «Мы создаем внутри мозга умозрительные модели мира и затем сравниваем их с реальностью. Если совпадения нет (а его нет никогда), то мы начинаем мучить окружающий мир до полного совпадения с нашими иллюзиями» [7, с.70].

Вильгельм фон Гумбольдт, великий немецкий философ, лингвист и один из основоположников сравнительного исторического языкознания и философии языка, свои взгляды на происхождение языка выразил так: «Язык не есть нечто застывшее, это деятельность духа в

каждый момент и постоянная, и преходящая. Язык рассматривается как деятельность, речевое поведение. Язык заложен в духовное развитие человечества, является его неотъемлемой частью, и в то же время он самостоятелен. Но язык является продуктом коллективного воодушевления, заложенного в душе каждого человека.» [6, с. 21–22]

Исламский теолог и философ Г. Джемаль говорил, что человеческое сознание актуализируется в языке. Он говорил: «Язык создан Всевышним только для Адама и сообщён Адаму, больше никто этот язык не знает. Но можно выучить вслед за Адамом – можно услышать, подслушать, выучить и так далее. Но хозяином языка в мирах миров является только Адам. После чего Адам отправляется в качестве посланника, в качестве первого великого пророка.

Приходит Адам и сообщает как Откровение язык, полученный от Божественной Мысли, от Всевышнего, и тут происходит страшный коллапс человеческого общества. Было не общество, а было сообщество как биос: люди находились в лучезарном сне Золотого века, у них не было ощущения среды как чего-то конфликтного и противостоящего им самим. Они не знали, что есть дождь, жар, что есть какие-то неудобства. Как зародыш в заколдованных водах утробы матери, они находились в состоянии океанического блаженства зародышей, и вдруг происходит рождение: хаос, громкие звуки, яркий свет – младенец начинает вопить, появляется жесткий холодный воздух, который сразу резко наполняет лёгкие. С чем это приходит всё? С языком. <…> Язык – это принесенное Откровение… Вообще нельзя язык создать. Потому что все созданные искусственные языки существуют как вариации уже существующих языков. Более того, когда язык сообщается людям, то его дальнейшее использование только его портит.» [2, с. 256–261].

2. Современная литература и грамматика.

Г.И. Гурджиев однажды написал: «Как ни странно вам это покажется, но я обвиняю в том вреде, который причинила человечеству литература, не что иное, как современную грамматику. Ее я считаю одним из самых страшных орудий заговора современной цивилизации, направленного против общества. Современная грамматика большинства языков построена искусственно, в то время как прежде грамматика формировалась самой жизнью в зависимости от уровня развития данного народа, климатических условий, преобладающих способов добывания пищи. Современная же грамматика мешает писателю точно выразить свои мысли, таким образом читатель, особенно иностранный, лишается последней возможности уловить смысл сказанного.» [1, с. 101–102].

И далее Г. Гурджиев говорит о языке и литературе первой половины XX века: «Должен сказать, что, начав изучать грамматику русского языка, а также и других современных языков, с целью устано-

вить причину отсутствия эквивалентных выражений, я решил, что одних только филологических знаний для этого недостаточно, и стал знакомиться с историей происхождения и развития русского языка. И мои изыскания подтвердили, что прежде этот язык содержал слова, соответствующие конкретным понятиям из области практической деятельности. Но с течением времени, достигнув определенной ступени развития, он стал объектом экспериментов бесчисленных псевдолитературных выскочек, так что смысл многих слов и выражений оказался искаженным, или они были даже совсем выведены из употребления только потому, что они не соответствовали требованиям, предъявляемым к «культурной» речи…

Искусственно созданные языковые конструкции, которые молодое поколение вынуждено усваивать, являются, по моему мнению, одной из основных причин того, что среди современных европейских народов развивается и нормально функционирует только один из трех принципов, необходимых для формирования здорового сознания, а именно мышление. Но без определения и сознания собственных чувств и инстинктов, что очевидно для каждого здравомыслящего человека, не может быть сформирована полноценная личность.

Подводя итог всему ранее сказанному о современной литературе, точнее всего могу описать ее словами: «Она не имеет души». Современная цивилизация убила душу литературы, как и всего того, к чему она прикоснулась» [1, с. 103].

3. О философии и законопознавательной науке А.С. Пушкина.

Одна из моих задач – показать гениальнейшего поэта и писателя русской литературы с совершенно непривычной стороны – философской. Я долго не решался рассказать о моем личном открытии, что А.С. Пушкин – выдающийся русский философ. В марте 1996 года ко мне пришли два пожилых человека из академии А.С. Пушкина с предложением написать предисловие к планируемому к 1999 году изданию философских тетрадей А.С. Пушкина. Они передали мне в руки некоторые открывшиеся в 1980-х годах материалы о таганрогском архиве Пушкина и копии трех страниц пушкинских записей на старофранцузском языке с приложенным переводом на современный русский язык, и объявили, что ждут от меня ответ через неделю. Конечно же я все прочитал и … испугался. Где я – мелкий таракан, и где Он – гений?! Я отказался от предоставившейся мне уникальной возможности, но я тогда был не готов к осознанию того, что попало мне в руки. Прошли годы, а 200 страниц текстов по философии и математике русского гения так и не были опубликованы, вопреки его завещанию и стараниям хранителей пушкинского научного архива. Поэтому сегодня я решил

слегка показать то, к чему случайно прикоснулся – всего несколько страниц.

Я напомню, что в мае 1829 года А.С. Пушкин встречался с наказным атаманом Войска Донского Д.Е. Кутейниковым и передал ему в присутствии его племянника около 200 рукописных листов собственных текстов с шифрами и кодами, а также с рукописным завещанием и назначением Д.Е. Кутейникова и его потомков хранителем личного пушкинского «таганрогского» архива.

Чиновники советского государства и постсоветской России отказывались исполнить завещание А.С. Пушкина, в котором весь «философский архив» должен последовательно опубликовываться по 3 листа для широкой публики, начиная с 1979 года по 1998 год. Наследники «таганрогского» философского архива отказались единовременно сразу отдать все 200 пушкинских листов чиновникам, до опубликования первых листов.

К великому сожалению, на протяжении XX века семерых хранителей «таганрогского» пушкинского архива находили мертвыми, а 15 тысяч томов уникальных книг и рукописей, с которыми работал А.С. Пушкин, готовя собственные философские тексты, были проданы американским коллекционерам в Лос-Анджелес в 1990-е годы представителями ельцинской администрации, вопреки протестам наследников «таганрогского» архива и вопреки незавершенному расследованию наших специальных служб.

Когда-то русский философ М.В. Киреевский сказал, что «направление философии зависит, в первом начале своем, от того понятия, которое мы имеем о Пресвятой Троице» [3, с. 245]. В пушкинской первоначальной философии все основные понятия и выходят из Троицы.

С.Л. Франк говорил, что Пушкин – «не только гениальный поэт, но и великий русский мудрец». Н.В. Гоголь о пушкинском творчестве говорил, что в собственных произведениях А.С. Пушкин «ничего не хотел сказать своему времени, никакой пользы соотечественникам не замышлял», и еще, что «Пушкин есть явление чрезвычайное, и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет».

В. Вергинский говорил: «Познания Пушкина в области истории, науки и техники были поистине универсальны». В. Одоевский восхищался: «Ни одно из таинств науки им не было забыто, и, – счастливец! Он умел освещать эту обширную массу познаний своим поэтическим ясновидением». П. Вяземский говорил: «В Пушкине было верное понимание истории. Принадлежностями ума его были: ясность, проницательность и трезвость». А. Герцен провозгласил: «Россия ответила на реформы Петра через сто лет громадным явлением Пушкина».

Ф. Достоевский при открытии памятника поэту сказал: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и, бесспорно, унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем».

Что такое научные философские работы А.С. Пушкина? «Это абстрактные математические модели, – так называемые «Философические таблицы», которые имеют отношение к космическим знаниям и позволяют познать мир человека… Пушкин создал новый математический аппарат, который… применяется в сфере неколичественных отношений…» [5, с. 34].

По словам Г.В. Чафранова, «есть традиционная европейская математика – логика твердого тела, или дважды два – четыре, но у Пушкина дважды два может оказаться и пять… Это – волновая логика, или логика ритмов, это расчеты в неколичественной сфере…». Знаменитый «ноль» по Пушкину, – «…в Космосе ничего нет, кроме Вечного Движения, в сумме равного нулю, так как существует в двух направлениях – по часовой и против часовой стрелки… С помощью европейской математики не познать космической закономерности – для всего живого на земле, включая и саму землю…Если база старой математики – постулат – множество не может быть частью себя, то в новой – наоборот: множество – это часть себя… У Пушкина человек – такая же Особь, как Космос… изучая человека можно познать мир» [8, с. 44].

Пушкин в своей философии вводит понятия «Особь», «Ритм» «Порядок». Особь – это любое явление природы; ритм –это жизнь, развитие особи; порядок – это место особи в Космосе, это отношение к другой особи. Порядковый счет – это иерархия особей. В пушкинской математической матрице всего 21 порядок, включая и нулевой. Любой последующий порядок удваивает продолжительность предыдущего ритма. Например, минимальный (неделимый) ритм общественной жизни человека 7 дней, а максимальный ритм человечества (20-й порядок) 20096 лет или 7340032 дня.

При движении по кругу образуются циклы, которые создают разные особи. В зависимости от направления движения особи сами направления движения бывают мужскими и женскими (по часовой стрелке и против часовой стрелки). Особью может быть только полный цикл Вечного движения. Законы развития для каждой особи едины. Вечное Движение проявляется при переходе из одной противоположности в другую и познается в абстрактном мышлении. Достигнув предела, одна противоположность неизбежно переходит в другую. В Космосе нет пространства и времени, нет и количественных отношений. Можно говорить только о множественности особей. Эту множественность отражает «Златая цепь» А. С. Пушкина (восьмизвенная замкнутая цепь чередования особей с мужским и женским направления-

ми их движения в третьем порядке особи). В Космосе нет произвола и случайностей. Все строго закономерно. Человек не в силах изменить естественный ход вещей, так как и он сам подчинен законам Вечного Движения. [5, с. 9].

Пушкин в открытой им системе описал законы природы как законы Вечного Движения через особь, равенство противоположностей, фазы развития, временной ритм и периодичности (возрастающей и затухающей). Деление на живую и неживую природу у Пушкина условно: живой природой называется то, что близко к порядкам человека, а неживой – то, что далеко от порядков человека. Троица – это нулевой с первым порядком особи. Ритм человека 78,6 лет (28672 дня). Ритм духовной жизни человека 21 час. Это не суточные ритмы Земли, а человеческие 21-часовые ритмы. Те ритмы, которые длятся менее 21 часа, – это душевные ритмы (дыхание, сердцебиение и пр.). Те ритмы, которые превышают 21-часовые, – это ритмы общественной жизни. За земную неделю (7 дней) человек проживает 8 своих человеческих суток.

Отличие пушкинского структурного элемента особь от классических философских представлений о монаде, о Едином, о Дао видно для русского человека невооруженным глазом. В таганрогском научном архиве А.С. Пушкина постоянно обращали внимание на то, что европейские наблюдательно-описательные науки движутся от частного к общему, а у Пушкина – наука законопознавательная, движущаяся от общего к частному, когда исследователь идет по пушкинскому алгоритму развития особи. В отличие от европейской упорядоченно хаотичной истории мира монад и от русской монадологии психизма А.А. Козлова у Пушкина естественная история всех явлений переплетается с нравственной историей. Пушкин через развитие особи фиксирует картину мира на любом ее крае или в целом, а затем позволяет прогнозировать развитие мира и его частей на годы и столетия вперёд.

У Плотина космос находится в постоянном вращении и смене ступеней бытия, а универсум остается статичным, ибо Единое первоначало – Благо, которое над всем существует неизбывно. Пушкин идет дальше Плотина – не просто вращение, а движение в заданном ритме. Ритм определяет жизнь всякой особи. Ритм пушкинской особи – это жизнь любого явления. Если лейбницевская монада имеет внутренний принцип стремления и восприятия для собственного саморазвертывания, то пушкинская особь имеет и внутреннюю энергию движения (мужское и женское), и жизненный ритм в разных порядках.

Чем же отличаются науки европейские, наблюдательно-описательные, от русской законопознавательной науки А. С. Пушкина? В.М. Лобов говорит: «Науки, основанные на частном мировоззрении, называются наблюдательно-описательными. Сейчас это современные

европейские науки. Науки, основанные на общественном мировоззрении, – законопознавательные. Сейчас это Русская Пушкинская кольцевая наука. Европейские науки в настоящее время движутся от частного к общему. Для них истина изначально неизвестна. Проводятся наблюдения и тысячи опытов. На основе полученных данных выводится общее положение (закон). Целостную картину мироздания пытаются построить как изображение или узор из отдельных частных законов. Поэтому способ познания наблюдательно-описательных наук – усложнение.

Основой наблюдательно-описательных наук служат отвлеченное проникновение в количественные отношения (арифметика) и пространственный вид (геометрия) действительного мира. Применение этого способа в различных областях жизни образует различные науки: «физику», «химию», «астрономию», «биологию» – науку о жизни животного и растительного мира и т.д. … Опытные науки приносят большую пользу: переместить груз, передать сведения, защищаться от неблагоприятных явлений, – решение этих вопросов необходимо.

Найти истину и правдиво отразить жизнь пытаются науки общественные: «философия», «история», «биология» и др. Но, не зная Законов Вселенной, они не имеют истинного представления о таких понятиях, как жизнь, народ, преобразования, человек. Общественные науки показывают свое бессилие. Мы наблюдаем сумму самых нелепых предположений и рассуждений: происхождение человека, описание ничтожных летописных событий, словоблудие о бытии и небытии, веществе и вакууме. Использование частного мировоззрения и европейской «математики» обрекают общественные науки на ложные выводы» [4, с. 11–15].

В.М. Лобов продолжает: «Приведем мнение Хранителя научной рукописи Пушкина И.М. Рыбакова: «Типичными науками Европейской частной просвещенности являются ботаника и история. Первая занимается описанием вида листочков, корешков, цветочков и семян: подсчитывает число лепестков, тычинок и т.д. Вторая описывает события, в первую очередь, угодные власть имущим (царям и политикам). Для таких описаний не только не требуются никакие рассуждения, они считаются даже недопустимыми. Наблюдай и пиши только то, что видишь, или как велит вышестоящий повелитель. Если такое описание сделано впервые, оно называется научным открытием и за это присуждается научное звание и известность.

Совершенно противоположными являются науки законопознавательные, в основе которых лежит мышление – разумное понимание явлений природы. Оно наиболее выражено в многочисленных произведениях русской образцовой науки, представляющей собою отвлеченное выражение законов Природы. Это собранное воедино, стройное

соединение взаимосвязанных между собой законов. <…> Они (законопознавательные науки) не включены в учебные планы, всюду избегают упоминания о них, новые работы не принимаются к печати и не переиздаются прежние, а сила тяги к этим наукам настолько велика, что всё относящееся к ним, стало дорогостоящей исключительной редкостью. <…> Законопознавательные науки движутся от общего к частному. Для них истина изначально известна (дается через Пророка). Способ законопознавательных наук – выделение из общей картины мира нужного явления, и применение к нему Законов Вечного Движения (упрощение)» [4, с. 15–16].

Если в России XIX–XX веков развивалась законопознавательная наука, основой которой является русский взгляд на Вселенную, как на порядок, ей занимаемый, а не на пространство для вселения небесных и живых тел, то в XXI веке целью русской законопознавательной науки становится поиск того общего, что присуще всем без исключения. Целью постижения нашего мира являются предметы от простых частиц до метагалактик. Таким общим понятием стало Вечное Движение А.С. Пушкина, кольцевые перемены, присущие любой вещи, растению или животному, телу, полю, явлению. Учение Вечного Движения – это и есть Единая совокупность правил, положений, мнений, суждений обо всём.

Список цитируемой литературы:

1. Гурджиев, Г.И. Четвертый путь к сознанию / Г.И. Гурджиев. – М.: Издательство «АСТ», 2022. – 416 с.

2. Джемаль, Г. Логика монотеизма: избранные лекции / Г. Джемаль. – М.: Эксмо, 2021. – 544 с.

3. Киреевский, М.В. Отрывки / М.В. Киреевский. – М.: Академия, 2001. – 165 с.

4. Лобов, В.М. Кольцевая наука Пушкина / В.М. Лобов. – М.: Амрита-Русь, 2020. – 508 с.

5. Мирзоян, Е.Л. Сокровища Лукоморья / Е.Л. Мирзоян // Журнал «МиГ». – 1993. – №2. – с. 3 – 12.

6. Мирошниченко, О.Ф. Тайна русского алфавита. Вся правда о языке предков / О.Ф. Мирошниченко. – М.: Концептуал, 2019. – 176 с.

7. Савельев, С.В. Церебральный сортинг / С.В. Савельев. – М.: ВЕДИ, 2018. – 256 с.

8. Чафранов, Г.В. Пророк в своем отечестве / Г.В. Чафранов // Журнал «МиГ». – 1993. – №2. – С.44.

Чудинова Е.В., канд. пед. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк, Россия

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ПОЭЗИИ А.С. ПУШКИНА (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «К***»)

Аннотация

В статье рассмотрены некоторые проблемы перевода поэзии А.С. Пушкина, осуществлен анализ вариантов перевода стихотворения «К***» на немецкий язык.

Ключевые слова: проблемы перевода, стихотворение, образ, А.С. Пушкин, немецкий язык.

Как известно, переводчик поэтических текстов сталкивается практически с неразрешимой проблемой: как передать смысл и образы стихотворения, не нарушая его форму? Проблемы перевода были рассмотрены в ряде научных работ [3] и учебных пособий [2; 4]. Так, в настоящее время были сформулированы основные требования при осуществлении перевода поэтического текста:

1) сохранение размера и стопности;
2) сохранение каденции;
3) сохранение типа чередования рифм;
4) сохранение звукозаписи, хотя бы частично;
5) сохранение количества и места в стихотворении лексических и синтаксических повторов;
6) поиск близкого аналога в системе стихосложения оригинала;
7) адекватная передача средств выражения системы образов [2, с. 152].

Как же выполнить все эти требования? Эта проблема не теряет актуальности и по сей день, ведь задачей переводчика является познакомить читателя с миром поэзии другой страны и передать всю красоту поэтического языка переводимого автора.

Цель данной статьи – рассмотреть некоторые проблемы перевода поэзии А.С. Пушкина, осуществить анализ вариантов перевода стихотворения «Я помню чудное мгновенье» на немецкий язык.

Известно, что впервые переводы произведения А.С. Пушкина появились в европейской печати в 1823 г. и вызвали большой интерес поэта. Это был отрывок из поэмы «Руслан и Людмила» в переводе на французском языке и перевод стихотворения «Кавказский пленник» на немецком языке. Благодаря русским путешественникам творчеством А.С. Пушкина интересовались крупнейшие писатели Германии, Фран-

ции, Италии, а Гете, встретившись с В.А. Жуковским, передал в подарок Пушкину свое гусиное перо, которым только что писал [1, с. 120]. Значение творчества А.С. Пушкина для мировой литературы трудно переоценить. Что касается его стихотворения «К***», то оно было переведено на 210 языков мира, среди них – брибри, гуарани, кечуя, майя, маори, пушту, санго, фанг, хинди, челуба и многие другие [5].

Итак, представим попытку сравнения оригинала, переводов Ф. Фидлера, К. Павловой, Э. Бернера и Г. Файлера [6].

Следует отметить, что во всех четырех вариантах перевода сохранены размер и стопность, каденция и тип чередования рифм, количество и место лексических повторов.

Приведем отдельные примеры переводов для сравнения.

Варианты перевода стихотворения «К***»

Перевод Ф. Фидлера и буквальный перевод на русский язык	Перевод К. Павловой и буквальный перевод на русский язык	Перевод Э. Бернера и буквальный перевод на русский язык	Перевод Г. Файлера и буквальный перевод на русский язык
«O Stunde seeliger Vereinung, Wo du erschienst mit holdem Gruβ, Gleich einer flüchtigen Erscheinung, der reinsten Schönheit Genius». «О час благословенного союза, когда ты появилась с прелестным поклоном, как мимолетное виденье, как гений самой чистой красоты».	«Ein Augenblick ist mein gewesen, Du standst vor mir mit einemal, Ein rasch entfliegend Wunderwesen, der reinen Schönheit Ideal». «Я помню мгновенье, ты внезапно появилась передо мной, быстро ускользающее чудесное существо, идеал чистой красоты».	«Ein Augenblick, ein wunderschöner: Vor meine Augen tratest du, Erscheinung im Vorüberschweben, Der reinen Schönheit Genius». «Чудесное мгновенье: ты появилась перед моими глазами, мимолетное виденье, гений чистой красоты».	«Ich kann mich immer noch entsinnen, Wie du vor mir erschienen bist, Ein Trug für alle meine Sinne, Der puren Schönheit süβe List». «Я все еще могу вспомнить об этом, как ты появилась передо мной, обман всех моих чувств, прелестный обман чистой красоты».

«Im hoffnungslosen Sehsuchtqualen In dieses Lebens Wogenprall, Sah ich dein Engelsauge strahlen Und hörte deiner Stimme Schall». «В безнадежной мучительной тоске, в бушующих волнах жизни я видел сияние твоих ангельских глаз и слышал звучание твоего голоса».	«Im schmerzlich hoffnungslosen Sehnen, Im ew′gen Lärm der Menschenschar Hört ich die süβe Stimme tönen, Träumt ich das milde Augenpaar». «В болезненной и безнадежной тоске, в вечном шуме людской толпы я слышал звучание чарующего голоса, видел во сне кроткие глаза».	«In hoffnungslosem Leid gefangen, Im Wirbelwind der lauten Welt Erklang dein zartes Stimmchen lange, Im Traum erschien dein zartes Bild”. «В ловушке безнадежных страданий, в вихре шумного мира долго звучал твой нежный голосок, во сне появлялся твой милый образ».	«Betrübt und abgewandt vom Himmel, In Engen überlauter Hast, Erhört ich deine sanfte Stimme, Erahnte deine Züge fast». «Обеспокоенный и отвернувшийся от неба, в тесноте шумной спешки я слышал твой милый голос и почти угадывал черты твоего лица».

В первой строфе ключевым словом стихотворенья А.С. Пушкина является «мгновенье», так как автор создает образ воспоминания об этом кратком мгновении, которое запомнилось ему на долгие годы и которое изменило его жизнь. Наименее удачным, на наш взгляд, является в этом отношении перевод Ф. Фидлера, так как хотя автор пытается передать ощущение мимолетности с помощью эпитета «flüchtig», но «мгновение» превращается у него в «час», и, таким образом, исчезает ощущение легкости. Что касается перевода Г. Файлера, то у него ощущение мимолетности и образ мгновения пропадают совсем, более важным в предложенном варианте перевода становится процесс воспоминаний автора о прошлом.

При переводе второй строки все переводчики подошли достаточно близко к оригиналу, однако в варианте перевода Ф. Фидлера главная героиня появляется «с прелестным поклоном», что несколько перегружает ее образ деталями.

При переводе третьей строки внимание привлекает вариант перевода К. Павловой, которая называет героиню «чудесным существом», что, на наш взгляд, передает настроение автора: для него чудесным является и мгновение появления героини, и она сама. В переводе

Г. Файлера происходит искажение смысла, образ героини почему-то представляется обманчивым, не соответствующим реальности.

Так, и в четвертой строке, при переводе выражения, ставшего крылатым, «гений чистой красоты» в переводе Г. Файлера становится «прелестным обманом», то есть автор не верит ни в чистоту, ни в красоту героини.

При анализе перевода второй строфы следует отметить следующее. Г. Файлер упоминает, что автор «отвернулся от неба». На мой взгляд, это не соответствует смыслу стихотворения, поскольку герой Пушкина не отворачивался и не отказывался от Бога. Кроме того, следует обратить внимание на то, что авторы двух переводов – Ф. Фидлер и К. Павлова – при описании героини, которая снится автору, делают акцент на ее глаза, тогда как А.С. Пушкин создавал более обобщенный образ: «милые черты, небесные черты».

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Перевод пушкинской поэзии, несомненно, требует большого мастерства. При переводе стихотворения «К***» более удачными являются переводы К. Павловой и Е. Бернера, которые приближают читателя к образу идеала любимой женщины, гениально созданному А.С. Пушкиным.

Список цитируемой литературы:

1. Алексеев, М.П. Пушкин и западная литература / М.П. Алексеев. // Литературная учеба. – 1937. – Т.7, вып. 1. – С. 114 – 136.

2. Алексеева, И.С. Профессиональный тренинг переводчика: учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей / И.С. Алексеева. – СПб.: Издательство «Союз», 2001. – 288 с.

3. Буракова, А.А. Трудности перевода художественной литературы. URL: https://infourok.ru/nauchnaya-statya-trudnosti-perevoda-hudozhestvennoy-literaturi-2711253.html (дата обращения: 08.05.2023).

4. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы). Для институтов и факультетов иностранных языков / А.В. Федоров. – М.: Издательский Дом «Филология Три», 2015. – 48 с.

5. Александр Пушкин «К***» на немецком языке. – URL: https://www.tania-soleil.com/pushkin-k-na-nemetckom-iazyke/_ [дата обращения: 02.05.2024].

6. Книгу одного стихотворения Пушкина на 210 языках издали в Архангельске. – URL: https://pravdasevera.ru/2015/05/29/60b0a0b9b43ef52e7c676602.html [дата обращения: 08.05.2024].

Шуклова Л.Г., канд. филол. наук, доцент
ФБГОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия

А.С. ПУШКИН – СИМВОЛ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ (РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ И ПОЭТЫ О ПУШКИНЕ)

Аннотация

В статье рассматривается феномен А.С. Пушкина в контексте русской национальной культуры. Приводятся прозаические и поэтические цитаты о творчестве поэта, раскрывающие его национальное и мировое значение.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, национальная гордость, реформатор русского языка, русская природа, русская душа, русский характер, пафос поэзии.

В нашей стране с 1997 года 6 июня ежегодно отмечается Пушкинский день России. С 2011 года день рождения поэта объявлен Днем русского языка. Сегодня, в юбилейный год 225-летия празднования торжественной даты, это особенно знаменательно и гордо на фоне происходящего в стране и мире. В этих событиях, закрепленных президентскими указами, – непреходящая значимость культурного и духовного наследия Пушкина, связь его имени с историей нации. Библиотеки, музеи, театры, учебные заведения носят его имя. Академия наук ежегодно присуждает премию имени А.С. Пушкина по литературе. В России каждый год вручается Пушкинская медаль «Ревнителю Просвещения».

С именем А.С. Пушкина мы связываем главное в русской культуре и цивилизации – веру в духовное преображение человека.

О Пушкине написано много. Пушкин – наша национальная гордость, вольнолюбивая и глубоко гуманистическая натура.

А.Т. Твардовский подчеркивал, что «ни один из мировых классиков не занимал такого места в современной духовной жизни своего народа, как Пушкин» [1].

Творческое наследие Пушкина – неиссякаемый источник вдохновения для всех поколений русских писателей и поэтов. В их произведениях представлены разные периоды, события жизни и творчества великого поэта, его друзья, герои поэтических и прозаических сочинений, места, где родился, жил, творил и похоронен Пушкин: Михайловское и Царское Село, Пушкинские Горы и Святогорский монастырь, Мойка и Черная речка… Все, что связано с Пушкиным, бесконечно дорого русским людям.

Вот что писали о Пушкине наши отечественные писатели, поэты, литературные критики. Это стало достоянием общественности.

И.И. Пущин

Характеристическая черта гения Пушкина – разнообразие. Не было почти явления в природе, события в обыденной общественной жизни, которые бы прошли мимо его, не вызвав дивных и неподражаемых звуков его музы; и поэтому простор и свобода, для всякого человека бесценные, для него были, сверх того, могущественнейшими вдохновителями.

…в грустные минуты я утешал себя тем, что поэт не умирает и что Пушкин мой всегда жив для тех, кто, как я, его любил, и для всех умеющих отыскивать его, живого, в бессмертных творениях…

П.А. Вяземский

Пушкин был всегда дитя вдохновения, дитя мимотекущей минуты. И оттого все создания его так живы и убедительны. Это Эолова арфа, которая трепетала под налетом всех четырех ветров с неба и отзывалась на них песней. Рассекать эти песни и анатомизировать их – и вообще создание всякого поэта – и искать в них организированную систему со своей строгой и неуклончивой системой – значит не понимать Пушкина в особенности, ни вообще поэта и поэзии.

В.И. Даль

Пушкин, я думаю, был иногда и в некоторых отношениях суеверен; он говаривал о приметах, которые никогда его не обманывали, и, угадывая глубоким чувством какую-то таинственную, непостижимую для ума связь между разнородными предметами и явлениями, в коих, по-видимому, нет ничего общего, уважал тысячелетнее предание народа, доискивался в нем смыслу, будучи убежден, что смысл в нем есть и быть должен, если не всегда легко его разгадать.

Много алмазных искр Пушкина рассыпались тут и там в потемках; иные уже угасли и едва ли не навсегда; много подробностей жизни его известно на разных концах России: их надо бы снести в одно место.

В.А. Жуковский

Мысль, что его нет, еще не может войти в порядок обыкновенных, ясных ежедневных мыслей. Еще по привычке продолжаешь искать его, еще так естественно ожидать с ним встречи в некоторые условные часы; еще посреди наших разговоров как будто раздается его живой, веселый смех, и там, где он бывал ежедневно, ничто не переменилось, нет и признаков бедственной утраты, все в обыкновенном порядке, все на своем месте; а он пропал, и навсегда – непостижимо. В одну минуту погибла сильная, крепкая жизнь, полная гения, светлая надеждами. Не говорю о тебе, бедный дряхлый отец; не говорю об нас, горюющих друзьях его. Россия лишилась своего любимого национального поэта. Он пропал для нее в ту минуту, когда его созревание совершалось; пропал, достигнув до той поворотной черты, на которой душа наша, прощаясь с кипучею, буйною, часто беспорядочною силою

молодости, тревожимой гением, предается более спокойной, более образовательной силе здравого мужества, столько же свежей, как и первая, может быть, не столь порывистой, но более творческой. У кого из русских с его смертью не оторвалось что-то родное от сердца?

В.А. Сологуб

Мне приходит на память другое замечание Пушкина. Снова иду я с ним по Невскому проспекту. Встречается Одоевский, этот добрейший, бескорыстнейший, чуть ли не святой служитель всего изящного и полезного. Одоевский только что отпечатал тогда свои пестрые сказки фантастического содержания и разослал экземпляры, в пестрой обертке, своим приятелям… Само собою разумеется, что экземпляр был поднесен и Пушкину. При встрече на Невском Одоевскому очень хотелось узнать, прочитал ли Пушкин книгу и какого он об ней мнения. Но Пушкин отделался общими местами: «читал... ничего... хорошо...» – и т. п. Видя, что от него ничего не добьешься, Одоевский прибавил только, что писать фантастические сказки чрезвычайно трудно. Затем он поклонился и прошел. Тут Пушкин снова рассмеялся своим звонким, можно сказать, зубастым смехом, так как он выказывал тогда два ряда белых арабских зубов, и сказал: «Да если оно так трудно, зачем же он их пишет? Кто его принуждает? Фантастические сказки только тогда и хороши, когда писать их нетрудно».

Н.В. Гоголь

При Имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более казаться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключилось всё богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал всё его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русской человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет. В нем русская природа, русская душа, русской язык, русской характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла.

В.Г. Белинский

Пушкин принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества. Каждая эпоха произносит о них свое суждение, и как бы ни верно поняла она их, но всегда оставит следующей за нею эпохе сказать что-нибудь новое и более верное, и ни одна и никогда не выскажет всего…

Тайна пушкинского стиха была заключена не в искусстве «сливать» послушные слова в стройные размеры и замыкать их звонкою

рифмой, но в тайне поэзии. Душе Пушкина присущна была прежде всего та поэзия, которая не в книгах, а в природе, в жизни, – присущно художество, печать которого лежит на «полном творении славы».

…Стих Пушкина, в самобытных его пьесах, вдруг как бы сделавший крутой поворот или резкий разрыв в истории русской поэзии, нарушивший предание, явивший собою что-то небывавшее, непохожее ни на что прежнее, – этот стих был представителем новой, дотоле небывалой поэзии. И что же это за стих! Античная пластика и строгая простота сочетались в нем с обаятельною игрою романтической рифмы; все акустическое богатство, вся сила русского языка явились в нем в удивительной полноте; он нежен, сладостен, мягок, как ропот волны, тягуч и густ, как смола, ярок, как молния, прозрачен и чист, как кристалл, душист и благовонен, как весна, крепок и могуч, как удар меча в руке богатыря. В нем и обольстительная, невыразимая прелесть и грация, в нем ослепительный блеск и кроткая влажность, в нем все богатство мелодии и гармонии языка и ритма, в нем вся нега, все упоение творческой мечты, поэтического выражения. Если б мы хотели охарактеризовать стих Пушкина одним словом, мы сказали бы, что это по превосходству *поэтический, художественный, артистический* стих, – и этим разгадали бы тайну пафоса всей поэзии Пушкина.

А.И. Герцен

Пушкин, как нельзя более, национален и в то же время понятен иностранцам. Он редко подделывается под народный язык русских песен, он выражает свою мысль такой, какой она возникает у него в уме. Как все великие поэты, он всегда на уровне своего читателя; он растет, становится мрачен, грозен, трагичен; его стих шумит, как море, как лес, волнуемый бурею, но в то же время он ясен, светел, сверкающ, жаждет наслаждений, душевных волнений. Везде русский поэт реален, – в нем нет ничего болезненного, ничего из той преувеличенной психологической патологии, из того абстрактного христианского спиритуализма, которые так часто встречаются у немецких поэтов. Его муза – не бледное существо, с расстроенными нервами, закутанное в саван, это – женщина горячая, окруженная ореолом здоровья, слишком богатая истинными чувствами, чтобы искать воображаемых, достаточно несчастная, чтобы не выдумывать несчастья искусственные. Природа Пушкина была пантеистическая, эпикурейская – греческих поэтов, но в его душе был еще и элемент вполне современный: углубляясь в себя, он находил в недрах души горькую думу Байрона, едкую иронию нашего века.

Н.Г. Чернышевский

…Пушкин, сравнительно с нынешними поэтами, был в исключительном положении. Ему предстояло еще выработать стих – тяжелый труд, от которого, благодаря ему, избавлены теперь русские поэты, с

тех самых пор, как начинают читать, привыкающие к стихам, лучше которых по художественности, музыкальности и легкости никто от них не требует, да и сами они не могут вообразить себе. Кроме стиха, Пушкин должен был выработать себе и язык, конечно, представлявший очень много затруднений. В самом деле, язык Пушкина чрезвычайно много разнится от языка Жуковского и Карамзина. Наконец, Пушкин должен был бороться с приемами, которые были введены в привычку прежними стихотворцами, он должен был отбрасывать множество употребительных в тогдашнее время выражений, которые сами собою подвертывались под перо и между тем уже не годились для его поэзии. Эта борьба с устарелым слогом, уже не существующая для нас, благодаря решительной победе Пушкина, должна была стоить ему многих трудов, потому что, несмотря на все исправления, оставила в его стихах некоторые следы. Теперь никто не будет отрицать, что у Пушкина часто встречаются устарелые и для его времени фразы. Ему было надобно много усилий, чтобы изгонять таких неотвязных гостей.

Н.А. Добролюбов

Значение Пушкина огромно не только в истории русской литературы, но и в истории русского просвещения. Он первый приучил русскую публику читать, и в этом состоит величайшая его заслуга. В его стихах впервые сказалась нам живая русская речь, впервые открылся нам действительный русский мир. Все были очарованы, все увлечены мощными звуками этой неслыханной до тех пор поэзии.

Во время пребывания своего в псковском уединении Пушкин особенно обратился к изучению русской народности. Особенно занимало его в то время наблюдение над языком и нравами народа. Он переодетый ходил даже иногда по базарам псковским для изучения живой народной речи. Кроме того, он собирал тогда народные песни и записывал сказки, которые сказывала ему няня Арина Родионовна.

Н.П. Огарев

Пушкин со школьной скамьи следил за необычайным движением народа и народов. Возбужденность общего настроения не могла не вызвать всех внутренних сил, таившихся в его существе, прежде всего впечатлительном. Впечатлительность была его силой и слабостью, она выдвинула его до гениальности и не раз вовлекала в грех – и в частной жизни, и в литературной деятельности.

И.С. Тургенев

…заслуги Пушкина перед Россией велики и достойны народной признательности. Он дал окончательную обработку нашему языку, который теперь по своему богатству, силе, логике и красоте формы признается даже иностранными филологами едва ли не первым после древнегреческого; он отозвался типическими образами, бессмертными зву-

ками на все веяния русской жизни. Он первый, наконец, водрузил могучей рукою знамя поэзии глубоко в русскую землю; и если пыль поднявшейся после него битвы затемнила на время это светлое знамя – то теперь, когда эта пыль начинает опадать, снова засиял в вышине водруженный им победоносный стяг. Сияй же, как он, благородный медный лик, воздвигнутый в самом сердце древней столицы, и гласи грядущим поколениям о нашем праве называться великим народом потому, что среди этого народа родился, в ряду других великих, и такой человек!

А.Н. Островский

Сокровища, дарованные нам Пушкиным, действительно велики и неоцененны. Первая заслуга великого поэта в том, что через него умнеет все, что может поумнеть. Кроме наслаждения, кроме форм для выражения мыслей и чувств, поэт дает и самые формулы мыслей и чувств. Богатые результаты совершеннейшей умственной лаборатории делаются общим достоянием. Высшая творческая натура влечет и подравнивает к себе всех. Поэт ведет за собой публику в незнакомую ей страну изящного, в какой-то рай, в тонкой и благоуханной атмосфере которого возвышается душа, улучшаются помыслы, утончаются чувства.

Ф.М. Достоевский

Онегин именно принадлежит к той эпохе нашей исторической жизни, когда чуть не впервые начинается наше томительное сознание и наше томительное недоумение, вследствие этого сознания, при взгляде кругом. К этой эпохе относится и явление Пушкина, и потому-то он первый и заговорил самостоятельным и *сознательным* русским языком.

Но тут в [«Египетских ночах»] до того ярки некоторые подробности, что приходишь в изумление и благоговение перед художественной силой поэта. Часто иная из таких подробностей очерчивается здесь одним стихом, одним словом, одним намеком, но до того цельно, метко и полно, что этот стих не забывается. Он переходит в потомство и становится выражением нарицательным для известного рода понятий; правда, эти подробности доведены до того предела, что прибавьте еще хоть одну какую-нибудь лишнюю подробность, и цельное впечатление картины, может быть, исчезло бы перед вами. Тут всё составляет один аккорд: каждый удар кисти, каждый звук, даже ритм, напев стиха – всё приноровлено к цельности впечатления.

Л.Н. Толстой

Чем ярче вдохновение, тем больше должно быть кропотливой работы для его исполнения. Мы читаем у Пушкина стихи такие гладкие, такие простые, и нам кажется, что у него так и выливалось это в такую форму. А нам не видно, сколько он употребил труда для того, чтобы вышло так просто и гладко.

А.М. Горький

…Пушкин первый почувствовал, что литература – национальное дело первостепенной важности, что она выше работы в канцеляриях и службы во дворце, он первый поднял звание литератора на высоту до него недосягаемую: в его глазах поэт – выразитель всех чувств и дум народа, он призван понять и изобразить все явления жизни.

С.Я. Маршак

Мы знали и любили Пушкина с юности. Он никогда не заставлял нас смеяться громко и весело, как смеялись мы при чтении Гоголя. Мы не плакали над ним, как над повестями и романами Достоевского.

Но почему-то Пушкин был нам дороже всех в литературе. Стиль его мы признавали мерилом всякого стиля. И при всем том он никогда не казался нам небожителем, олимпийцем.

С каждым годом мы открывали его для себя вновь и вновь, как бы измеряя глубиной понимания пушкинских строк свой собственный рост. И последним звеном, сближающим поэта с нами, были его полные душевной открытости и человечности письма.

Во всей нашей литературе нет человека, которого мы любили бы более личной любовью. Недаром мы относимся к его друзьям и врагам, как к своим собственным.

К.М. Симонов

Пушкин совершил работу небывалую в истории русской и в истории мировой литературы. Он одновременно сам блистательно преобразовал русский литературный язык и сам же создал на этом преобразованном им языке самые блистательные классические произведения русской поэзии.

Ясный, светлый разум и пламенное чувство равноправно и гармонично соединились в его стихах с кристальной прозрачностью и чистотой языка, с высокосовершенной и истинно народной в своей мудрой простоте формой.

Стихи Пушкина – это вечный памятник поэзии. Это на долгие века вперед постоянное, живое опровержение всех и всяческих формалистических мудрствований, всей мелкой болтовни мнимых «сверхчеловеков», якобы не понятых современниками, но пишущих «для потомства».

Творчество Пушкина – величайший образец поэтического совершенства, а вместе с тем простоты, величайший образец для всех художников, желающих служить народу.

М. Дудин

Тесовые заборы.
Горбатые дома.
О, Пушкинские Горы!
Пуховая зима.
Здесь все для сердца мило:
И сосны, и пустырь,
И тихая могила,
И старый монастырь.
Я странствовал по свету,
Я видел белый свет,
И к своему поэту
Пришел держать ответ.
Не сетовать, не хвастать,
Не изливать души,
А просто молвить: «Здравствуй!» –
И постоять в тиши.

Л. Хаустов

Вот он –
Кольца волос на подушке.
Верный друг неотлучно при нем.
– Подними меня выше! Пойдем! –
Говорит умирающий Пушкин…

И, по-твоему солнце любя,
Став навеки твоими друзьями,
Это мы поднимаем тебя.
Ты в движенье к высокому
С нами!

Д Бедный

Это число увековечено,
В календарях всех отмечено.
День рождения
Гения.
В этот день появился на свет
Величайший русский поэт…

Эд. Багрицкий

И мне ли, выученному, как надо
Писать стихи и из винтовки бить,
Певца убийцам не найти награду,
За кровь пролитую не отомстить?

Я мстил за Пушкина под Перекопом,
Я Пушкина через Урал пронес,
Я с Пушкиным шатался по окопам,
Покрытый вшами, голоден и бос.
И сердце колотилось безотчетно,
И вольный пламень в сердце закипал,
И в свисте пуль за песней пулеметной
Я вдохновенно Пушкина читал!
Идут года дорогой неуклонной,
Клокочет в сердце песенный порыв…
…Цветет весна – и Пушкин отомщенный
Все так же сладостно-вольнолюбив.

Н. Асеев

Пушкин! В поэтах на первом месте,
не постаревший и после конца;
нет безупречней и чище чести –
неувядающего венца.
Бешеной царской собакой укушен,
лишь пред народом он шляпу снял;
так вот его и вознес Опекушин
на всенародной любви пьедестал.

Анна Ахматова

Кто знает, что такое слава!
Какой ценой купил он право,
Возможность или благодать
Над всем так мудро и лукаво
Шутить, таинственно молчать
И ногу ножкой называть?...

В. Боков

У Черной речки возле леса,
В дымящемся туманами логу,
Еще чернеет пистолет Дантеса
На окровавленном снегу.
Сквозь все эпохи и меридианы
Коварный выстрел в нашу память вмерз.
Никак Россия не зализет рану,
Которую нанес ей подлый Жорж!

Россия-мать! Разбойники гуляли
И убивали твой высокий свет.
Убитый – стал он бронзой на бульваре,
И выше слова – ПУШКИН – слова нет!

Его любили – декабристы, Пестель.
Кто виноват? Кого теперь корить?
В тот день оборвалась такая песня,
Какой никто не может повторить.

Течет Нева, воспетая поэтом,
Уходит жизнь в свое теченье лет,
По городу иду, но даже летом
Мороз по коже, что убит поэт!

О Пушкине писали и пишут поэты разных лет и поколений.

Все представленные здесь высказывания не могут до конца охарактеризовать личность гения. Это лишь толика его характера, интересов, устремлений и таланта.

Интерес к А.С. Пушкину, несмотря на время, не ослабевает во всем мире. Ему возводят монументы, его стихи учат наизусть на всех континентах, на его поэзии учат русскому языку представителей иностранных государств.

А.С. Пушкин не только выдающийся и непревзойденный мастер художественного слова, но и реформатор русского языка, создавший национальный литературный язык на основе соединения книжного языка с живой русской речью; он синтезировал в своих гениальных произведениях церковнославянизмы, европеизмы и элементы живой русской речи. Изящество и богатство образов и красок в его словесных художественных шедеврах признает весь цивилизованный мир. Мы перечитываем А.С. Пушкина и гордимся каждой строчкой, написанной им. Интерес к Великому поэту не иссякнет до скончания мира.

Список цитируемой литературы:

1. Гениальный мастер жизни. Цитаты поэтов и писателей о Пушкине / Сост. М.В. Арбузова. – Большое Болдино, 2018. – 36 с.

2. Дань признательной любви. Русские писатели о Пушкине / Вступление, сост. и примеч. О.С. Муравьевой. – Ленинград: Лениздат, 1979. – 152 с.

3. Солнце России. Русские писатели о Пушкине. Век XX / Сост., примеч., подготовка текста А.Д. Романенко. – Москва: Дружба народов, 1999. – 480 с.

4. Твардовский, А. Эссе «Пушкин», / А. Твардовский // Литературная газета. – 1949.

5. Увы, на разные забавы я много жизни погубил! – URL: https://web.archive.org/web/20231116180822/https://rg.ru/2019/05/29/rodina-prozhito-pushkin.html (дата обращения: 10.05.2024).

6. Русские писатели и поэты о Пушкине. – URL: https://pnu.edu.ru/ru/library/projects/literary-review/issue8/about_pushkin/ (дата обращения: 10.05.2024).

Шурупова О.С., д-р филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия
Шурупова А.С., канд. экон. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк, Россия

РАЗРЫВ ШАБЛОНА: «ПОВЕСТИ БЕЛКИНА» А.С. ПУШКИНА И ИХ ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Аннотация

В статье подвергаются анализу особенности развития современного общества, выявляются опасности «Повестей Белкина» А.С. Пушкина, в каждой из которых получает воплощение оппозиция Закона и Благодати и оказываются, таким образом, противопоставлены подлинные ценности отечественной культуры и ложные, чуждые русскому человеку ценности. А.С. Пушкин отражает внутренний конфликт русского человека, усвоившего чуждые ролевые модели и, используя эффект обманутого ожидания, показывает, как избежать рокового отказа от следования русским традициям.

Ключевые слова: русская культура, А.С. Пушкин, ценности, «Повести Белкина».

Как утверждает А. Дворкин, ключевую роль в становлении русской языковой картины мира сыграло то, что «славяне получили христианство на родном языке, в отличие от германских народов… Положительные стороны переводного христианства, главными из которых являются доступность Писания и богослужения для каждого человека, быстрое восприятие их всем народом и мгновенно прививавшиеся народные корни, известны. Их трудно переоценить» [2, с. 281]. Православные ценности, связанные с особым восприятием Бога, человека, семьи, Родины, благодаря тому, что христианская проповедь с самого начала велась на понятном людям языке, были усвоены народом настолько прочно, что их не смогли вытравить из народной памяти даже годы агрессивной борьбы с Церковью. Русский язык продолжает сохранять для нас

эти ценности, и младенец, начиная произносить по-русски первые слова, усваивает эти ценности, впитывая их буквально с молоком матери. Позже ребенок учится читать и писать и обращается к русской литературе, которая пронизана этими же ценностями. И одно из первых имен писателей, которое узнает каждый русский ребенок, – Александр Сергеевич Пушкин, 225-летний юбиилей со дня рождения которого мы отмечаем в этом году. По словам В.С. Непомнящего, «культурный мир вокруг нас плохо знает, что это такое – Пушкин; но он слыхал, что Пушкин – центр, знамя и первая гордость русской культуры» [6, с. 16]. Именно в творчестве А.С. Пушкина особенно ярко отражена традиционная для русской культуры оппозиция Закона и Благодати, о которой православный христианин слышит на пасхальном богослужении в отрывке Евангелия от Иоанна Богослова: И҃ ѿ и҃сполне́нїѧ є҆гѡ̀ мы̀ всѝ прїѧ́хомъ и҃ блгдть возѣ́ блгдть: ѣ́кѡ зако́нъ мѡ́се́омъ да́нъ бы́сть, блгдть (же) и҃ и҃́стина їи҃съ хр҃сто́мъ бы́сть» [3].

В XIX веке значительная часть дворянства и интеллигенции усвоила ролевые модели западноевропейской культуры, «утрачивающей христианские идеалы, скатывающейся к культу эгоизма и потребительства» [7, с. 386], что происходит, к сожалению, и с современным обществом. Практически к любому образованному человеку можно было бы отнести характеристику пушкинской Татьяны Лариной:

Она по-русски плохо знала…
И выражалася с трудом
На языке своем родном [9, с. 108].

И именно А.С. Пушкин, который справедливо считается одним из создателей русского литературного языка, дал людям великую литературу на русском языке, чтение которой открывает нам ценности нашей, отечественной культуры. Так, знаковым произведением являются его «Повести Белкина», которые автор стремился изобразить как «справедливые», то есть как случаи из реальной жизни, рассказанные разными людьми: мелким чиновником, подполковником, девицей, приказчиком некоему Ивану Петровичу Белкину, простому русскому человеку, обладателю традиционного русского имени, небогатому, получившему образование от деревенского дьячка, передавшему все свои дела «распоряжению Всевышнего» [10, с. 40]. В этом ироническом замечании якобы от имени издателя звучит намек на то. что повести, записанные и сохраненные Иваном Петровичем в самом сердце России – в селе Ненарадове, – тоже созданы в какой-то мере «по распоряжению Всевышнего» [10, с. 40]. Топоним «Ненарадово» произведен Пушкиным от выражения «не нарадуюсь (на кого-либо)». Истинно русские люди, живущие там, пребывают в мире и радости. Однако каждая из повестей представляет собой описание испытания, выпав-

шего на долю этих людей, и в каждой А.С. Пушкин использует сходный прием – разрыв шаблона. Герои, следующие усвоенные ими с детства западным стереотипам, вдруг попадают в ситуацию, в которой обнажается ложность и надуманность этих стереотипов, казавшихся еще недавно правильными и здравыми. Западные законы как бы пасуют перед русской благодатью, благодаря действию которой они оказываются высмеяны и опрокинуты.

Повесть «Станционный смотритель» Н.В. Давыдова считает «предостережением писателя современникам, … для которых евангельские притчи утратили религиозный смысл, перестали быть живым нравственным уроком, а стали лишь частью быта или образом светского искусства» [1, с. 141 – 143]. В этой повести обыгрывается сюжет «притчи о блудном сыне», иллюстрации к которой развешаны по стенам комнаты станционного смотрителя Самсона Вырина. Однако Евангельский сюжет здесь «стал лишь украшением комнаты» [1, с. 141]. Они представляют собой вполне западную интерпретацию притчи: отец предстает здесь как почтенный немецкий или голландский старик в колпаке и шлафорке. Промотавшийся сын пасет свиней, одетый в рубище и – совершенно неожиданно – в треугольную шляпу, которая намекает на то, что его страдания и раскаяние не настоящие. Все эти картинки сопровождаются «приличными» немецкими стихами, окончательно снижающими библейский рассказ до уровня развлекательно-назидательного лубка. Как справедливо утверждает И.А. Есаулов, «притча теряет свой благодатный чудесный смысл – и становится “приличной” иллюстрацией, моральной – ходульной – историей» [4, с. 174]. Смысл чуда нивелирован, и Евангелие низведено до справочника по приличному поведению.

Нельзя не согласиться с И.А. Есауловым, утверждающим, что «ошибка Самсона Вырина… и состоит в том, что он не допускает чуда. Скажем, чуда любви… Пушкинский же финал – иной» [4, с. 174]. Возвращение разбогатевшей, замужней Дуни на могилу отца можно интерпретировать по-разному: как запоздалое, ибо отец мертв и не дождался свидания. И как вполне своевременное, ведь у Бога мертвых нет. Дуня в повести – отнюдь не только дочь презренного станционного смотрителя, которая обязательно должна плохо кончить. Она человек, в судьбе которого играет главную роль Благодать любви, а не Закон, согласно которому девушки, подобные Дуне, не смеют мечтать о богачах, подобных Минскому, а если осмелятся нарушить правила, будут сурово наказаны. Любовь перечеркивает правила Закона, и финал повести «светлый», ибо возвращение блудной дочери все же состоялось.

Действие повести «Метель» происходит «в конце 1811 года, в эпоху нам достопамятную» [10, с. 54]. Внимание читающих эту повесть иностранцев обязательно надо привлечь ко времени действия

(достопамятная именно для русского народа эпоха, канун войны 1812 г., в которой Россия спасет не только себя и свою культуру, но и всю Европу от Наполеона, желавшего по своей воле переустроить ее). Можно отметить эпитет «добрый», которым определяет автор всю сущность героя повести Гаврилы Гавриловича Р – человека, который носит имя своего отца, во всем похож на него, живет в своем – родовом – поместье. Первая буква его фамилии – Р может означать «русский». Слова «нам», «своем», «добрый», «Ненарадове» звучат в первых строках повести неслучайно – с их помощью А.С. Пушкин изображает средоточие отечественной культуры, провинцию, где люди сохранили радушие и гостеприимство: «соседи поминутно ездили к нему поесть, попить» [10, с. 54], что свидетельствует: дом Гаврилы Гавриловича открыт для ближнего буквально каждую минуту. При этом герой повести Пушкина представляется соседям весьма состоятельным, дочь его «считалась богатой невестою» [10, с. 54].

А.С. Пушкин рисует нам традиционный для европейской культуры со времен шекспировских Ромео и Джульетты конфликт: девушка и юноша из разных слоев общества влюблены друг в друга, но их счастью мешают светские условности. Однако Пушкин в своей повести не следует стереотипам, а последовательно и безжалостно разрушает их. Молодые персонажи этой повести, действительно, находятся в плену определенных стереотипов, которые, как подчеркивает автор, имеют вовсе не русские корни: «Марья Гавриловна была воспитана на французских романах, и, следственно, была влюблена» [10, с. 54]. Истинность чувства девушки, о которой мы узнаем, что она «стройная, бледная и семнадцатилетняя», не может не вызывать сомнений. Если главная черта ее отца – «добрый», то о ее характере мы не можем судить. Нам сообщено лишь о ее внешности, которая вполне соответствует стереотипам того времени, связанным с женской красотой. Девушка молода, стройна и аристократически бледна, как и положено романтической героине, страдающей от любви, родившейся под влиянием прочитанных французских книг. Интересно, что ответное чувство молодого человека Пушкин описывает с той же добродушной усмешкой: «Само по себе разумеется, что молодой человек пылал равною страстию» [10, с. 54]. Пылание страсти вряд ли сочетается с логическими выкладками и может «разуметься само по себе», а степень и глубину страсти измерить невозможно, однако рассказчик математически точно подсчитал, что чувства юноши и девушки были «равными». И ее, и его любовь равны, потому что выдуманы. Влюбленные ведут себя в точности так, как положено стереотипным влюбленным, хотя жизнь смеется над усвоенными ими шаблонами. Так, они видятся наедине «всякий день», но при этом считают себя обязанными состоять в переписке (как герои французского романа Ж.-Ж. Рус-

со «Юлия, Или Новая Элоиза», который наверняка читала Марья Гавриловна). Во время ежедневных встреч «в роще» или «у старой часовни» юноша и девушка, свободу которых, таким образом, никто не стесняет, ведут себя как положено вести героям романа: клянутся в вечной любви, сетуют на судьбу (то есть ропщут на Бога) и, словно юные математики и логики, «делают различные предположения» [10, с. 55] и «естественно… доходят до рассуждения» [10, с. 55]. Молодые герои повести стремятся руководствоваться категорией Закона, кодексом поведения, который, с одной стороны, противоречит житейскому здравому смыслу. Героиня Пушкина родителей любит, жалеет, но усвоенная из книг ролевая модель повелевает ей действовать, как поступают героини любимых романов, и четко предписывает, что надо делать и даже говорить. Можно отметить, что свидетелями на свое венчание Владимир зовет мало знакомых ему Шмита (иностранная фамилия вновь сообщает читателю, что герои повести в плену у иностранных стереотипов) и шестнадцатилетнего мальчика-улана, которые клянутся ему «жертвовать для него жизнию» и которых он «обнимает с восторгом» [10, с. 57]. Спустя несколько часов эти люди, как, впрочем, и влюбленная невеста, перепутают его с другим человеком, чем покажут, что он для них – чужой, незнакомый и что ни о каких восторге и дружбе не может быть и речи.

Вся первая часть повести строится, таким образом, на противопоставлении подлинной жизни (добрый Гаврила Гаврилович в своем поместье, к которому он органично принадлежит) и рассудочных шаблонов, которым полностью подчинили себя молодые герои повести. По мнению В.С. Непомнящего, для Пушкина была очень важна тема «роли культуры в судьбах людей, наций, человечества – пользы или вреда, добра или зла, которые она может вносить в человеческую жизнь» [7, с. 385]. В данном случае он показывает, как русские люди из Ненарадова омрачают свою природную, русскую, радостную жизнь выдуманными авторами французских романов шаблонами, рассудочные выкладки – «неодолимою силою страсти» [10, с. 55]. Воображение девушки подсказывает ей знакомые шаблоны: жестокий отец бросит ее в бездонное подземелье (которого, конечно, не было во всем Ненарадове никогда), Владимир будет, окровавленный, лежать на траве (очевидно, после положенной по европейским нормам дуэли с разгневанным отцом). Впрочем, следование шаблонам приводит к настоящей беде.

Однако стереотипы терпят поражение, ибо жизнь оказывается гораздо богаче и разнообразнее, чем те шаблоны, которым пытается следовать ослепленный человек. Пушкин, вновь насмешливо соединяя несоединимое, предлагает читателю «поручить барышню попечению судьбы и искусству Терешки-кучера» [10, с. 56], простого русского человека, который, сам того не ведая, привезет героиню повести туда,

где ее ожидает ее судьба. В дело вмешивается случай, Божий промысел, разрушающий все построения людей, увлеченных навязанными им чуждыми моделями. Герои, с одной стороны, переживают суд Божий за свое поведение, нарушившее установленный Провидением порядок в Ненарадове, а с другой – отказавшись от воли родителей, вынужденно подчиняются Божьей воле.

Величие русской культуры, получившей воплощение в повести А.С. Пушкина, именно в том, что Благодать оказывается выше Закона и отменяет его действие. Суть повести не в наказании, посланном Владимиру и Марии за грех, а в том, что случившееся с ними является их подлинной судьбой. Говоря о том, что случилось в доме ненарадовских помещиков, Пушкин обманывает ожидания читателя, тоже ожидающего стереотипной развязки, связанной с достойной карой за проступок. «Посмотрим, что-то у них делается» – заявляет рассказчик. И совершенно неожиданно, поправ все каноны и шаблоны, безмятежно отвечает сам себе: «А ничего» [10, с. 59]. Пустое, ложное не приводит ни к чему. Судьба героев повести А.С. Пушкина такова, какой должна быть: Владимир умирает «в Москве» [10, с. 60], сердце России, «накануне вступления французов», отличившись в ключевом для русской истории Бородинском сражении. Для православного, укорененного в русской культуре Пушкина очевидно, что человек, положивший душу свою за други своя и за Россию, удостоился Божьего прощения и Царствия Небесного. Именно поэтому для Маши «память его казалась священною» [10, с. 60]: он не получил земного счастья с любимой девушкой, как мог бы герой французского романа, но его судьба – иное счастье, понятное русскому сердцу. И, пережив настоящую скорбь по Владимиру и по отцу, Маша становится уже не «бледной», а «милой невестой» [10, с. 60] и встречает, когда это становится угодно ее судьбе, «милого молодого человека» [10, с. 61], который приехал «в свои поместья» [10, с. 61]. В последних словах Марьи Гавриловны, чудом обретшей своего настоящего суженого, упоминается Бог. Стереотипы сломаны, Закон, согласно которому пытались строить свои жизни герои, нарушен, и для человека все складывается благополучно – по Благодати.

Таким же обличением западных стереотипов является повесть «Выстрел». Героями ее являются довольно ограниченные молодые люди, которые «кроме своих мундиров, не видали ничего» [10, с. 43]. Их жизнь течет по установленному Законом распорядку: утром ученье в манеже (как будто они лошади, а не люди), затем обед, пунш и карты. Однообразное повторение учебных действий, еда и развлечения составляют всю их жизнь.

Впрочем, среди этих людей есть тот, чье духовное развитие отличается от развития других. Он даже с охотой читает книги и снабжает

ими других офицеров. Этот таинственный человек в черном сюртуке, являет собой живое противоречие: живет одновременно бедно и расточительно, не военный, но стреляет лучше военных, кажется русским, но носит иностранное имя. В этом имени разгадка его характера – это русский человек, подчинивший свою жизнь усвоенным им чужим стереотипам, в данном случае связанным с дуэлью и местью, и из-за этих стереотипов не только ставший одиноким, потерявший службу, возможность иметь семью, настоящих друзей, но даже отчасти подчинившийся какому-то бесовскому началу, ставший угрюмым и злоязычным, как герой пушкинского стихотворения «Демон»:

Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд.
Неистощимой клеветою
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел –
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел [8, с. 212].

Сильвио, в отличие от офицеров, подчиненных распорядку, превращающему человека в некое подобие животного, загоняет себя в некие рамки добровольно, чем становится похож на беса. Он всю жизнь подчиняет идее отмстить человеку за пощечину, полученную им за плоскую грубость. Традиционно считается, что главная тема повести – честь, ради защиты которой живет Сильвио. Но дуэль не вызвана оскорблением, а спровоцирована самим Сильвио, снедаемым гордыней и завистью по отношению к человеку, который даже не сделал ему ничего плохого. В конце повести Сильвио торжествует над своим соперником, отказываясь от законного выстрела и сообщая, что доволен робостью и смятением человека, недавно женившегося и обретшего благодаря семье смысл жизни, которую он не готов потерять.

Однако западное понимание чести, которую необходимо защищать, убивая другого человека, близкое любому дворянину XIX века и самому Пушкину, отразившему в повести некоторые события собственной жизни, вступает в повести в конфликт с Благодатью. Графа спасает не благородство Сильвио и не следование кодексам дуэли, а заступничество его жены, готовой броситься перед Сильвио на колени и умолять о пощаде. Жест любящей женщины как бы освобождает Сильвио от оков, наложенных им на себя.

Последнее предложение повести сообщает о гибели Сильвио в битве под Скулянами, где он выступил во главе отряда этеристов – греков, боровшихся за независимость от Османской Империи. Таким образом, Сильвио вновь предстает как романтический герой, напоминающий Байрона, уехавшего сражаться за Грецию. С одной стороны, Сильвио погибает за освобождение православной Греции. С другой – его смерть на чужбине совсем не равнозначна смерти Владимира из повести «Метель». По свидетельству историков, «за греческим восстанием стояли английские капиталы, которые были заинтересованы в том, чтобы сделать из Греции форпост своей торговли в Восточном Средиземноморье… Греческим королем стал баварский принц Оттон, до конца жизни остававшийся католиком… Настоящими же хозяевами в Греции стали англичане... Так из греков, бывших потомками ромеев Нового Рима и сохранявших верность православию на протяжении четырех столетий турецкого ига, сделали наследников античных эллинов-язычников» [6, с. 271 – 272]. Характерно, что русские не участвовали в битве под Скулянами по приказу командования, а Сильвио, вступив в сражение, вновь противопоставил себя своим бывшим однополчанам. Этот герой, пощадивший того, кого считал врагом, но не простивший его и не примирившийся с ним, сохраняет свою двойственность до конца, и его смерть в чужой земле служит грустным подтверждением оторванности дуэлянта и бретера Сильвио от родной почвы. А его противнику след от пули в швейцарском пейзаже должен вечно напоминать о том, как гордость может погубить человека. Он, в отличие от Сильвио, раскаивается в своем поведении, потому что признает, что «обидел» [10, с. 52] Сильвио. Раскаяние способно спасти человека и дать ему возможность жизни, тогда как гордость и следование стереотипам, которого она требует от человека, приводят к смерти, сначала духовной, а затем и физической.

А.С. Пушкин, несомненно, «заложил фундамент той великой культуры, которая помогла России остаться Россией, а не уподобиться какой-нибудь западной цивилизации и тем самым исчезнуть как неповторимое явление» [7, с. 395]. В своих относительно коротких, несложных для понимания романтических повестях А.С. Пушкин сумел выразить все неповторимое богатство, всю широту русского мировидения, противопоставляющего, по Евангельскому завету, Закон и Благодать. А.С. Пушкин показывает нам человека, который, по словам В.С. Непомнящего, «ушиблен» «европейским» воспитанием [7, с. 394], усвоил чуждое России мировоззрение и страдает от этого. Но во всех повестях Благодать, так или иначе, торжествует над Законом, возвращая жителям Ненарадова и Москвы радость и свободу от навязанных им стереотипов, будь то англофильство помещика Муромцева, кодекс дуэлянта, романтическая запретная любовь или стремление русского гро-

бовщика Адрияна Прохорова и его одетых по-немецки дочерей соответствовать стандартам, введенным немцами и чухонцами, заполонившими Москву. В этой повести, герой которой переезжает на Никитскую с Басманной, где располагался дом Василия Львовича Пушкина и где писатель был во время похорон дяди, заставляет задуматься о смысле жизни, в которой человек сам, добровольно предает себя омертвляющему началу. Но герои всех повестей получают, так или иначе, возможность задуматься над ложностью выбранных ими установок, а нередко и шанс начать жизнь с чистого листа, как обрадованный гробовщик, собирающийся в конце произведения пить чай с дочерьми.

По словам историка К.В. Малофеева, «кириллическая азбука составляет для нас мощный охранительный культурный барьер» [5, с. 409]. Вслед за солунскими братьями А.С. Пушкин тоже стал творцом русской культуры, постичь которую помогают его произведения.

Список цитируемой литературы:

1. Давыдова, Н.В. Евангелие и древнерусская литература / Н. В. Давыдова. – М.: МИРОС, 1992. – 256 с.
2. Дворкин, А.Л. Очерки по истории Вселенской Православной Церкви: курс лекций / А.Л. Дворкин. – Нижний Новгород: Изд-во Братства св. Александра Невского, 2005. – 924 с.
3. Евангелие от Иоанна. – URL: https://azbyka.ru/biblia/?Jn.1 (дата обращения: 15.05.2024).
4. Есаулов, И.А. О любви. Радикальныя интерпретаціи / И. А. Есаулов. – Магаданъ: Новое время, 2020. – 216 с.
5. Малофеев, К. Империя. Книга I / К. Малофеев. – М.: АСТ, 2022. – 464 с.
6. Малофеев, К. Империя. Третий Рим. Книга II / К. Малофеев. – М.: АСТ, 2022. – 528 с.
7. Непомнящий, В.С. Удерживающий теперь: Пушкин в судьбе России. Избранные работы и выступления / В.С. Непомнящий. – М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2022. – 652 с.
8. Пушкин, А.С. Демон / А.С. Пушкин // Собрание сочинений в десяти томах. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 212.
9. Пушкин, А.С. Евгений Онегин / А.С. Пушкин. – М.: Детская литература, 1960. – 296 с.
10. Пушкин, А.С. Повести Белкина / А.С. Пушкин // Собрание сочинений в десяти томах. – Т. 5. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 38 – 100.

РАЗДЕЛ 3

ТРАДИЦИИ КНИГОПЕЧАТАНИЯ И КНИЖНОСТИ

Зайцев Д.М., канд. филос. наук, доцент
УВО «Белорусский государственный экономический университет»,
г. Минск, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ КНИГОПЕЧАТАНИЯ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы развития книгопечатания в Великом княжестве Литовском в эпоху Возрождения. Также отмечается вклад выходцев из княжества в европейское книгопечатание и представителей других государств в формирование книжной культуры ВКЛ. Особое внимание уделяется описанию важнейших центров книгопечатания, а также наиболее значимым деятелям данного процесса.

Ключевые слова: книгопечатание, Великое княжество Литовское, эпоха Возрождения, традиция, религия, культура.

Появление книжной печати в Великом княжестве Литовском во многом связано с культурными и техническими изменениями как в Европе, так и в самом княжестве. Зародившись в XIV веке в итальянских городах, помнивших еще античные времена, эпоха Ренессанса постепенно находила приверженцев своих идей в большинстве европейских государств. В том числе и на землях ВКЛ в начале XVI века произошел всплеск интереса к античному наследию, гуманистическим взглядам, развитию вольных искусств – поэзии, грамматики, риторики, архитектуры, живописи, музыки, астрономии. Но важнейшим условием информационной революции, в том числе и в ВКЛ, стало все же изобретение Иоганном Гутенбергом в 1440-х годах печатного станка.

Как известно, основное население Великого княжества литовского в эпоху Ренессанса состояло из православных славян. И первые книги кириллицей, «русскими литарами» на церковнославянском языке для православных жителей княжества были опубликованы еще в 1491 году в Кракове немцем Швайпольтом Фиолем. Ими стали богослужебные сборники для православной церкви «Октоих» и «Часослов». Хотя до сих пор продолжаются споры среди ученых, но боль-

шинство из них придерживается мнения, что примерно в это же время из печати вышли «Триодь цветная» и «Триодь постная». [1, с. 621] Учитывая, что в Польском королевстве абсолютное большинство жителей являлось католиками, писавшими латиницей, можно однозначно утверждать, что издания Фиоля были адресованы непосредственно жителям княжества. Предполагается, что инициатором и финансистом печати православных кириллических книг выступил один из магнатов Великого княжества Литовского, который поддерживал в том числе и Православную церковь [3]. Таким образом, многие исследователи называют 1491 год годом зарождения печатной книжной культуры в ВКЛ. Чуть позднее в польских издательствах, также, вероятно, по заказу православных меценатов и духовенства, вышло немало книг, предназначенных для жителей княжества, отличительной особенностью которых было наличие на них герба «Погоня», государственного символа ВКЛ и ряда белорусских городов.

Немаловажную роль для будущего активного книгопечатания сыграла существовавшая на тот момент богатая и разнообразная рукописная традиция, особенно на белорусских и украинских землях. Первые печатные книги переняли от рукописных ряд элементов, такие как формат, внутренняя архитектоника, структура расположения текста, система заставок, рубрик и инициалов, иногда делались записи о дарении, заклятья против книжных воров [5]. В пользу широкого развития книжного дела в эпоху Возрождения свидетельствует и факт известной толерантности в государстве в этот период: власти княжества особо не препятствовали техническому прогрессу на своей территории, а институт цензуры зачастую не был так категоричен.

Для развития книгопечатания на землях ВКЛ приглашались профессионалы из стран Европы. Так, в 1491 году великий князь литовский и король польский Казимир IV Ягеллончик привез с собой в Вильно большую группу образованных поляков, которым предложили хорошие условия для деятельности. Местная аристократия также вносила свою лепту в реализацию задуманного. Но изначально подготавливались лишь рукописи, а для печати они уже отправлялись за границу. Одной из первых таких работ стала подготовленная виленским каноником Мартином из Радомии «Agenda sive Exequiale divinorum sacramentorum per venerabilem virum et dominum Martinum canonicum Vilnensis dyocesis edita», изданная в 1499 году в Гданьске Конрадом Баумгартеном [6, s. 621]. В начале XVI века в ряде типографий европейских городов были опубликованы книги уроженцев ВКЛ: Эразма Целека в Риме (1501), Адама Бохина в Кракове (1507–1508), Яна Пизона в Риме (1514), Николая Гусовского в Кракове (1523).

Похожая ситуация сложилась и с изданием книг на национальных языках некоторых народов, проживавших в княжестве. Так, самая давняя из известных к настоящему времени книг на литовском языке также была напечатана за границей, в 1547 году: «Catechismusa prasty szadei…», подготовил и издал в Кенигсберге Мартин Мажвид.

Но если мы вспомним об уроженцах Великого княжества Литовского, которые первыми непосредственно занимались книгопечатанием, то здесь исследователи указывают два имени: Ян Литвин, стоявший у истоков книгопечатания в Лондоне, опубликовавший, в частности, в 1480 году индульгенции Папы Римского Сикста IX против турков [1, с. 622], а также знаменитый полочанин Франциск Скорина, издавший кириллицей свою первую книгу «Псалтырь» в 1517 году в Праге, а затем и 22 книги Ветхого Завета под общим названием «Біблия руска».

В 1521 году Франциск Скорина переехал в Вильно и организовал здесь типографию, где через год была напечатана «Малая подорожная книжица», а в 1525 году и «Апостол». Таким образом, началась эра книгопечатания в самом Великом княжестве Литовском.

Реформационное движение создало значительную конкуренцию между христианскими конфессиями в борьбе за сердца и умы верующих. Одной из важнейших форм распространения идей среди верующих становится апологетическая, гомилетическая и полемическая литература. Соответственно, приверженцы каждой из конфессий стремились не только создать собственные образовательные центры, но и издательства.

Так, известный кальвинист магнат Николай Радзивил Черный основывает в Бресте в 1553 году знаменитую типографию, где в результате семнадцати лет работы было напечатано множество полемических произведений, катехизисов, а также знаменитая Радзивиловская Библия 1563 года. Вторая протестантская типография открылась в Несвиже, и именно там в 1562 году была издана Сымоном Будным первая на территории Беларуси книга кириллическим шрифтом на старобелорусском языке «Катихизис то ест Наука стародавная христианьская от Светого Писма для простых людей языка руского…» [2; 6, s. 621].

Значительный вклад в развитие издания православных книг в Великом княжестве Литовском внесли прибывшие из Москвы Иван Федоров и Петр Мстиславец, напечатавшие знаменитые «Учительное Евангелие» и «Псалтырь». Что касается деятельности сторонников католицизма в княжестве, то свою активность в книгопечатании они стали проявлять здесь в большей степени после заключения Люблинской унии в 1569 году – объединения Королевства Польского и Великого княжества Литовского.

Особое значение во второй половине XVI века приобрели типографии в Вильно, Лоске, Узде, Заблудове, Ивье, Могилеве, Остроге. В Вильно, например, рядом находились издательства иезуитов, православного братства, базилиан, протестантов, а также коммерческие, независимые от конфессий и религий. За сравнительно небольшое время были выпущены сотни книг на латинском, польском, церковнославянском, старобелорусском и других языках, часть из которых продавалась в Европе. Особенностями данных изданий было то, что в ряде книг присутствовало много гравюр, на месте изображений авторов текстов издатели печатали свои портреты, а покровителей и меценатов увековечивали, печатая их гербы [5].

Популярными изданиями стали труды Генриха Булингера, Иоганна Спангенберга, Иоанна Златоуста, Августина Аврелия, Эразма Роттердамского, Григория Цамблака, Василия Тяпинского, Сымона Будного, «Житие Евфросинии Полоцкой», «Острожская Библия», «Статут Великого княжества Литовского» (1588 г.). Согласно подсчетам литовского исследователя Д. Нарбутиене в XVI веке в Великом княжестве Литовском было издано более 500 книг различных жанров, из них около 220 на латинском языке, около 200 на польском, более 60 на руськой мове и церковнославянском языке, около 30 на немецком, 8 на литовском [7]. Такие цифры объясняются тем, что наиболее влиятельные и богатые магнаты, власть имущие, как основные заказчики и покупатели книг, даже если и происходили из славян, то в силу политической конъюнктуры старались не только получить качественное образование на латыни в европейских университетах, но и придерживаться «выгодной» в определенный момент конфессии – католицизма, то есть быть ближе ко двору польского короля, или протестантизма, когда большинство законодателей и сенаторов княжества были сторонниками идей Реформации.

Быстро сформировалась традиция не только для религиозных и образовательных объединений, но и для состоятельных жителей княжества создавать домашние библиотеки. Закупались и заказывались книги как в типографиях ВКЛ, так и из-за рубежа. Причем спросом пользовалась литература разных жанров: жития, полемическая литература, теологические трактаты, мемуары, летописи, рыцарские романы, поэзия, дневники, панегирики.

Идеи, характерные для европейского Ренессанса, а именно переосмысление прошлого, гуманистическое мировоззрение, философское понимание роли человека, секуляризация жизни, традиции других народов, культура синкретизма, филологическая мысль, активно проникают и в книжную традицию Великого княжества Литовского. Весьма популярными во многих странах становятся напечатанные в

ВКЛ работы античных авторов, в частности, Цицерона и Плутарха, произведения о Витовте, при котором княжество достигло своего величия, географические сборники, в том числе и о паломничестве. Произведения Лаврентия Зизания «Азбука», «Лексика», «Грамматика», широко использовались не только в белорусских, украинских учебных заведениях, а также и в школах Московского княжества [4].

В заключение следует еще раз отметить, что печатная книжная культура Великого княжества Литовского, ощутив влияние европейского Возрождения, стремительно развивалась в XVI веке. Причем особый толчок этому развитию придала борьба между различными христианскими конфессиями, проходившая в большей степени в полемической форме. Также не стоит забывать о богатом письменном наследии народов, проживавших на территории княжества, – множестве летописных сводов, житий святых, религиозной литературе, священных текстах, законодательных актах, – которые к концу эпохи Возрождения стали доступны в печатном виде не только узкому кругу сверхбогатых и влиятельных людей.

Синтез средневековой культуры и ренессансно-гуманистических традиций, расширение внешних связей и в то же время национальный подъем народов Великого княжества Литовского позволили создать значительное число образовательных центров и типографий, где и сформировалось уникальное книгопечатание. И если ранее центры письменности были в монастырях и при дворе правителя, то типографии располагались, главным образом, в поместьях магнатов.

В многоконфессиональном, многонациональном и многоязычном Великом княжестве Литовском печатались книги как латинским, так и кириллическим шрифтом, на латыни, руською мове, греческом, церковнославянском, польском, немецком, литовском языках. Эти книги использовались католиками, православными, протестантами для церковной службы, полемического спора или индивидуального чтения, то есть печатные книги широко распространялись как в публичной, так и в частной жизни.

Список цитируемой литературы:

1. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. У 6 т. Т. 2. Протарэнесанс і Адраджэнне / С. І. Санько [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – Мінск: Беларус. навука, 2010. – 840 с.

2. Зайцев, Д.М. Сымон Будный как представитель белорусско-польского культурного взаимодействия / Д.М. Зайцев // Вопросы религии и религиоведения. Вып. VII: Антология отечественного религиоведения: Религиоведение Беларуси: сборник. Часть 2: Очерки истории

религиозно-философской мысли Беларуси (актуальные проблемы конца XX – начала XXI вв.) / сост. и общ. ред. Н.А. Кутузовой, А.А. Лазаревич, В.В. Шмидта. – М.: ИД «МедиаПром», 2011. – С 151–155.

3. Немировский, Е.Л. Начало славянского книгопечатания / Е.Л. Немировский. – М.: Книга, 1971. – 269 с.

4. Саверчанка, І.В. Aurea Mediocritas. Кніжна-пісьмовая культура Беларусі. Адраджэнне і ранняе барока / І.В. Саверчанка. – Мінск: «Тэхналогія», 1998. – 319 с.

5. Циценене, Р. Мир рукописной и печатной книги Великого княжества Литовского в XVI–XVII вв.: связи и пересечения / Р. Циценене // Slavistica Vilnensis. – 2018. – Т. 63. – С. 59–87.

6. Kultura Wielkiego Księstwa Litewskiego. Analizy i obrazy / V. Ališauskas, L. Jovaiša, M. aknys, E. Raila. – Kraków: Universitas, 2006. – 934 s.

7. Narbutienė, D. Po Skorinos. Leidyba Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštijoje / D. Narbutienė // Pranciškaus Skorinos Rusėniškajai Biblijai – 500. / in Narbutas S. (sud.). – Vilnius, 2017. – P. 88–102.

РАЗДЕЛ 4

ЛИНГВИСТИКА, ЛИНГВОДИДАКТИКА

Басова М.В., ст. преп.
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Москва, Россия
Зигмантович Д.С., канд. филол. наук, ст. преп.
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Москва, Россия
Леоненкова Е.Д., преподаватель
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Москва, Россия
Селезнева А.И., преподаватель
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Москва, Россия

ДЕНЬ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ, ДЕНЬ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Аннотация

В статье анализируются особенности преподавания РКИ студентам, владеющим языком в объеме В1, на примере двух праздников: Дня славянской письменности и культуры, приуроченного ко дню памяти святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, и Дня русского языка, который отмечается ежегодно 6 июня в день рождения величайшего русского поэта А.С. Пушкина. Авторы рассматривают фрагмент пособия и наглядно демонстрируют материалы, благодаря которым иностранные учащиеся могут всесторонне познакомиться с этими двумя праздниками, понять безграничную важность таких персоналий, как святые Кирилл и Мефодий и поэт Александр Пушкин.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, лингвострановедение, лингвокультурология, лингвострановедческая компетенция, русский язык как иностранный.

Всестороннее изучение иностранного языка, в частности, русского языка как иностранного невозможно без погружения в культуру страны изучаемого языка. Особое значение такое погружение имеет для студентов-иностранцев, обучающихся по направлению «Лингви-

стика», ведь им предстоит осваивать русский язык на профессиональном уровне.

В процессе обучения постепенно осваиваются различные компетенции. Одной из важнейших компетенций, которой уделяется особое внимание, является страноведческая компетенция. Под ней понимается совокупность знаний о стране изучаемого языка. Наличие таких знаний (фоновых) обеспечивает определенный уровень навыков и умений использования в целях общения национально-культурного компонента языка, речевого этикета и невербальных средств общения [1, с. 294].

Страноведческая компетенция способствует более глубокому пониманию контекста и позволяет учащимся более уверенно и эффективно общаться с носителями языка. Она включает в себя знакомство с историей, географией, традициями, культурными нормами и социальными структурами страны изучаемого языка.

Важно также отметить, что страноведческая компетенция не ограничивается только знанием фактов. Она включает в себя умение интерпретировать и применять эти знания в реальных коммуникативных ситуациях. Например, понимание национальных праздников и обычаев позволяет студентам не только участвовать в обсуждениях на эту тему, но и проявлять уважение к культурным нормам, что особенно важно при межкультурных взаимодействиях.

Таким образом, развитие страноведческой компетенции играет ключевую роль в процессе изучения иностранного языка, способствуя более полному и глубокому погружению в культуру и обеспечивая успешное межкультурное общение.

Другой же не менее важной и проистекающей из первой является лингвострановедческая компетенция. Это «совокупность страноведческих фоновых знаний, а также знание национально-культурной специфики лексического состава языка, позволяющих ассоциировать с лексической единицей ту же информацию, что и носители этого языка, а также владение соответствующими навыками, умениями и личностными качествами, необходимыми переводчику для эффективного осуществления межъязыкового и межкультурного посредничества» [2, с. 84].

Именно лингвострановедческая компетенция помогает учащимся получить необходимые знания для адекватного общения, чтения и письма на иностранном языке, в данном случае – на русском языке.

Исходя из описанных выше факторов мы решили разработать пособие, в основе которого лежало бы изучение культурных особенностей и русских традиций через праздники, праздничную культуру. Под последней мы понимаем «совокупность обрядов, традиций, атрибутов и символов, сложившихся вокруг системы праздников, укоренившихся

в обществе и отражающих историко-культурную ситуацию в конкретный период» [3, с. 14].

В данной статье мы хотели бы остановиться на двух значимых праздничных днях, связанных с русским языком и культурой, – Дне славянской письменности и культуры и Дне русского языка.

Если мы обратимся к нашим студентам перед введением темы и спросим, о каком из этих двух праздников им известно больше, то практически в 100% случаев мы услышим: День русского языка. Почему же этот день известнее? Потому что он ассоциируется с Александром Сергеевичем Пушкиным, солнцем русской поэзии. Конечно, его знают и те, кто не изучает русский язык. Но как же такое возможно, что А.С. Пушкина (которого считают создателем современного русского литературного языка) знают все, а святых равноапостольных первоучителей и славянских просветителей, братьев Кирилла и Мефодия нет?

В литературе по РКИ не так легко найти материалы, посвященные Кириллу и Мефодию, их просветительской деятельности. Если же удается найти какую-либо информацию, то чаще всего она имеет узконаправленный характер и больше адресована носителям русского языка. Кроме этого, в некоторых работах могут встретиться неточности, материал представляется однобоко. По этой причине мы решили разработать уроки, в которых соединялись бы темы славянской письменности и культуры и современного русского языка. Мы постарались найти баланс и уделить внимание и равноапостольным святым Кириллу и Мефодию, и поэту А.С. Пушкину.

Приведем в качестве примера несколько заданий, касающихся славянских первоучителей. Для начала мы вводим задания на выявление фоновых знаний учащихся.

Задание. Работа в парах. Ответьте на вопросы.

1. Что первым приходит в голову, когда вы слышите словосочетание «русский язык»?

2. Многие люди говорят, что русский язык – один из самых сложных в мире. Так ли это для вас? Как вы думаете, в чём заключаются сложности русского языка?

3. Как вы думаете, с какими языками схож русский язык?

4. Знаете ли вы, когда появился русский язык? А когда люди начали писать по-русски и кто придумал русские буквы?

5. Как вы думаете, сильно ли изменился русский язык за время своего существования? Смогли бы современные люди понять людей, которые жили 300 лет назад? 500 лет назад? 1000 лет назад? Какие исторические события, на ваш взгляд, повлияли на развитие русского языка и даже изменили его?

На основании ответов создается облако слов, рассматриваются неизвестные другим учащимся слова (если таковые есть), проводятся связи между ними. На данном этапе происходит введение новой лексики, что можно сделать через облако слов.

Задания такого типа повышают интерес к занятию, помогают лучше запомнить новую лексику, систематизируют полученную информацию и т.п.

Задание. Составьте облако слов из полученных ответов (рис.1).

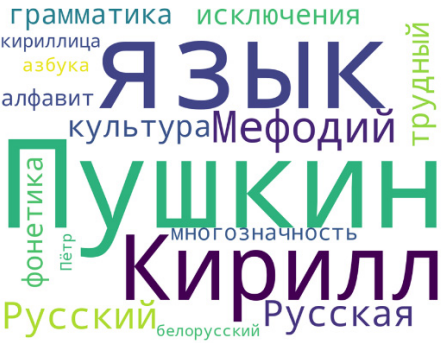


Рисунок 1

В пособии мы подбирали задания для развития всех видов речевой деятельности, но исходя из личного опыта знаем, что особенную трудность у учащихся вызывает аудирование, активное слушание. Поэтому на занятиях мы обязательно несколько раз обращаемся к этому виду работы.

Задание. Прослушайте текст. Заполните пропуски.

Слова для справок: 863 года, конференции, Болгарии, национальный.

24 мая _____ официально считается датой, когда была создана славянская письменность. Каждый год в этот день отмечается праздник — День славянской письменности и культуры: во многих местах проводят научные _____, открытые чтения, презентации книг, концерты и выставки. Это событие отмечают не только в России, но и в нескольких других странах. А в _____ — на родине глаголицы и кириллицы — это не просто день письменности, но и_____ день культуры!

Слова для справок: славянская, IX веке, с греческого, богослужение.

Считается, что _____ письменность появилась в_____, в Моравии (на территории современной Болгарии). Государству нужен был алфавит, чтобы переводить с _____

языка и записывать церковные тексты — это помогло бы сделать церковное _____ более понятным.

Задание. Прослушайте текст. Определите верные и неверные высказывания.

История славянской азбуки связана с греческими братьями-монахами Кириллом и Мефодием. Братья по просьбе императора составили новую азбуку на основе греческого языка. Есть два варианта старославянского алфавита: более древний – глаголица – и кириллица, которую назвали в честь младшего из братьев, Кирилла. Современную письменность, которую используют в России, тоже называют кириллицей!

Алфавиты на основе кириллицы являются или являлись основой письменности для 108 языков: русского, белорусского, украинского, болгарского, сербского, македонского и многих других. Кириллицу используют около 250 миллионов человек по всему миру!

Высказывание	Верно	Неверно
1. Основой старославянского алфавита является латынь.		
2. Современная письменность называется глаголицей.		
3. Существуют два варианта старославянского алфавита.		
4. Кириллицу используют не только в России.		

После пройденного материала и заданий студентам предлагается выполнить итоговый тест. Приведем некоторые вопросы из него.

В каком году была создана славянская письменность?

а. 863 г.

б. 911 г.

в. 1014 г.

Почему День славянской письменности и культуры празднуют 24 мая?

а. Считается, что в этот день была создана славянская письменности.

б. В этот день были проведены реформы русского языка.

в. Это день памяти святых Кирилла и Мефодия.

Какой алфавит создали Кирилл и Мефодий?

а. глаголицу

б. кириллицу

в. латиницу

День русского языка празднуют 6 июня. Что произошло в этот день?

а. Опубликовал свой первый роман великий русский писатель Фёдор Михайлович Достоевский.

б. Родился самый известный русский поэт – Александр Сергеевич Пушкин.

в. Закончил писать роман «Война и мир» Лев Николаевич Толстой.

Где празднуют День русского языка?

а. Только в России.

б. Во всём мире – это международный праздник.

в. В России и Европе.

Итак, профессиональное изучение русского языка иностранными студентами невозможно без глубокого погружения в культурно-исторический контекст, частью которого являются праздники, непосредственно связанные с самим русским языком. Усваиваемая при этом лингвострановедческая информация расширяет и углубляет представления студентов об истории русской и славянской письменности, о происхождении кириллического алфавита, помогает осмыслить те процессы, которые предшествовали появлению русского языка в его современном виде. Знание о сакральной, религиозной в основе своей миссии письменного русского слова позволяет инофонам более глубоко постичь русскую культурную и языковую картину мира, увидеть связи между далеким прошлым и живым настоящим.

Лингвострановедческое погружение вызывает у студентов неподдельный интерес и несомненное уважение к традициям русского народа, помогает лучше разглядеть истоки его всемирно известной культуры. Сам учебный процесс становится при этом более ярким и увлекательным. Наш опыт показывает, что учащимся действительно интересна история русского языка, его письменности и книжности, а знакомство с традициями Дня славянской письменности и культуры, Дня русского языка, как и с традициями Пасхи, Рождества, Масленицы, позволяет им лично приобщиться к нашему культурному опыту.

Важно и то, что благодаря этим темам студенты-иностранцы проводят параллели со своим родным языком и культурой, учатся находить общее и особенное между ними и изучаемым материалом. Получается, что через призму Другого яснее становится и Своё.

Список цитируемой литературы:

1. Азимов, Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.

2. Емельянова, Я.Б. Лингвострановедческая компетенция переводчика: теория и практика: Монография / Я.Б. Емельянова. – 2-е изд., испр. и доп. – Нижний Новгород: ООО «Стимул-СТ», 2010. – 201 с.

3. Попова, В.Н. Праздник как социокультурный феномен : [учеб. пособие] / В.Н. Попова; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 84 с.

Гончарова Т.В., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия

AMOR LINGUAE КАК ВАЖНЕЙШАЯ ОСОБЕННОСТЬ ПЕРСОНОСФЕРЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ[1]

Аннотация

В статье рассматривается такая черта персоносферы отечественной лингвистики, как amor linguae (любовь к родному языку), выявляются способы репрезентации данной черты в наследии выдающихся отечественных лингвистов прошлого и настоящего.

Ключевые слова: amor linguae (любовь к родному языку), персоносфера, русский язык, отечественная лингвистика, М.В. Ломоносов, А.С. Шишков, В.В. Виноградов, А.А. Залязняк, М.А. Кронгауз.

Завершая свое исследование, посвященное языковой личности, Ю.Н. Караулов в эпилоге к монографии говорит об одном неотъемлемом свойстве языковой личности – любви к родному языку – *amor linguae*, которое «коренится глубоко в душе человека», но в душе рядового носителя языка «оно может оставаться неосознанным» и проявляется лишь при столкновении с речью людей, говорящих по-другому [4, с. 260], при этом, – подчеркивает далее исследователь, – «любовь к языку – это одно из проявлений любви к родине, которая всегда с нами, всегда в нас, но ощущаем мы которую, только расставаясь с ней на какое-то время» [4, с. 261].

Однако у лингвиста, по мнению Ю.Н. Караулова, любовь к родному языку – это «часть его профессиональной компетенции» [4, с. 261], поэтому она осознанна, и именно она определяет и выбор про-

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации по теме: «Формирование российской гражданской идентичности личности посредством отечественной персоносферы в условиях неоднородности современного медийного пространства» (соглашение № 073-03-2024-074/2 от 13.02.2024 г.).

фессии, и увлеченность наукой, и стремление передать эту увлеченность и любовь своим ученикам.

Об этом же говорит и другой авторитетный исследователь В.Г. Костомаров в предисловии к книге В.И. Аннушкина: «Главное качество, которое я ценю в личности филолога-русиста (я знаю это по жизни и деятельности моего учителя академика В.В. Виноградова) – необыкновенная любовь к русскому языку. Это чувство невыразимо в словах, но оно ясно ощущается в трудах различных поколений русистов, неравнодушно пишущих о русском языке. Любовь к русскому языку нас поддерживает и объединяет в этой непростой жизни» [1, с. 3].

Для будущего учителя-словесника личность ученого-лингвиста обладает высокой степенью заряженности аксиологическими и нравственными смыслами и, следовательно, играет значимую роль в формировании культурной и гражданской идентичности.

Итак, одним из качеств лингвиста является то, что он пишет о русском языке как человек неравнодушный, изначально влюбленный в предмет своего исследования.

Каким же образом проявляется amor linguae в деятельности выдающихся лингвистов? Попытаемся ответить на этот вопрос.

Действительно, для отечественного языкознания в целом характерна словесно выраженная любовь к языку, поэтому в истории русской науки, в трудах выдающихся лингвистов находим множество мыслей, посвященных уникальности, самобытности, богатству русского языка.

Особо следует подчеркнуть, что ученый-лингвист выражает свою любовь к родному языку, основываясь на понимании законов языка, опираясь на объективные данные, сравнения различных языков. В связи с этим можно обратиться к мнению М.В. Ломоносова, в поле зрения которого, по свидетельству Ю.М. Лотмана, находилось около тридцати языков, среди которых и классические, и европейские языки (французский, английский, немецкий, итальянский, польский, венгерский, летский (латышский), еврейский). Свою самую известную языковедческую работу, являющуюся итогом всех лингвистических разысканий исследователя, «Российскую грамматику», он начинает, по существу, гимном русскому языку, в основе которого признание положительных свойств самых разных языков, но при этом именно в русском языке ученый видит «… великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверьх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков» [7, с. 389].

Многие лингвисты, выражая свое отношение к русскому языку, обращают внимание на богатство его лексического состава, объясняя объ-

ективно, с позиции исторической науки, этот факт. Так, Н.С. Трубецкой подчеркивает, что «без церковнославянской традиции русский язык вряд ли достиг бы такого совершенства. <...> Преемство церковнославянской традиции есть драгоценнейшее богатство; это богатство было потенциально дано всем православным славянам, и добровольный отказ от него, наблюдаемый, напр., в сербохорватском или украинском литературном языке, есть безумие, самооскопление» [9, с. 124–125].

В свою очередь, Д.С. Лихачев соотносил исключительное словарное богатство, разнообразие и национальную самобытность русского языка, с одной стороны, с особенностями территории, а с другой – с синтезом народно-разговорной и книжно-славянской стихии: «Факт этот в значительной мере утверждался тем обстоятельством, что территория, на которой был распространен русский язык, была настолько велика, что одно только различие в бытовых, географических условиях, разнообразие национальных соприкосновений создавало огромный запас слов для различных бытовых понятий, отвлеченных, поэтических и т.д. А во-вторых, тем, что русский литературный язык образовался из опять-таки “межнационального общения” – русского просторечия с высоким, торжественным староболгарским (церковнославянским) языком» [6, с. 8].

В связи с этим хочется обратить внимание на постоянно появляющиеся в интернете публикации наших соотечественников (как ни странно!), которые пытаются принизить роль русского языка в мировом культурном пространстве, выражают сомнения по поводу его богатства и выразительных возможностей. Наверно, можно было бы проигнорировать подобные измышления, если бы не учитывать, что для многих людей интернет сегодня – один из главных источников знаний, особенно это касается молодого поколения, у которого не сформировано окончательно критическое мышление, поэтому многое они принимают за истину в последней инстанции. Так, М.Н. Эпштейн – известный филолог, философ, культуролог, эссеист, правда, с 1990 г. профессор теории культуры, русской и сравнительной литературы университета Эмори (Атланта, США) – отмечает, что если «словарь Даля *лопается* от обилия слов» (курсив наш. – Т.Г.), то «в XX веке пошел язык на убыль», а далее приводит следующие факты: «Во всех словарях русского языка советской эпохи, изданных на протяжении 70 лет, в общей сложности приводятся около 125 тысяч слов. Это очень мало для развитого языка, с великим литературным прошлым и, надо надеяться, большим будущим. Для сравнения: в Словаре В. Даля – 200 тыс. слов. В современном английском – примерно 750 тысяч слов…» [11].

Однако автор не учитывает очень важного факта, связанного с различиями в способах отбора слов в русскоязычных словарях и ан-

глоязычных, в частности, с тем, что в отечественной лексикографии традиционно создаются словари неологизмов, в которые первоначально попадает новое слово, а уже позже, когда оно проходит проверку временем, активно употребляясь, слово включается в другие типы словарей и, прежде всего, – толковые.

Далее в указанной публикации М. Эпштейн развивает свою мысль, изо всех сил стараясь принизить исключительные достоинства русского языка: «При этом следует признать, что в словарях русского языка огромное число “дутых” единиц – суффиксальных образований скорее словоизменительного, чем словообразовательного порядка. Как ни горько в этом признаться, представление о лексическом богатстве русского языка во многом основано на уменьшительных суффиксах, которые утраивают, а часто даже и упятеряют количество существительных, официально числимых в словарях» [11]. И далее, для доказательства своей мысли приводит 5 слов (*сирота, сиротка, сиротина, сиротинка, сиротинушка*), приведенные в БАС, которые, по его мнению, можно считать одним словом.

А вот мнение лингвиста, заряженное не только объективностью ученого, но и исключительной приязнью к родному языку:

«Благодаря морфологической природе русского языка, имеющего возможность образования основных групп знаменательных слов (существительных, прилагательных, глаголов) с помощью суффиксов и префиксов, – отмечает С.П. Обнорский, – русский язык всегда обладал и обладает неиссякаемыми силами роста. <…> «Эту черту нашего языка, сообщающую ему особую выразительную силу, прекрасно чувствовал в старые времена величайший художник, автор «Слова о полку Игореве», широко употреблявший в поэме, – несомненно, в стилистических целях – одни и те же глаголы без префикса и в префиксированном виде или в соединении с одним и каким-нибудь близким к нему другим префиксом. Сравните в ”Слове о полку Игореве“: *лелеяти* и *взлелеяти, плакатися* и *всплакатися, потоптати* и *притоптати, потрепати* и *притрепати* и т. д.»

«Если поставить вопрос о причинах этой изумляющей силы и выразительности современного русского литературного языка, то ответ следует искать в условиях богатого и сложного его развития, в условиях общего нашего культурного роста с самых отдаленных времен» [8, с. 176].

Следует обратить внимание и на то, как другой выдающийся ученый Л.В. Щерба выражает свою любовь к русскому языку, используя эмоционально-экспрессивную и оценочную лексику: «Литературный язык, которым мы пользуемся, – это подлинно ***драгоценнейшее наследие***, полученное нами от предшествующих поколений. Оно даёт нам

возможность выражать свои мысли и чувства и понимать их не только у наших современников, но и у великих людей минувших времён.

Только ***любящим*** его, т.е. в совершенстве владеющим им, открывает он свои возможности.

Его ***надо любить*** (курсив наш. – Т.Г.) и неустанно изучать в его совершенных образцах, но вместе с тем и бороться с ним, стараясь найти новые способы выражения новых мыслей» [10, с. 113].

Если же вернуться к взглядам уважаемого философа Эпштейна, то можно обратить внимание на то, что именно любовью к родному языку продиктовано стремление многих лингвистов показать неправильность и в какой-то степени ущербность и вредность подобных дилетантских рассуждений. Именно этой цели служат работы А.А. Зализняка, посвященные любительской лингвистике. Хочется обратить внимание, что критика ученого направлена на лингвистов-любителей, деятельность которых в конечном итоге продиктована любовью к языку, но, к сожалению, дилетантство не только в подходе к языковым явлениям, но и в других сферах неприемлемо и губительно для науки, поэтому именно amor linguae заставляет исследователя доказывать абсурдность утверждений, подобных следующим: «Один из авторов утверждает, что в корне *лон* был заключен смысл ‘жидкость, вода’, что видно, по его мнению, из слов: *Лена* ‘река’, *во-лън-а* – ‘прибыль воды’, *лён* – ‘растение, погруженное в воду’ (при отбеливании), *лень* – ‘состояние приятной расслабленности от погружения в воду’» [2].

Рассуждая о пагубности и недопустимости дилетанства в науке, А.А. Зализняк пишет: «Увлечение любительской лингвистикой в принципе может быть проявлением чистой любознательности. Но, к сожалению, чаще приходится сталкиваться с такой любительской лингвистикой, которая пронизана стремлением обосновать некую более общую идею – обычно некоторую версию происхождения и истории целого народа. Практически всегда это версия, приукрашивающая (в частности, героизирующая или обеляющая) историю собственного народа» [2].

Кстати, как эти слова справедливы, в частности, в связи с ситуацией на современной Украине!

Одной из главных ценностей науки является ответственность ученого за полученный научный результат, а любительской лингвистике этого-то как раз и не хватает.

Еще один аспект проявления amor linguae как профессиональной компетенции филолога – это борьба за чистоту языка, следование охранительным тенденциям. Это целая глава в истории отечественной лингвистики, и здесь также обратимся к «свету ушедших умов» (В.В. Виноградов), но коснемся только одного аспекта, связанного с

деятельностью А.С. Шишкова, которому не повезло в истории русской науки, его долгое время считали «злым гением русского литературного языка» [3, с. 442], реакционером и пуристом с его «тихогромом», «мокроступами» и «трупоразъятием», а в оценке полемики его с Карамзиным предпочтение, как и в XIX в., отдавали Н.М. Карамзину. Однако, вчитавшись внимательно в слова Шишкова, можно убедиться, насколько они справедливы и актуальны сегодня: «Главнейшая сила и богатство языка нашего в том состоит, что мы имеем великое изобилие высоких и простых слов, так что всякую важную мысль можем изображать избранными, а всякую простую обыкновенными словами Нам для выражения понятия надлежит искать собственного своего слова» (цит. по: [3, с. 455]).

Но мысли в защиту родного языка, свидетельство «понимания роли Слова как инструмента творения современного мира, управления общественными процессами и всеми формами жизни» [1, с. 7.] мы находим в работах современных лингвистов. И мысли эти продиктованы также прежде всего любовью к родному языку.

Так, обеспокоенность судьбой русского языка в современном мире звучит и в книге современного исследователя М.А. Кронгауза, который анализирует язык интернета, обращает внимание на распространение брани, на злоупотребления заимствованиями, жаргонизмами и просторечными словами. Завершая свою книгу, исследователь подчеркивает: «И все-таки о русском языке надо беспокоиться. Его надо любить. О нем надо спорить. Но главное – на нем надо говорить, писать и читать. Чего я всем и желаю» [5, с. 145].

«Хочется поговорить с кем-нибудь о русском языке», – писал академик Виноградов из Тобольска, из ссылки, в военные годы (цит. по [1, с. 5]).

В этих словах выдающего лингвиста и несомненная любовь к языку, настоящее сердечное увлечение, и тоска по возможности обсудить научные вопросы с коллегами, хотя возможность заниматься наукой у ученого были (он привез в Тобольск основную часть своей библиотеки), но ему не хватало тех разговоров, споров о языке, которые являются естественным состоянием науки и лиц, наукой занимающихся, споров, в которых рождается истина.

Завершая разговор об amor linguae как важнейшей черте персоносферы русской лингвистики, подчеркнем, что в день памяти солунских братьев хочется верить, что в их миссионерской деятельности ими руководила не только идея апостола Павла о равенстве всех народов в возможности получения спасения, но и любовь к их родному солунскому диалекту, который они положили в основу величайшей ценности Средневековья – старославянского языка.

Список цитируемой литературы:

1. Аннушкин, В.И. Язык и жизнь. Книга о русском языке – речи – слове / В.И. Аннушкин. – М.: Русское слово, 2010. – 320 с.

2. Зализняк, А.А. Из заметок о любительской лингвистике / А.А. Зализняк. – М.: Издательство «Русский Мір». ОАО «Московские учебники», 2010. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/iz-zametok-o-lyubitelskoj-lingvistike/ (дата обращения: 20.05.2024).

3. Камчатнов, А.М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века / А.М. Камчатнов. – М., 2005. – 688 с.

4. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Москва: Наука, 1987. – 262 с.

5. Кронгауз, М.А. Русский язык на грани нервного срыва / М.А. Кронгауз. – М.: Знак: Языки славянских культур, 2007. – 232 с.

6. Лихачев, Д.С. Русская культура в современном мире / Д.С. Лихачев // Новый мир. – 1991. – № 1. – С. 3 – 9.

7. Ломоносов, М. В. Российская грамматика / М.В. Ломоносов // Полное собрание сочинений. Том седьмой. Труды по филологии (1739 – 1758 гг.) Москва – Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1952. – 993 с. – С. 389 – 579.

8. Обнорский, С.П. Культура русского языка / С.П. Обнорский // Скворцов, Л.И. Основы культуры речи: Хрестоматия. – М., 1984. – С. 173 – 191.

9. Трубецкой, Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре / Н.С. Трубецкой // Вопросы языкознания. – 1990. – №3. – С. 114 – 134.

10. Щерба, Л.В. Современный русский язык / Л.В. Щерба // Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – С. 113 – 129.

11. Эпштейн, М.Н. Русский язык в свете творческой филологии / М.Н. Эпштейн // Знамя. – 2006. – №1. – URL: https://znamlit.ru/publication.php?id=2854 (дата обращения: 20.05.2024).

Елистратов В.С., д-р культурологии, профессор
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова», г. Москва, Россия
Ковтун М.Б., канд. филол. наук, доцент
ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»,
Москва, Россия

ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ИНОСТРАНЦАМ: РАЗРАБОТКА УЧЕБНИКА НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Аннотация

Двадцатые годы XXI века – это время, когда необходимо максимально продуктивно синтезировать, условно говоря, «бумажную культуру» учебника с культурой «цифровой». Учебник превращается в так называемую «ризому», становится как бы «микроинтернетом». В статье предложена методика, диалектически сочетающая в себе максимальный тотально-информационный аналитизм с синкретически-творческим подходом. Данная методика, продолжая традиции преподавания русского языка и литературы в иностранной аудитории XX века, апеллирует к ментальности учащихся цифровой эпохи.

Ключевые слова: методика, тотально-информационный аналитизм, аналитико-синкретический метод.

В современной практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ) и русской литературы как иностранной (РЛКИ) существует множество методик, вырабатываемых, во-первых, исходя из уровня владения русским языком учащихся и, во-вторых - из поставленных в данной «точке» учебного процесса целей и задач. Одна из доминирующих тенденций развития РКИ и РЛКИ на современном этапе – это своего рода дробление, сегментация методических «стратегий» на «тактики». Например, достаточно жестко определяются уровни, на которые рассчитаны данный учебник, учебное пособие или разработанный курс («А1», «А2, В1», «В2 и выше» и т.п.). Столь же четко определяются цели и задачи. Скажем, это может быть корректировочный курс по грамматике русского языка, книга для чтения, предназначенная в первую очередь для расширения лексических знаний учащегося, как правило, в строго определенной области и т.д. Такая тенденция полностью соответствует практическим, даже, выражаясь более радикально, прагматическим установкам нашего времени.

Вместе с тем, практика показывает, что в настоящее время, в силу особенностей современного международного образования в целом обучаемый контингент весьма специфичен. В основной своей массе он

крайне разнороден и неровен. Тестирование, конечно, примерно определяет уровень владения языком. Но одну из характерных черт современных учащихся можно определить как «асистемную лакунарность». Иначе говоря, в ходе учебного процесса подчас, наряду с ожидаемыми солидными знаниями и умениями, выявляются совершенно неожиданные лакуны-«провалы», которые были в принципе невозможны в те времена, когда обучение РКИ носило строго системно-стратегический характер (скажем, подготовительные факультеты для иностранных граждан советской эпохи). Кстати говоря, в этом смысле иностранные учащиеся типологически близки сейчас к учащимся российским, потому что феномен ЕГЭ интернационален и при всей его внешней тестовой структурированности дает такие знания и умения, которые несут в себе массу, так сказать, непрогнозируемой энтропии.

На наш взгляд, на современном этапе развития методики преподавания русской литературы в иностранной аудитории необходима прежде всего принципиально новая концепция учебника, нацеленного в том числе на преодоление асистемной лакунарности и непрогнозируемой энтропии, о которых было сказано выше.

На протяжении всего XX века учебник мыслился в первую очередь как некий «книжный артефакт», «бумажная учебная субстанция», используемая в режиме, который можно обозначить рабочей формулой «2М», т. е. материал и методика, если угодно, содержание (культурно-языковое) и форма его «преподнесения». Преподаватель же является своего рода модератором (то есть в данном случае речь идёт уже о формуле «3М»), координатором данного изначального «учебного дуэта», а учитывая, что объектом учебного процесса являются учащиеся, можно в рабочем порядке воспользоваться схемой «3М↔У».

Вообще, извечная филологическая тема «формы» и «содержания», которые «координирует» автор, например, в литературоведении, что называется, стара как мир. С появлением новой цифровой реальности ситуация кардинально изменилась. Обычно принято считать, что так называемая цифра (виртуальное измерение) значительно и резко расширяет и углубляет возможности методики преподавания русской литературы как иностранной, делает данную область дидактики более гибкой и мобильной. Учебник в интернете может легко «прирастать» другими учебниками, видео, самой разнообразной меметикой и т.д. и т.п., по сути всем, чем угодно. Очень удобно, завораживающе перспективно. Но, как всегда в данных случаях, существует и обратная сторона медали. И при этом достаточно опасная. В известной мере можно утверждать, что учебник становится тем, что многие ученые, особенно на Западе, называют «деконструктивом», «постструктурой», «постре-

альностью». Иначе говоря, цифровой учебник максимально «интертекстуален», «аллюзивен». Терминология здесь более чем широкая.

Учебник, продолжая все тот же дискурс, превращается в так называемую ризому («ризома» – грибница, которая «обладает крайне разнообразными формами, начиная с внешней протяженности, разветвлённости во всех направлениях, кончая конкретизацией в луковицах и клубнях» [4, с. 12]). Он становится как бы «микроинтернетом», где из любой дидактико-информационной точки можно легко попасть в любую другую дидактико-информационную точку, причем траектория этого попадания весьма и весьма произвольная. Системно-линеарная доминанта «старого доброго» книжного учебника или – особенно – учебного пособия превращается в многовекторно-полевую. Во многих случаях (естественно, самых неудачных) учебник становится «семантическим гуляй-полем». А если спроецировать данную ситуацию на состояние рынка, – «супермаркетом».

Можно в связи с рассматриваемой проблематикой использовать и еще один популярный термин – симулякр, т.е. копия копии или даже копия копии копии. Ведь, по сути дела, преподавание в режиме онлайн, без которого в современном мире мы, разумеется, никак не можем обойтись, как, к примеру, без соевых заменителей продуктов, – это и есть дидактический симулякр. Положение существенно усугубляется еще и тем, что в современном мире резко возрастает роль учащегося, т.е. «потребителя в супермаркете» (современные учащиеся – «жертвы интернета», а значит во многом их мышление ризомное), который может сам выбирать для себя «3М» с его ризомами и симулякрами.

Так, в учебных пособиях в работе с художественными текстами предусматривается использование аудио-видео-материалов. Фильмы-экранизации ориентируют инофонов, вводят их в контекст изучаемого произведения, помогают сформировать образы восприятия, которые послужат основой для последующего формирования образов представления. Часто в практике преподавания русской литературы в иностранной аудитории используются дополнительные материалы, связанные с информацией о жизненном пути того или иного писателя/поэта, историей создания произведений. Литературные видео-экскурсии, связанные с судьбой и творчеством художников слова, размещены на отдельных сайтах. Важна системная «подача» материалов, поэтому аудио- и видеоматериалы материалы должны быть доступны в пособии для прослушивания через QR-код. Таким образом QR-коды становятся формальным композиционным элементом современных учебных пособий. QR-коды – быстрая отправка к дополнительным информационным ресурсам, расширяющим содержательное пространство «старого доброго» книжного учебника.

Двадцатые годы XXI века – это время, когда необходимо максимально продуктивно синтезировать, условно говоря, «бумажную культуру» учебника с культурой «цифровой».

Говоря о существующих традициях создания учебных материалов в практике преподавания русской литературы в целом и в практике преподавании русской литературы в иностранной аудитории в частности, мы хотели бы отметить, что эти самые ценности выражаются не только в содержании материала, но и в форме, методике, которая является системой ментальной дисциплины. Без нее все эти «интертекстуальные симулякры» и «деконструктивные ризомы» могут окончательно размыться и впасть в безнадежную энтропию. А стержнем традиционных ценностей является не что иное, как межличностный диалог между преподавателем и учащимся.

И здесь, как ни странно, ничего не надо изобретать принципиально нового. По мнению П.Г. Пустовойта, «многие выработанные советским литературоведением принципы и методы изучения отечественной литературы вполне приемлемы при преподавании русской литературы в иностранной аудитории» [7, с. 57]. Во-первых, в отечественной практике преподавания литературы существующие учебные материалы можно охарактеризовать как тотально-информационные. К примеру, издательство «Учпедгиз» (а затем издательство «Просвещение») выпускало множество учебных неадаптированных хрестоматий, пособий и т.д., снабженных максимальным информационно-обучающим аппаратом. Этот аналитический аппарат (наличие лексико-грамматического и страноведческого комментариев, иллюстративного материала, помогающего семантизировать лексические единицы, демонстрировать реалии русской жизни, а также визуализировать определенные текстовые фрагменты картинками-образами) был настолько исчерпывающим, что позволял учащемуся уровня А2, изъясняясь современным языком, читать текст, предназначенный для уровня С2. Данный аналитический аппарат в полной мере помогал учащимся ощутить аутентичную национальную лингвокультурологическую атмосферу.

Процесс подобного «медленного чтения», или, иначе говоря, «тщательного освоения» иноязычной и инокультурной «ментальной субстанции», как свидетельствуют многие бывшие учащиеся, оставляет неизгладимый след в сознании, навсегда западая в то, что ученые любят называть нейролингвистической сетью. В дальнейшем учебные материалы пошли по пути облегчения, адаптации, снятия информационной нагрузки, т.е. упрощения, если угодно, клиповости.

Во-вторых, существует большой опыт аудиторной работы с подобными тотально-информационными материалами. Поскольку вся фонетическая, словообразовательная, лексическая, грамматическая, стили-

стическая информация уже наглядно представлена, для аудиторной работы можно оставить преимущественно творческую составляющую. Прежде всего речь идет об отношении учащихся к прочитанному, о рассуждениях на любые темы, связанные с прочитанным, творческое моделирование самих тем (то, что в риторике именуется топикой).

Чрезвычайно аттрактивным для иностранных учащихся является проецирование «русской топики» на топику их лингвокультуры. Процесс проецирования – процесс межкультурной коммуникации, под которым понимается «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [3, с. 26]. Опыт свидетельствует, что чем неожиданнее, парадоксальнее ассоциации, связи, тем больше активизируется креативная «нейродеятельность» обучаемого.

Отметим, что термин «ризома» вполне идентичен термину «синкретика». Речь идет именно не о синтезе, а о синкретизме, т.е., условно говоря, первоначальном ассоциативном сплаве, нерасчлененности сознания, когда, как говорят китайцы, «все в одном, одно во всем, все во всем, одно в одном». Поэтому мы и говорим об аналитико-синкретическом подходе, который заключается в принципиальном сопряжении «тотального аналитизма» с «креативной синкретикой» как диалектических противоположностей, вместе с тем, неотделимых друг от друга.

Апеллируя все к той же китайской философии, можно сформулировать следующим образом: в рамках данного подхода-метода мы сочетаем Ян-аналитизм с Инь-синкретизмом. Соответственно, в образовательном процессе учебно-аналитические (облигаторные) обучающие блоки сопровождаются блоками творческими («креативно-рекреативными»). Данная методика была апробирована на практике. Например, после «тотально-аналитического прочтения» романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» в китайской аудитории нами были предложены следующие «синкретические» вопросы для обсуждения (студенты были весьма активны):

1. *Можно ли сказать, что Онегин – это настоящий Ян? Почему?*
2. *Можно ли сказать, что Татьяна – «стопроцентная» Инь? Почему?*
3. *Что было бы, если бы Онегин женился на Татьяне? Как сложилась бы их судьба? Обоснуйте. А если бы Онегин был русским, а Татьяна – китаянкой? А если наоборот?...*
4. *Вы – девушка. Кого бы вы полюбили, Онегина или Ленского? Вы – молодой человек. Кого бы вы полюбили, Татьяну или Ольгу? Или никого? Почему?*
5. *Пушкин не закончил роман «Евгений Онегин». Допишите роман вместо Пушкина. Нет, целый роман писать, конечно, не надо,*

тем более в стихах… Просто расскажите, как дальше сложились судьбы Онегина, Татьяны, Ольги. Учтите, что Пушкин закончил писать роман в 1830 году. Будем считать, что именно в это время прерывается описание жизни героев. Вспомните, какие события происходили в России в середине XIX века. Свяжите судьбы героев с этими событиями.

6. *Представьте, что Онегин – китаец, живет в наши дни в Шанхае и работает в фирме «Али баба». Как проходит его день? Не забудьте, что у него есть свои дворянские привычки…*
7. *Давайте выберем среди вас Татьяну, Ольгу, Онегина и Ленского. Вы сидите за обеденным столом. Вам надо о чем-то говорить. Молчать нельзя. Мы вас слушаем…*
8. *Дуэль – очень жестокая традиция. Вы живете в России в начале XIX века. Напишите письмо русскому императору с вашими пожеланиями по борьбе с дуэлями. Поскольку самая «кровожадная» дуэль была с шести шагов (!), приведите российскому императору шесть самых важных, с вашей точки зрения, аргументов, доказывающих, что дуэль бесчеловечна. А может быть, вам нравятся дуэли? Тогда приведите шесть доводов, что дуэли запрещать не надо.*
9. *В обществе времен романа «Евгений Онегин» было много предрассудков. Именно среда сформировала героев романа. Перечислите их предрассудки. А теперь скажите, какие предрассудки есть в современном обществе России или в вашей стране?*
10. *Сравните Онегина и Минского («Станционный смотритель»). Сравните Ленского и Алексея Берестова («Барышня-крестьянка»). Можно ли сравнить Татьяну с Лизой («Барышня-крестьянка» и Дуней («Станционный смотритель»)? Похожа ли Ольга на Лизу («Барышня-крестьянка»)? Обоснуйте ваши утверждения.*
11. *Какие герои китайской литературы больше всего похожи на главных героев романа? Расскажите об этих героях.*

Представим творческий блок заданий при изучении повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка».

1. *Если хорошо задуматься, то по своему сюжету «Барышня-крестьянка» А.С. Пушкина – это словно бы сюжет трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта», только наоборот. Там Ромео – из рода Монтекки. Джульетта – из рода Капулетти. Монтекки и Капулетти враждуют друг с другом, и любовь Ромео и Джульетты заканчивается трагически, молодые люди покончат с собой. Их отцы мирятся на могиле детей. У Пуш-*

кина Капулетти – это Муромские. Монтекки – Берестовы. Джульетта – это Лиза. Алексей – Ромео. Берестов-отец помирился с Муромским-отцом, и Алексей и Лиза женятся. Всё, как говорится, «зеркально». У Шекспира – все «плохо». У Пушкина – все «хорошо». И в трагедии, и в повести изображена «правда жизни». Какая правда вам ближе? Какой сюжет более жизненный? Приведите свои аргументы.

2. *Существуют два вида комедий (это относится к разным жанрам) – комедия положений и комедия характеров (нравов). Вспомните, что это такое. Можно, конечно, посмотреть в интернете, но лучше – в словаре литературоведческих терминов. В «Барышне-крестьянке есть и «положения», и «характеры». Вспомните еще раз содержание повести. Расскажите, что в ней из первого вида комедии, а что из второго.*
3. *Моделируем ситуации. Вы работаете психологом и пишете диссертацию по психологии, а значит – собираете материал. У вас сегодня на приеме было пять человек. Это Иван Петрович Берестов, Григорий Иванович Муромский, Алексей, Лиза и Акулина. Вы попросили рассказать о своих психологических проблемах. Что они вам рассказали? А теперь попробуйте отнести каждого из них к определенному психологическому типу: сангвиник, холерик, меланхолик, флегматик. А теперь дайте каждому из них психологическую характеристику, охарактеризуйте их личности, поставьте им «диагноз».*
4. *Возможна ли история «Барышни-крестьянки» в наше время? Попробуйте описать такую историю, если учесть, что у нас есть интернет, социальные сети, фотошоп. Сочините современную «комедию положений», вернее- «комедию интернет-фотошопа». Что сделала бы современная Лиза, чтобы превратиться в Акулину, а потом – чтобы стать тот Лизой, которую не узнал Алексей, и, наконец, снова стать прежней Лизой? Новые технологии дают нам больше возможности устроить личную жизнь или не дают? Порассуждайте на эту тему.*

«Креативно-рекреативные» задания основаны на использовании обучающимися семантических и смысловых опор изучаемого художественного произведения. Субъективно-творческое осмысление сюжета, психологии и поступков героев произведения, проецирование их действий или образов на какие-либо современные ситуации или общественные вопросы своей культуры или среды стимулирует речемыслительную деятельность обучающихся.

Подобные целевые задания – «ядро коммуникативного обучения» – помогают «соотносить цель действительности с речевым высказыва-

нием» [2, с. 25], предоставляют учащимся возможность контролировать саму ситуацию и выражать собственные идеи, продуцировать свои тексты. Корректное формулирование коммуникативных заданий способствует раскрытию культурологического потенциала художественного произведения и совершенствованию речевых навыков иностранных обучающихся. На важность данного вопроса указывают многие лингвисты-методисты [5, 8].

Реконструкция ролевых ситуаций помогает выявить и вербализировать ценностные авторские ориентиры и установки, которые воплощаются в художественных текстах. Более того, они демонстрируют учащимся, коррелируют ли они или нет с константами их национальной аксиосферы, что делает, безусловно, процесс восприятия и интерпретации произведений русской литературы наиболее живым и интересным. Преподавание русской литературы в иностранной аудитории – это, в первую очередь, межличностный диалог, диалог «языковых личностей» (Ю.Н. Караулов). Особую специфику и придает этому диалогу то, что «личности» – носители разных языков, а значит и разных аксиологических систем. Подобная технология усвоения знаний способствует пониманию русской культуры в сопоставлении с собственной, итоговой целью которого является учиться мыслить на русском языке.

Необходимо отметить, что «креативно-рекреативные» задания составлены с учетом сфер общения (учебно-профессиональной, социально-культурной и социально-бытовой), под которыми понимается «взаимосвязанный комплекс ситуаций и тем общения, видов речевой деятельности, обусловленный потребностями обучающихся» [1, с. 299]. Данные сферы общения вполне удовлетворяют потребности обучающихся, поскольку учитываются их психовозрастные особенности и интересы.

Безусловно, подобные творчески-аналитические задания в структуре учебного пособия должны быть представлены в отдельном разделе, завершающем изучение той или иной темы. Они дифференцированы и упорядочены по сложности, поскольку, как указывалось ранее, обучаемый контингент весьма разнороден и неровен в уровне владения русским языком. «Способность моделировать (с одной стороны, упрощенный, а с другой, идеализированный) педагогический процесс, обеспечивая взаимодействие преподавателя и студента» – существенная характеристика современного учебника для инофонов. «Ни одно содержание учебника не может быть полностью освоено всеми учащимися в равных объеме и качестве, жизнь вносит свои коррективы» [6, с. 12].

Комплексное сочетание учебно-аналитических (облигаторных) обучающих блоков с творческими («креативно-рекреативными») блоками, по нашему мнению, представляет довольно целенаправленный и

результативный процесс как в познании самого художественного мира произведений, так и в овладении коммуникативной компетенцией для общения в устной и письменной форме.

Разумеется, предложенная нами методика не является основной, исключительной, базовой в современном методическом ландшафте преподавания русской литературы в иностранной аудитории, но, на наш взгляд, может оказаться востребованной для решения насущных методико-педагогических задач.

Список цитируемой литературы:

1. Азимов, Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.

2. Акиншина, А.А. Учимся учить. Для преподавателя русского языка как иностранного / А.А. Акиншина, О.Е. Каган. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык. Курсы, 2002. – 256 с.

3. Верещагин Е.М. Язык и культура: Лингвострановедение и преподавание русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.

4. Делёз, Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Жиль Делез, Феликс Гваттари: пер. с франц. и послеслов. Я.И. Свирского; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория., М.: Астрель, 2010. – 895 с.

5. Пассов, Е.И. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного / Е.И. Пассов, Н.Е. Кузовлева. – М., 2010. – 568 с.

6. Пашковская, С.С. Поиски «золотого ключика» (проблемы современного учебника русского языка как иностранного) / С.С. Пашковская // Русистика. – 2019. – Т. 17. – № 1. – С. 7 – 28.

7. Пустовойт, П.Г. Методология преподавания русской литературы иностранцам. Статья первая / П.Г. Пустовойт // Русский язык за рубежом. – 1977. – № 5. – С. 57 – 62.

8. Туманова, О.А. Педагогические возможности учебных заданий в реализации идеи диалога (на примере обучения иностранному языку): дисс. канд. пед. наук. – Владимир. – 2000. – 182 с.

Клинкова Д.А., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Тверской филиал, г. Тверь, Россия
Белецкая Е.В., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Тверской филиал, г. Тверь, Россия

ВЛИЯНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ МЕМОВ, БЛЕНДИНГА И НЕОЛОГИЗМОВ НА СОВРЕМЕННУЮ РЕЧЕВУЮ КУЛЬТУРУ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация

В статье исследуется влияние интенсивного использования фразеологизации мемов, блендинга и неологизмов на формирование современной речевой культуры. Анализируется, как данные лингвистические явления влияют на обогащение и трансформацию лексики. Поскольку современное развитие общества характеризуется быстрыми изменениями во всех сферах, язык старается обеспечить коммуникативные потребности для обозначения новых реалий, а под влиянием современных интернет-технологий быстро возникают и распространяются такие феномены, как интернет-мемы, блендинг и неологизмы. Особое внимание уделяется описанию положительных и отрицательных характеристик данных явлений. Делается вывод о необходимости учитывать эти явления при изучении и сохранении речевой культуры в цифровую эпоху.

Ключевые слова: фразеологизация мемов, неологизмы, блендинг, коммуникация, речевая культура.

Ускорение темпа жизни и его влияние на качество коммуникации является одной из наиболее актуальных исследуемых тем в современном обществе. Мы живем в мире, где информация обновляется мгновенно, а коммуникация происходит на больших скоростях благодаря развитию технологий. Однако за этим ускорением часто скрываются негативные качества нашей коммуникации. Проникая во все сферы жизни, интернет и социальные сети изменили не только способы общения, но и сами формы языка, оказывая значительное влияние на культуру речи.

Целью статьи является рассмотрение того, как цифровая трансформация отразилась на нашем повседневном общении, привнося новые явления и тренды, формирующие современную речевую культуру, а также выявление изменений в языковых практиках, вызванных использованием мемов, блендинга и неологизмов в онлайн-коммуникации.

В качестве методов исследования были избраны следующие: описательный метод, наблюдение, анализ научных статей.

Одним из ключевых аспектов влияния интернет-технологий на культуру речи является изменение средств коммуникации. С появлением электронной почты, мгновенных сообщений и социальных сетей мы получили новые инструменты для общения, которые значительно отличаются от традиционных форматов. Например, ограниченные по длине сообщения в социальных сетях или использование эмодзи для передачи эмоций стали обычным делом в нашем онлайн-общении. Все это приводит к сокращению слов и предложений, опечаткам, а также к развитию нового сленга и аббревиатур. В эпоху мгновенных сообщений люди часто предпочитают писать быстро, не обращая внимания на структуру сообщения или правильность изложения.

С появлением цифровых платформ появляются новые формы коммуникации, на которых воплощаются основные речевые модели.

Исследователи считают, что одним из важных признаков современной культуры является невероятная скорость распространения новых речевых формул, оборотов, слов, мемов в повседневной речи [4, с. 183].

Речевые изменения в первую очередь связаны с переплетением устной и письменной речи, создающей уникальный языковой стиль интернет-коммуникаций. Изначально письменность развивалась как способ фиксации и передачи информации, которая передавалась устно. Однако с развитием цифровых коммуникационных средств, таких как мессенджеры, мы видим изменения, происходящие в письменной речи. Сообщения в мессенджерах часто имитируют устную речь, и это отражается в порождении новых смыслов, в знаках пунктуации. Например, использование множества восклицательных знаков или точек может передать эмоциональное состояние, которое в устной речи передавалось бы интонацией или жестами.

Нельзя не учитывать и тот факт, что сегодня наблюдается устойчивый тренд в пользу смены каналов общения от синхронных (телефон, видеочат, встречи тет-а-тет) к асинхронным (SMS, e-mail, мессенджеры, социальные сети. Так, в апреле 2023 года ВЦИОМ (Всероссийский центр изучения общественного мнения) провел исследование, в котором выяснилось, что «коммуникационные предпочтения россиян имеют поколенческую специфику: «достучаться» до молодежи скорее получится в мессенджерах, до старшего поколения – по телефону». Максимум любителей переписки приходится на 18 – 24-летних – 47%» [1].

Нельзя не обратить внимание и на такие явления в нашей современной речи, как:

- увеличение темпа речи (речь в эфире, на экране);

- усиление звуковой редукции, то есть количественное и качественное изменение безударных звуков;

- активное освоение иностранных лексем;

- активное использование неологизмов.

Например, информационно-поисковый ресурс «Новое в русской лексике. Словарные материалы» Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) представляет собой базу данных с системой поиска, в которой собраны неологизмы из опубликованных словарей новых слов, а также некоторых неопубликованных материалов. Приведем пример некоторых слов за 2023 год:

- *Джипити.* Чат-бот с функцией искусственного интеллекта, способный создавать тексты, а также поддерживать диалог с человеком; такой алгоритм обработки естественного языка.

- *Гусь-обнимусь*. Большая мягкая игрушка в виде гуся, которую приятно обнимать.

- *Антиподглядыватель*. О защитном экране для камеры компьютера, через которую возможно наблюдение, слежение [6].

Наряду с неологизмами исследователи изучают сравнительно новое явление – блендинг. Блендинг является приемом языковой игры в сетевой коммуникации. Это способ словообразования, при котором в результате слияния двух или трех лексем, основ, квазиморфов создается новая лексическая единица, имеющая оригинальное значение. Например, медведьма (*медведь+ведьма*), заседалищный нерв (*заседать + седалищный*) [5].

До эпохи интернета одним из средств выражения своих эмоций, чувств, отношений были фразеологизмы. Фразеологизм – устойчивое словосочетание, оборот речи, выражение, значение которого не складывается из значений составляющих его слов; идиома [3].

Важными признаками фразеологизма являются его воспроизводимость, метафоричность, образность. Фразеологизмы способны передавать следующие значения: впечатления, мысли, ощущения, убеждения, отношения между людьми, настроение, состояние, душевные переживания, умственные способности, физические характеристики человека, черты характера, внешность, отношения, основанные на любви, дружбе/вражде, ненависти, отношение народа к человеческим достоинствам (умственным, физическим), необразованность, отсутствие стремления учиться, хвастовство, жадность, подлость, лицемерие, лживость и т.п. [9, с. 211 – 212]. В.Н. Телия отмечает, что «фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [8, с. 45].

Исследователи называют мемы «фразеологизмами современности», поскольку фразеологизмы и мемы могут быть рассмотрены схожим образом не только с точки зрения семантики, но и в контексте стилистики, а также функций, которые они выполняют в языке и культуре. Например, как и мемы, некоторые фразеологизмы могут иметь особую эмоционально-экспрессивную окраску, а их использование может быть ограничено определенными стилистическими контекстами. Те и другие являются частью широкого культурного контекста, могут проникать в различные области коммуникации, влияя на языковые практики и стили [10, с. 287].

Таким образом, люди используют различные мемы для выражения своих чувств, и это создает уникальную культуру фразеологизации мемов.

Фразеологизация мема означает использование популярных фраз, выражений или оборотов известных мемов в речи, на письме или в других коммуникативных ситуациях. Это позволяет людям создавать связанные с известными мемами шутки, комментарии или просто делиться юмором и общим пониманием определенных ситуаций.

Процесс фразеологизации мемов начинается с того, что привычные выражения из популярных мемов начинают использоваться в повседневной речи. Люди, общаясь, могут цитировать мемы, причем зачастую такие выражения становятся определяющими в конкретных ситуациях. Например, фраза «Ну, это конечно!» известная по мему со злорадным смайликом, стала популярной и в обиходе и используется в разнообразных контекстах для выражения различных эмоций.

Фразеологизация мемов также приводит к созданию новых семантических вариантов популярных мемов. Отсылки к мемам могут быть использованы для выражения не только юмора, но и иронии, сарказма, дружеской поддержки, восхищения, удивления и т. п. Например, фраза «Шутки шутками, а игрушки своих найдут» из мема с белочкой получила второе дыхание и стала использоваться для позитивного подтверждения возможности успеха после серии неудач. Часто люди используют мемы, чтобы выразить свои чувства в различных ситуациях. Например, после длительного дня на работе они могут поделиться мемом с изображением уставшего человека и подписью «Я после работы». Это помогает человеку передать свою усталость и разделить ее с другими людьми, которые могут понять и поддержать их.

Фразеологизация мемов также может быть использована для передачи более сложных эмоций, таких как грусть, разочарование или даже злость. Люди могут использовать мемы с изображением плачущего персонажа или разбитого сердца, чтобы выразить свои чувства в онлайн-диалогах или в комментариях к постам. Интересно, что фра-

зеологизация мемов стала не только способом передачи эмоций, но и формой самовыражения.

В целом, фразеологизация мемов является важным аспектом современной интернет-культуры. Мемы стали своего рода универсальным языком, который помогает нам лучше понимать друг друга и поддерживать эмоциональную связь в интернет-пространстве. Фразеологизация мемов имеет большое значение в контексте развития языка и повседневной речи. Она позволяет нам обогащать язык элементами интернет-культуры, вносит юмористические и эмоциональные оттенки в общение. Остроумные выражения из популярных мемов помогают нам легко и естественно общаться на родном языке, а также создавать дополнительный уровень взаимоотношений между людьми, потому что часто понимание и использование мемов становится своеобразным кодом сообщества. Не случайно сегодня особой популярностью пользуются генераторы мемов, позволяющие легко создавать собственные мемы, используя шаблон и добавив любую запись. Также интернет-мем может выступать эффективным дополнительным средством в арсенале преподавателя, поскольку мемы хорошо знакомы молодому поколению и давно стали средством повседневной коммуникации [7].

Наряду с положительными характеристиками фразеологизации мемов нельзя не отметить и отрицательные:

- ограничение в креативности: мемы могут привести к недостаточной оригинальности и индивидуальности в выражении мыслей и идей, так как люди могут полагаться на шаблонные выражения;
- усиление стереотипов: фразеологизация мемов может усилить стереотипы и предвзятость, поскольку часто мемы основаны на узком круге шуток и представлений;
- отсутствие глубокого понимания: при использовании мемов люди могут терять способность к глубокому анализу и пониманию сложных концепций, так как мемы зачастую упрощают их до уровня шутки;
- распространение негативных и деструктивных идей: в некоторых случаях мемы могут распространять негативные и деструктивные идеи, так как они часто основаны на юморе, который может быть оскорбительным или неприемлемым;
- ограничение контекста: мемы могут быть непонятными для тех, кто не в курсе их происхождения или контекста, что может привести к недопониманию в общении.

Таким образом, такие явления, как фразеологизация мемов, блендинг, использование неологизмов, с одной стороны, способствуют творческому развитию языка, открывают новые возможности для самовыражения, способствуют формированию уникальных языковых

сообществ, помогают людям лучше понимать друг друга, используя общие коды и символы. С другой стороны, упрощение языка и снижение требований к грамотности из-за широкого использования мемов и новой лексики может привести к ухудшению качества общения. В результате все большего использования информационно-коммуникативных технологий и социальных медиа у молодых людей снижается концентрация, они теряют навык чтения длинных текстов, начитанность заменяется «нагугленностью» [2, с. 17]. Мемы и неологизмы могут способствовать появлению стереотипов, что, возможно, приведет к стереотипному мышлению и даже к дискриминации различных групп людей. Большое количество новых слов и фраз, блендинга может привести к размыванию значений и утрате ясности в коммуникации и конфликту в понимании между людьми разных поколений или культур. Некоторые мемы и фразеологизмы могут содержать негативные или оскорбительные смыслы, что, конечно, будет негативно сказываться на общественной культуре и морали.

Список цитируемой литературы:

1. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/golosovye-soobshchenija-pochemu-by-i-net (дата обращения 26.03.2024).

2. Гавриленко, О.В. Цифровые технологии и современные режимы коммуникации / О.В. Гавриленко // Трансформация коммуникации в цифровую эпоху: материалы научной онлайн-конф. с международным участием. – М.: МАКС Пресс, 2020. – С. 12 – 19.

3. Грамота. Ру. URL: https://gramota.ru/meta/frazeologizm (дата обращения 25.03.2024).

4. Иссерс, О.С. Массовая речевая культура в аспекте медиатизации социальных коммуникаций / О.С. Иссерс // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2019. – Т. 18. – № 6. – С. 177 – 187.

5. Касперова, Л.Т. Блендинг в интернет-коммуникации: лингвокреативный аспект (на материале социальной сети «ВКонтакте) / Л.Т. Касперова, Н.В. Смирнова // Медиамонитор. URL: https://mediamonitormsu.ru/ analiz-media-kontenta/?ELEMENT_ID=98414 (дата обращения 27.03.2024).

6. Новое в русской лексике. Словарные материалы. URL: https://neolex.iling.spb.ru/about (дата обращения 22.03.2024).

7. Сафронов, С.М. К вопросу использования интернет-мемов в преподавании иностранных языков (на материале английского языка / С.М. Сафронов // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 9. – 2 (72), 2022.

8. Телия, В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологические аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

9. Филиппова, О.Н. Фразеология русского языка как источник сведений о культуре и менталитете русского народа / О.Н. Филиппова // Современный ученый. – 2020. – №1. – С. 211 – 212.

10. Чернова, Т.А. Мем как новый вид фразеологизма в аспекте лингвистической экспертизы / Т.А. Чернова // Медиалингвистика. Материалы VI международной научной конференции. – Санкт-Петербург, 2022. – С. 284 – 288.

Ковыршина О.А., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия

ПРИНЦИПЫ ОТБОРА СОДЕРЖАНИЯ ПРОЕКТНЫХ РАБОТ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация

На этапе среднего общего образования существуют особенности организации проектной деятельности. В статье рассмотрены основные принципы, влияющие на отбор содержания проектных работ по русскому языку. Ограничения лингводидактического характера связаны со своеобразием лингвистики как науки и изучением языка в образовательных целях.

Ключевые слова: метод проектов, язык, лингвистика, принцип, компетенция.

Современное российское образование переживает сложный период модернизации, что приводит в том числе к изменению самого взгляда на процесс образования. Сегодня одной из приоритетных задач образования является переход от пассивного накопления и усвоения знаний к развитию личности, совершенствованию индивидуальных способностей ребенка. Общение учителя и ученика переходит на новый уровень, предполагающий гармонизацию их межличностных и социальных отношений. Общение в формате «ребенок – взрослый» будет естественным в том случае, если оба включены в совместную деятельность. Ею может стать работа над проектом.

Метод проектов органично вписывается в структуру ФГОС и в полном объеме соответствует заложенному в них основному подходу. Проектная деятельность предполагает самостоятельную работу обу-

чающихся на уроке или за его пределами, характеризующуюся строгим планированием, следованием определенным этапам и обязательной фиксацией полученных результатов.

Учебный проект для школьника является возможностью узнать новую информацию, продемонстрировать свои практические навыки в самостоятельной или групповой деятельности, проявить творческие способности. Учитель найдет в проекте средство, позволяет научить школьника целенаправленной деятельности по решению образовательной задачи.

Метод проектов многофункционален, то есть позволяет формировать и развивать у ученика целый ряд ключевых компетенций: коммуникативную, информационную, учебно-познавательную, общекультурную и др. При работе над проектом стимулируется познавательная и самостоятельная деятельность школьника, создаются условия для его творческой активности, а также развивается системное мышление, формируются навыки самостоятельного приобретения знаний, анализа данных, применения знаний для решения практических задач и т.д. Таким образом, в основе проектного обучения лежит рефлексивно-деятельностная парадигма, которая предполагает активные действия учащихся, обязательную рефлексию, что ведет к осознанному пониманию проблем и способствует индивидуальному саморазвитию школьников.

Учителю и ученику предоставляются широкие возможности выбора областей для проектной деятельности, так как современные образовательные стандарты и существующие программы не определяют, какие темы или проблемы необходимо изучать с помощью новой технологии. То есть на выбор темы влияет позиция учителя и руководителя, их интересы и возможности. Тем не менее стоит принять во внимание ограничения «лингводидактического характера» [1, с. 20], которые определяются спецификой лингвистики как науки и изучением языков в образовательных целях.

Проектная деятельность позволяет формировать у учащихся ключевые компетенции, особенно востребованные в XXI веке: способность самостоятельно и нешаблонно мыслить, умение быстро и эффективно организовывать поиск информации, рационально распоряжаться временем, работать в команде. Для школьников учебный проект по русскому языку предоставляет возможность проявить креативность, решая интересную проблему, это самостоятельная деятельность, результаты которой выносятся на публичное обсуждение и оценку.

Учитель-предметник рассматривает учебный проект в качестве «интегративного дидактического средства развития, обучения и воспитания, которое позволяет вырабатывать и развивать специфические умения и навыки проектирования» [2, с. 24]. Таким образом, проектная

деятельность позволяет синтезировать современные информационные технологии, личностно-ориентированный подход в обучении и самостоятельную работу учащихся.

Учитель, выстраивая проектную деятельность с учениками старшей школы, должен учитывать принципы «научности, опоры на базовое образование, этичности, коммуникативности, межпредметных связей, практической значимости» [1, с. 20 – 21].

Проектная деятельность школьника не является в строгом смысле научной, но в главных своих чертах (этапы, понятийный терминологический аппарат, методы исследования) повторяет научное исследование. Исследовательские проекты по русскому языку, базирующиеся на данном принципе, закладывают у учащегося основы научного лингвистического мировоззрения. Например, школьник в своей работе использует понятия, соответствующие терминологическому аппарату лингвистики, учится применять, естественно, в доступном, адаптированном виде, научные методы исследования языкового материала. Принцип научности реализуется в том случае, если языковое явление рассматривается с разных точек зрения, с учетом сложившихся в академической науке теорий. Исследования показывают, что старшие школьники интересуются скорее функционированием языка, нежели пристальным рассмотрением его ярусов, системного устройства. В этой связи проектная деятельность предоставляет возможность обратить внимание учеников на языковую систему как на динамичное, развивающееся явление.

Несомненно продуктивным в школьной практике является функциональный подход в изучении языка, учитывающий тот факт, что в языке реализуется множество функций. Ученики видят язык «в действии». Функциональный подход в проектной работе старшеклассников дает хорошие результаты. Это обусловлено следующими причинами: 1) современная лингвистика основывается на том, что невозможно изучить законы языка без учета его функционирования; 2) авторитетные психологи утверждают, что интерес старшеклассника к лингвистике в большинстве случаев продиктован тяготением к саморефлексии, стремлением раскрыть свою личность через язык. Ученики, будучи носителями и пользователями родного языка, воспринимают его прежде всего с утилитарной точки зрения, что обеспечивает функциональный подход в лингвистике.

Учитель, формулируя тему проекта, не должен забывать, что рассмотрение какого-либо языкового явления в функциональном аспекте сопряжено с бóльшими трудностями, нежели рассмотрение его же в системном аспекте. Так, например, ученика может заинтересовать тема «Специфика общения в малых социальных группах (программисты)». В силу малого опыта исследовательской деятельности и скромной

осведомленности в области лингвистики он не понимает, что предлагаемая тема имеет функциональный аспект и, следовательно, для ее раскрытия необходимо будет рассмотреть ситуации общения, речевые жанры общения, свойственные коллективу программистов, проанализировать тексты диалогов и полилогов, которые возникают в результате этого общения. Грамотный учитель предложит перевести эту тему в область лексики, то есть применить системный подход к изучаемому явлению. В этом случае родится другая, более простая и понятная тема «Профессиональные термины и жаргонизмы в речи программистов». Задача ученика-исследователя сведется к фиксированию профессионально-специфической лексики и её объяснению. С нею школьник справится уверенно, без дополнительных подсказок и объяснений.

Перспективным в проектной деятельности по русскому языку выглядит экстралингвистический подход к изучению языка, когда рассматривается его связь с внеязыковыми реалиями. Сегодня многие темы проектных работ выходят в область социолингвистики, исследования способов коммуникации, в том числе невербальных. Ученые, методисты отмечают, что к недостаткам современных проектных работ следует отнести видимую наукообразность в формулировке тем. Так, в названиях могут употребляться сложные и относительно новые лингвистические понятия, например «языковая картина мира» и «концепт». Старшеклассники пытаются анализировать различные концепты и определять их роль в языковой картине мира носителя: «воля», «дом», «смирение», «жизнь», «вера» и т.д. В большинстве случаев начинающие исследователи допускают одну и ту же ошибку: они дают определение концепта, а затем переходят к рассмотрению не основного понятия, а лексического значения выбранного слова. Такая ситуация обусловлена тем фактом, что ученик не владеет научной методологией исследования концептов в силу сложности данного направления, отсутствия адаптированных для школьной практики научных понятий по выбранной теме. Учитель, будучи руководителем проекта, не в силах разрешить сложившуюся ситуацию и помочь ученику, потому что нельзя без апробирования перенести научную проблематику в стены школы и сделать ее содержанием учебно-исследовательской работы. Соблюдение принципа научности при выполнении учащимися проекта предполагает использование лингвистической терминологии, а также лингвистических методов исследования. Естественно, они даются в адаптированном виде, с учетом возрастных и психологических особенностей школьников. Научные методы помогают выбрать верное направление исследования, не допускают использования сложной метафорики, образной лексики, наподобие «магия слова», «аура слова» или «положительная энергетика».

Следование принципу научности при выполнении проекта вовсе не предполагает, что учащиеся должны сказать новое слово в лингвистике или решить актуальную для современной науки проблему. Скорее их задача – «войти» в науку, чтобы получить опыт практической исследовательской деятельности.

Принцип научности рассматривается в тесной связи с принципом опоры на основное базовое образование. При организации и осуществлении проектной работы учитывается комплекс знаний по русскому языку, приобретенный за время учебы. В ходе исследовательской деятельности этот фундамент необходим для дальнейшего углубления и расширения знаний об отдельных явлениях языка, методах лингвистического анализа.

Если обратиться к формулировкам тем проектных работ, то во многих случаях можно обнаружить опору на базовый курс русского языка. Например:

- История заимствованных слов из немецкого языка русским.
- Тире и двоеточие в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» в сравнении с современными правилами их употребления.
- Термины грамматики в школьных учебниках русского языка начала и конца XX столетия.

Учитель может предложить такую тему проекта, которая позволит школьнику, с одной стороны, продемонстрировать свои системные знания по русскому языку, а с другой – пополнить копилку лингвистических терминов и понятий, ознакомиться с новыми методами ведения исследования. К числу таких относится тема «Словотворчество в ранней лирике В.В. Маяковского» (11 класс). При выполнении данного проекта ученик должен опираться на свои базовые знания о морфологии, морфемах, морфологических способах словообразования, а также уметь производить морфологический, морфемный и словообразовательный анализ. Одновременно, работая над темой проекта, учащийся получает новые знания об идиостиле, окказионализмах, окказиональном словообразовании, синтаксико-морфологических способах словообразования, тренирует навык словообразовательного анализа.

Если старшеклассник выберет, например, тему проекта «Топонимика города Липецка», то он так же, как и в представленном выше примере, будет использовать знания по морфологии, морфемике и словообразованию, которые получил до этого в школьном курсе русского языка. Погружение в ономастику потребует от ученика повторения термина «топоним», а также усвоения нового – «годоним». Работая с источниками по языкознанию, старшеклассник узнаёт о ведущей роли исторического подхода в ходе анализа топонимов, а также о таких методах лингвистического исследования, как ареальный, семиотический и статистический.

Перспективной с точки зрения новизны, прикладного характера исследования и углубления знаний учащегося по предмету выглядит тема проекта «Языковая норма и язык региональной телерекламы». В данном случае школьник осваивает понятие языковая норма в широком смысле через конкретизацию фонетической, морфологической, а также синтаксической нормы. В проекте необходимо уделить внимание и разговорной норме, так как этот термин сравнительно недавно появился в лингвистике и в школьном курсе русского языка еще не представлен.

Принцип этичности учитывает в данном случае не столько научную этику, сколько отбор языковых явлений. Ученикам, как правило, нравится заниматься исследованием современного русского языка. Такого рода исследование практически невозможно без фиксации текстов живой разговорной речи, в которой допускаются речевые ошибки, используются просторечия и сниженная лексика, сленговые словечки, иногда арго. С одной стороны, учащиеся могут в качестве антипримера захотеть рассмотреть образцы криминального жаргона, с другой – учителя, безусловно, остановит гипертрофия синонимических рядов со значением насилия. Настенные граффити, жаргон наркоманов, скабрезные анекдоты, шутки сомнительного содержания не могут выступать в качестве объектов для проектной работы по русскому языку из-за этических соображений.

Принцип коммуникативности связан с ключевой для предмета идеей развития и совершенствования связной речи учащихся, сознательного усвоения ими речеведческих понятий. Сформированные коммуникативные умения и навыки являются залогом успешного выполнения и защиты проекта. В проектной деятельности практическая цель, а именно совершенствование навыков речевого общения, является одной из первостепенных. Для достижения этой цель важно на практике использовать язык. «Учиться общению, общаясь» – в основе принципа коммуникативности лежит этот постулат. В этой связи продуктивность и необходимость проектной работы по русскому языку обусловлена тем, что ученик на разных этапах ее выполнения сталкивается с разными ситуациями общения, которые предполагают выполнение реальных коммуникативных задач. То есть перед учителем не стоит настоятельная потребность моделировать ситуацию, специально разрабатывать упражнения и задания, развивающие коммуникативные умения старшеклассников.

В процессе выполнения проекта возникают ситуации, предполагающие смену разных видов деятельности: чтение и аудирование, письмо и говорение, монологическая и диалогическая речь. Ученик определяет с руководителем будущую тему проекта, совместно они отбирают языковой материал, который станет объектом исследования. Важный этап работы – чтение, конспектирование и тезирование науч-

ной литературы по теме. Ученик приобретает опыт создания и редактирования собственного текста учебного исследования в научном стиле речи. Затем текст должен быть преобразован в устное, достаточно краткое высказывание с учетом особенностей восприятия потенциальной аудитории. На последнем этапе защиты проекта необходимо продемонстрировать умение вести диалог со слушателями.

Работа над проектом вызывает к жизни учебную ситуацию, когда школьник чувствует настоятельную потребность высказаться в устной или письменной форме на научную лингвистическую тему и получить адекватную реакцию. Ученик может выступить с презентацией своего проекта на конференции исследовательских работ школьников, и это повысит его социальный статус старшеклассника, позволит почувствовать себя в новой социальной роли, которая предполагает совершенно иной стиль общения. Рефлектирующий старшеклассник, пройдя через опыт нового речевого общения, обязательно осознает, что коммуникация между людьми определяется социальными характеристиками участников диалога, конкретными условиями общения.

Проект помогает учащемуся приобрести коммуникативный опыт и, главное, осознать его в лингвистическом ключе. Именно при включении этих механизмов формируется необходимая коммуникативная компетенция. Она же обязана своим существованием речевой и языковой рефлексии, которая проявляется в ходе работы над проектом. Высокая степень эмоциональности при выполнении проекта обусловлена уверенностью учащегося в том, что он сделал собственное открытие, значимое в качестве личного достижения. Таким образом, занятия проектной деятельностью обеспечивают на высоком уровне сознательное усвоение языка

В проектной работе важная роль отводится принципу межпредметных связей, когда задействованы в первую очередь дисциплины филологического цикла. Анализ художественного текста, например, не мыслится без использования знаний из области литературы, а изучение тем, связанных с происхождением слов, заимствованиями, фразеологизмами предполагает обращение к иностранным языкам. Если направлением проектной работы становится ономастика, то будут востребованы знания из смежных дисциплин: географии и истории.

Для иллюстрации положения о значимости принципа межпредметных связей приведем примеры проектов, которые активизируют и расширяют знания по истории, математике, биологии и ряду других школьных дисциплин:

- Слово «кремль» в русском языке: происхождение, значение, восприятие.

- Политические заимствования из французского языка периода Екатерининской эпохи.

- Политико-правовые понятия и термины, восходящие к Античности (на примере документов, разработанных графом М. М. Сперанским).

- Особенности заимствований из французского (XVIII-XIX вв.) и английского (XX-XXI вв.) языков в русский.

- История военной терминологии в русском языке (на примере названий должностей).

- Топонимика Липецкого края.

- Происхождение моей фамилии.

- Математические методы при анализе стихотворного текста.

- В поисках света (понятие «свет» в разных предметных областях школьного обучения).

- Лингвистический анализ текстов из учебников истории и биологии.

- Функциональные особенности музыкальных терминов в системе современного русского языка.

- Лингвистический анализ текстов математических задач.

- Проблема понимания правовых текстов.

Выполнять современное исследование эффективно и с меньшими трудозатратами школьникам помогают информационные технологии. Нахождение и обработка собранного и проанализированного материала, создание статистических таблиц, графиков и диаграмм, редактирование текста, создание презентаций уже невозможны без использования компьютерных программ.

Учитывая требования, предъявляемые к проекту, и названные принципы, можно внести ясность в то, что понимают под грамотно выбранной темой. Это тема, которая «отвечает целям и задачам исследовательской и проектной деятельности как новым технологиям в школьном образовании, т. е. она соответствует задачам развития личности» [1, с. 26].

Список цитируемой литературы:

1. Абрамова, С.В. Проектная работа старшеклассников. 9-11 классы: пособие для учителей общеобразоват. Учреждений / С.В. Абрамова. – М.: Просвещение, 2017. – 176 с.

2. Пахомова, Н.Ю. Метод учебных проектов в образовательном учреждении: Пособие для учителей и студентов педагогических вузов / Н.Ю. Пахомова. – М.: АРКТИ, 2003. – 112 с.

Кульгавчук М.В., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова», г. Москва, Россия
Лыткина О.И., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова», г. Москва, Россия

КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РКИ

Аннотация

Статья посвящена решению проблемы культурной адаптации иностранных студентов и представляет собой методическое описание урока РКИ, посвященного одному из главных религиозных праздников – Пасхе. Предлагаются тесты и задания, позволяющие не только сформировать коммуникативные навыки, но и познакомить обучаемых с традициями русской культуры, которые находят отражение в искусстве и бытовой жизни. Особое внимание уделяется совокупному применению аудио- и визуального рядов для лучшего усвоения лингвострановедческого материала.

Ключевые слова: методика преподавания иностранных языков, русский язык как иностранный, культурная адаптация, лингвострановедение, Пасха.

Процесс обучения иностранцев русскому языку не может быть оторван от проблемы адаптации личности, ощущающей свою «чуждость» культурно-языковой среде, к ее традициям, особенностям быта и поведения, наконец, к миру русского искусства и литературы. Не случайно само понятие «адаптация» – ключевое слово, весьма часто встречающееся в работах, посвященных методике РКИ. И если раньше в такого рода исследованиях речь шла о том, как облегчить процесс обучения именно студентов-иностранцев, попадающих в русскоязычную среду и овладевающих той или иной специальностью, то сегодня становится понятно, что именно необходимость адаптации к русской культуре, осознанное стремление принять ее принципы, как необходимое условие проживания в России, может быть принято во внимание специалистами разного уровня, имеющими дело с мигрантами, выбирающими нашу страну как место проживания.

Ошибки в миграционной политике, совершенные ранее и совершаемые сегодня в ряде европейских стран, связаны с желанием проявить пресловутую толерантность, но они приводят к нежеланию наводняющих Европу мигрантов понимать мир, в который они входят.

Разумеется, речь не идет о насильственном обращении иностранцев в людей, забывших о своих корнях и готовых принять чужие традиции, религию, бытовой уклад. Но «чужой монастырь» должен быть воспринят как совокупность традиций, которые следует изучить, принять во внимание принципы, лежащие в основе сформировавшегося русского мира.

В процессе обучения иностранных студентов, даже если их планы не связаны с долгим пребыванием в нашей стране, преподаватель должен чрезвычайно осознанно относиться к возможности ознакомить студентов не только с лексико-грамматическим материалом, но и с теми реалиями русской культуры (как в высоком, так и в бытовом понимании), которые помогут облегчить как процесс адаптации к новым условиям, так и сам процесс обучения, главное место в котором занимает текст. Как известно, текст, не содержащий культурем, скучен, даже если это текст официально-делового или научного стиля, художественный текст без них невозможен [4]. Понимание культуры, выраженной в тексте, обеспечивает ощущение причастности к той же социально-культурной группе, к той же нации, понимание национальной картины мира, выраженной в языке. Подобный подход стал реализоваться с конца 60-х гг. XX в. в форме лингвострановедения [2], а в рамках компетентностного подхода ученые-методисты уделяют особое внимание формированию социокультурной и лингвострановедческой компетенций [5]. Социокультурная и лингвострановедческая компетенции предполагают знание национальных традиций, обычаев, культурных реалий страны изучаемого языка, социального и речевого поведения носителей изучаемого языка, а также выражаются в способности «пользоваться такими знаниями в процессе общения, следуя обычаям, правилам поведения, нормам этикета, социальным условиям и стереотипам поведения носителей языка» [1, с. 287]. Этим объясняется создание лингвострановедческих словарей и актуальность исследования языковых единиц, содержащих культурную информацию.

Иногда отправной точкой для экскурса в мир русской культуры могут стать вопросы от самих студентов: «Почему рядом с храмом было много людей, которые несли кексы и яйца?»; «Почему женщины около метро продавали очень странные цветы?» (речь идет о веточках вербы). Именно эти вопросы показались нам поводом для того, чтобы показать, как можно построить урок, который даст возможность познакомить студентов с широким миром ассоциаций, связанных с темой Пасхи как одного из важнейших, ключевых понятий русской культуры, причем не только религиозной.

Разумеется, разговор на эту тему нужно начать с обсуждения самого праздника. Студентам может быть предложен небольшой текст,

который познакомит их с пасхальной традицией. Вначале обучаемым предлагаются предтекстовые упражнения и список ключевых слов, с которыми они должны провести словарную работу: *Пасха, православие, православный, воскресение, всенощная, заутреня, великий пост, трапеза, кулич, творожная пасха*.

Текст[1]

Пасха – праздник праздников, самый главный для православных христиан церковный праздник, в этот день люди радуются спасению мира и человека, победе жизни над смертью, добра и света над злом и тьмой.

Христианская Пасха напоминает людям о жертве Иисуса Христа, о его смерти на кресте и о его чудесном воскресении. Пасху отмечают по лунному календарю, поэтому у праздника нет постоянной даты. Самая ранняя Пасха в истории православия была 4 апреля, а самая поздняя – 7 мая. Перед Пасхой все верующие должны соблюдать Великий Пост, который продолжается 48 дней. Это семь недель, в течение которых нужно посвятить себя молитве и воздержанию, которое проявляется и в отношении к еде: во время великого поста нельзя есть мясо, молочную пищу, рыбу, яйца. Мысли верующего человека в это время должны быть обращены к Богу.

Существует традиция празднования Пасхи, верующие строго относятся к ее соблюдению. Пасха всегда отмечается в воскресенье – название этого дня недели напоминает о воскресении Христа. В ночь с субботы на воскресенье проходит торжественная служба в храмах, она называется всенощная, утром – заутреня. Важная часть праздника – утренняя трапеза. Стол накрывали белой скатертью, на нем обязательно были крашеные яйца, которые заранее освящали в храме, куличи и творожная пасха. Особое место на пасхальном столе занимали мясные блюда из свинины, говядины, закуски из овощей и грибов. В конце пасхальной трапезы подавали сладкие блюда, десерты.

Существует традиция меняться яйцами и христосоваться (трижды целоваться в щеку), произнося при этом: «Христос воскресе!», и обязательным должен быть ответ: «Воистину воскресе!». Эти слова используются как форма приветствия и поздравления во время пасхальной недели.

Конечно, традиции бывают разными. Но этот прекрасный праздник отмечают даже в тех семьях, которые не считаются религиозными, ведь он посвящен чуду воскресения того, кто принял смерть ради других людей.

[1] Текст предназначен для учащихся уровня В1. Здесь и далее уровень сложности текста определялся на сайте https://textometr.ru/ (дата обращения: 10.05.2024).

Далее студентам предлагается ответить на вопросы по тексту. Это задание направлено на проверку понимания текста, повторение грамматики, например:

1. *О чем напоминает людям праздник Пасхи?*
2. *Почему у этого праздника нет точной даты?*
3. *Когда была самая ранняя и самая поздняя Пасха?*
4. *Что такое Великий Пост?*
5. *Каковы традиционные виды пасхальных угощений?*

Текстов, рассказывающих о религиозном празднике, в учебных пособиях по русскому языку как иностранному представлено довольно много. Нам представляется, что знакомство с праздником может стать для преподавателя лишь началом разговора о том, какое место занимает этот праздник в русской культуре, каким образом он отразился в музыке, живописи, литературе и декоративно-прикладном искусстве.

Как и многие другие стороны религиозной жизни, праздник Пасхи повлиял на такой значимый срез русской культуры, как ювелирное искусство. Имя талантливого ювелира Фаберже известно знатокам русской истории и культуры, изделия этой фирмы хранятся во многих знаменитых коллекциях. Текст, который может быть предложен студентам далее, наглядно показывает связь религиозной и бытовой составляющей культуры.

Данный текст направлен на развитие навыков ознакомительного чтения, но может рассматриваться как материал для изучающего чтения.

Перед прочтением текста нужно обратить внимание студентов на новые слова: *ювелир, ювелирный, эмаль, драгоценные камни, хрусталь, карельская береза, сохранять интригу*.

Текст 2[1]

Шедевры дома Фаберже

С праздником Пасхи связана пословица «Дорого яичко ко Христову дню». Она означает, что ценным является тот подарок, который подарили вовремя. Именно такими подарками были знаменитые яйца Фаберже. Это не простое крашеное или даже красиво расписанное яйцо, а прекрасная ювелирная работа, для создания которой использовали золото, эмаль, драгоценные камни, горный хрусталь.

Семья Фаберже приехала в Россию из Франции, в 1842 году была образована ювелирная фирма. Известность ювелирная фирма получила благодаря изготовлению яиц для царской семьи. Император Александр III подарил супруге Марии Федоровне, бывшей датской принцессе, яйцо работы Карла Фаберже. Этот подарок и послужил основой будущей коллекции и традиции, когда каждый год члены император-

[1] Текст предназначен для учащихся уровня B1 – начала B2.

ской семьи получали в подарок пасхальное яйцо работы Карла Фаберже.

Принимаясь за работу над будущим подарком, Карл Фаберже должен был придерживаться формы яйца. Содержимое яйца он должен был связывать с жизнью царской семьи и не повторяться. Конечно, император интересовался сюжетом новой работы, однако ювелир всегда сохранял интригу и отвечал так: «Ваше Величество будет довольно».

Карлом Фаберже было создано 71 яйцо, более 50 — императорские. И каждый сюрприз — чудо в миниатюре. Самый знаменитый – точная копия кареты Николая II, самые неожиданные – маникюрный набор и карта империи с Транссибирской магистралью.

Карл Фаберже был потомственным ювелиром, над царскими подарками трудился не только он один, а целый коллектив. На каждую работу коллектив ювелиров тратил год – как раз до новой Пасхи.

После смерти Александра III его сын Николай II продолжил традицию отца. Теперь подарки работы Фаберже получали супруга и мать императора.

В ювелирной работе использовали не только благородные металлы. В предреволюционные годы многие мастера фирмы Фаберже отправились на фронт, и в тяжелые для страны времена Александра Федоровна получила в подарок яйцо «Военное стальное». А в 1917-м для Марии Федоровны было изготовлено яйцо из карельской березы.

Увидеть яйца Фаберже можно своими глазами. Самая большая в мире коллекция яиц находится в Санкт-Петербурге, в Музее Фаберже, вторая по размерам – в Оружейной палате, еще по одному – в экспозиции Эрмитажа и Минералогического музея; где находятся еще восемь императорских подарков – до сих пор неизвестно.

После прочтения текста учащимся можно предложить вопросы, для того чтобы определить, насколько учащимися понят текст:

1. *Как вы понимаете пословицу, которая приводится в тексте?*
2. *Сколько времени уходило на изготовление каждого яйца?*
3. *Какие материалы использовались при изготовлении этих ювелирных изделий?*
4. *Кто получал эти драгоценные подарки?*
5. *Всегда ли ювелиры использовали благородные материалы для изготовления яиц?*
6. *В каких музеях можно увидеть яйца Фаберже?*

Продолжить пасхальную тему может обращение к музыке, например, к одному из самых знаменитых творений великого композитора Сергея Рахманинова – «Всенощное бдение». Разговор об этом произведении лучше начать с прослушивания фрагмента (один из са-

мых ярких – «Ныне отпущаеши»). Студентам может быть предложен также текст об этом композиторе в качестве работы для развития навыков аудирования. В тексте представлены наиболее важные факты жизни, биографии композитора. Разумеется, если речь не идет об обучении русскому языку профессиональных музыкантов, можно ограничиться интересными фактами из биографии композитора. Важно, чтобы «музыкальная составляющая» создала необходимую атмосферу, эмоционально воздействовала на слушателей [3].

Говоря о культурной традиции, связанной с праздником Пасхи, с Воскресением Христа, можно упомянуть и о литературе, живописи, в том числе народном творчестве. Возможности, которые предоставляет русская культура, поистине безграничны, и важно не забывать о них в процессе преподавания русского языка как иностранного, так как изучение языка неразрывно связано с процессом постижения культуры.

Список цитируемой литературы:

1. Азимов, Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.

2. Верещагин, Е.М. Язык и культура: три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров; под ред. Ю.С. Степанова; Гос. Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. – М.: Индрик, 2005. – 1037 с.

3. Конюхова, Е.С. Музыка как один из инструментов познания художественного текста в иностранной аудитории (на материале произведений Л. Петрушевской и Д. Рубиной) / Е.С. Конюхова, О.И. Лыткина // Языки. Культуры. Перевод. IX Международный научно-образовательный форум. – М., 2023. – С. 94 – 102.

4. Костомаров, В.Г. Современный русский язык и культурная память / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова // Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров / Редкол.: Трошина Н.Н. и др. – Москва, 2000. – С. 23 – 36.

5. Кульгавчук, М.В. Русская Культура на уроках РКИ: слушаем, читаем, обсуждаем / М.В. Кульгавчук // Русский язык и культура в зеркале перевода. – Москва, 2020. – С. 300 – 308.

Петанова А.Ю., канд. филол. наук, доцент
Государственный университет просвещения
г. Москва, Россия
Шныптева Д.Д., студент
Государственный университет просвещения
г. Москва, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИЗУАЛЬНЫХ НОВЕЛЛ ПРИ ОБУЧЕНИИ ГОВОРЕНИЮ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ОБУЧЕНИЯ

Аннотация

В данной статье исследуется применение визуальных новелл в качестве средства обучения говорению на начальном этапе обучения иностранных учащихся. Рассматриваются теоретические основы использования данной технологии в образовательном процессе. Центральное место в работе занимает описание педагогического эксперимента, проведенного с целью оценки эффективности визуальных новелл в развитии навыков устной речи.

Ключевые слова: коммуникативная направленность, речевая деятельность, визуальная новелла, русский язык как иностранный, информационно-коммуникационные технологии.

В настоящее время цифровые технологии всё больше и больше проникают во все области жизнедеятельности человека. Под термином «информационно-коммуникационные технологии» Е.В. Клоков и А.В. Денисов понимают «широкий спектр цифровых технологий, используемых для создания, передачи и распространения информации и оказания услуг (компьютерное оборудование, программное обеспечение, телефонные линии, сотовая связь, электронная почта, сотовые и спутниковые технологии, сети беспроводной и кабельной связи, мультимедийные средства, а также Интернет)» [2, с. 30].

В методике обучения русского языка как иностранного, как и в других сферах образования, постоянно возникает потребность в новых и эффективных средствах обучения, связанных прежде всего с компьютерными технологиями. Использование современных ИКТ позволяет разнообразить учебный процесс, сделать его более увлекательным и интерактивным, способствует повышению уровня мотивации студентов, развитию их самостоятельности и творческой активности. Если говорить о более узкой сфере преподавания иностранных языков, то стоит отметить, что ИКТ оказывают значительную помощь в совершенствовании языковой подготовки и развитии навыков и умений в речевой деятельности при изучении лексики, фонетики, отработке произношения,

обучении монологической и диалогической речи, а также в совершенствовании навыков письма и говорения. С помощью ИКТ можно имитировать или создавать реальную языковую среду для формирования коммуникативных навыков и умений, благодаря чему значительно повышается эффективность обучения иностранным языкам, в частности, РКИ.

Среди современных средств, которые могут быть эффективными в преподавании РКИ, можно назвать **визуальную новеллу**. Преподаватели РКИ (в отличие от студентов) часто даже не знают, что это такое, поэтому использование визуальных новелл в обучении иностранному языку мало распространено. Визуальные новеллы можно отнести к «эдьютейнменту», «обучению через развлечение», одной из современных и распространенных сегодня технологий обучения, при которой учебный процесс становится более лёгким и увлекательным. Игра является одной из базовых форм «эдьютейнмента», хотя и не единственной. Е.Ю. Кармалова отмечает, что содержание понятия «эдьютейнмент» намного шире, чем понятие игры, ведь игра в рамках эдьютейнмента выступает лишь одним из элементов [1, с. 64].

Что стоит за понятием визуальной новеллы? **Визуальная новелла,** или визуальный роман, представляет собой один из жанров компьютерных игр, характеризующийся наличием текста и изображений (статичных или динамичных), а также музыкой, которая сопровождает текст. По своей структуре новелла является жанром текстового квеста. Визуальные новеллы относятся к играм с низкой степенью интерактивности – обычно достаточно делать немногочисленные выборы, чаще всего относящиеся к выбору реплик персонажей в диалоге. Как правило, дизайн персонажей выполнен в стиле аниме. Жанр визуальной новеллы зародился в Японии. Многие визуальные новеллы сопровождаются голосовым подкреплением, т.к. обычно главный герой, за которого выступает игрок, ничего не говорит вслух. Благодаря этому игроку легче ассоциировать себя с главным героем, ставить себя на его место. Визуальные новеллы отличаются особой графикой. Обычно визуальная составляющая представляет собой набор фонов и спрайтов (рисунков персонажей, которые обычно накладываются поверх фонового изображения). Чаще всего в визуальных новеллах используется вид от первого лица, чтобы игрок мог поставить себя на место основного персонажа и ассоциировать себя с ним.

Визуальная новелла обладает сочетанием естественного языкового кода с кодом иной семиотической системы (например, изображение и музыкальное сопровождение). Визуальную новеллу можно отнести к «поликодовым» текстам.

Использование визуальных новелл является хорошей возможностью для внесения разнообразия в процесс учебной деятельности, переключения на нестандартные форматы работы. При разработке обу-

чающей игры и превращении ее в учебный контент необходимо планировать конкретные цели и задачи обучения для студентов. Образовательный контент можно интегрировать, разрешив главному герою участвовать в разговорах на актуальные темы с другими участниками игры. Это поможет игроку получить новые знания по предмету в более естественной и увлекательной форме.

Нами было проведено небольшое исследование по интегрированию визуальной новеллы как нового метода ИКТ в учебный процесс. Для иностранных учащихся (китайские студенты, уровень владения РКИ А2) было принято решение разработать фрагмент визуальной новеллы как модели коммуникативной ситуации с несколькими возможными вариантами концовки. В процессе просмотра фрагментов и продвижения в игре посредством чтения текста студент-«игрок» должен на определённом этапе принять самостоятельное решение и сделать выбор в ситуации сюжетной развилки. Каждый из вариантов выбора приводит к определённому результату. Таким образом, студент-«игрок» на всём этапе прохождения игры активно участвует в сюжете игры и включается в интерактивную работу на русском языке. Необходимость принятия самостоятельных решений мотивирует его ещё больше погружаться в «языковой мир» игры.

Тема 1: Коммуникативная ситуация «Конфликт».

Требуемый уровень владения русский языком: А2. Некоторые слова и конструкции не входят в лексический минимум А2, однако активно используются носителями русского языка в разговорной речи. Эта лексика требует дополнительного комментария, который представлен в виртуальной новелле особым персонажем. Это помощница по имени Катя. Перед началом работы над коммуникативной ситуацией по теме «Конфликт» она появляется на экране, чтобы познакомить студента с новой лексикой. Катя озвучена с помощью искусственного интеллекта Elevenlabs.io.

Сюжет фрагмента игры: сегодня Кима заселили в общежитие. Его нового друга зовут Миша. Он одногруппник Кима. Миша живёт с Кимом в одной комнате. К сожалению, Миша очень шумный. Он часто шумит вечером и мешает Киму спать. Помогите Киму решить эту проблему.

I. Вариант предтекстовых заданий. Все задания выполняются учащимися непосредственно на уроке.

1. В тексте вы встретите новые слова. Посмотрите обучающее видео и познакомьтесь с ними.

Слова: заселить в общежитие, выселить из общежития, комендант, к сожалению, мешать, шуметь, выспаться, уснуть, наушники сломались, включить/выключить музыку, бессмысленно разговаривать, вернуть, замечание, жаловаться/пожаловаться.

2. Проверьте, правильно ли вы поняли значение этих слов из видео и объяснений Кати.

Кто такой одногруппник?

Кто такой комендант общежития?

Заселить в общежитие

Выселить из общежития

Шуметь

Мешать

Жаловаться/пожаловаться кому?

Выспаться

3. Закончите предложения, используя текст новеллы.

1) Кима заселили (куда?) ____.

2) Миша (что делает?) ____ Киму.

3) Миша ночью часто (что делает?) __.

4) Миша мешает (кому? Что делать?) __.

5) Ким может пожаловаться (кому?) _____.

6) Ким не может хорошо ночью (что сделать?) _____.

4. **Найдите слова с противоположным значением, составьте с ними словосочетания.**

Модель днём – ночью: слушать музыку ночью/ слушать музыку днём.

Слова: громкий, тихий, редко, утром, включать.

5. Образуйте императив от глаголов. На основе текста напишите, что говорит Ким, что говорит Миша.

***Модель*:** жаловаться – жалуйся. Не жалуйся коменданту!

***Глаголы*:** выключать, помочь, мешать, поговорить, слушать, просить, включать, ложиться.

II. Притекстовое задание:

1. Прочитайте новеллу. Как вы думаете, какой Миша сосед? Вы хотите иметь такого соседа в своей комнате?

III. Послетекстовые задания:

1. Вопросы для обсуждения на занятии:

- Почему вы пойдёте жаловаться к коменданту?
- Почему вы не пойдёте жаловаться коменданту?
- Почему Миша слушает музыку?

2. Игра по ролям. Представьте, что…

а) Вы – Миша, музыка помогает вам уснуть, но мешает вашему соседу. Что вы будете делать?

б) Вы – Ким, Миша мешает вам спать. Что вы будете делать?

Ролевая игра очень хорошо дополнила визуальную новеллу. Студенты активно принимали участие в ролевой игре, предлагая разные варианты решения проблемы и приводя различные аргументы. Для китай-

ских студентов подобная самостоятельная и интерактивная форма работы на уроке РКИ оказалась новой и привлекательной. Анализ результатов участия учащихся в визуальной новелле и ролевой игре показал, что в начале занятия более половины студентов высказывали намерение «пожаловаться на Мишу». Однако по мере развития игры и активного обсуждения конфликта их мнение менялось. Студенты начали искать компромиссные решения конфликта и находить мирные варианты. В ходе ролевой игры было замечено, что большинство студентов старалось договориться друг с другом и не идти жаловаться коменданту. Студенты активно использовали новую лексику, грамотно и чётко выстраивали диалог. Им очень понравился урок, проведенный в новом для них формате, одна студентка оставила после занятия сообщение в чате:

Добрый день! У нас сегодня было такой интересный урок и играли в интересную игру. 😀 Такую популярную игру я увидела и играла в Китае. Но эту игру по-русски я первый раз увидела сегодня, это очень интересно! Если эта игра будет выпущена в Интернете, я хотела бы сначала попробовать ! ☺☺

Итак, подводя итог, можно сказать, что визуальные новеллы можно и нужно интегрировать в образовательный процесс в иноязычной аудитории. Игровой аспект несомненно повышает уровень мотивации и включённости студентов при обучении русскому языку как иностранному. В процессе апробации стало понятно, в каком направлении нужно дальше работать преподавателю, превращая визуальную новеллу в учебно-методический материал по преподаванию РКИ (усовершенствование лексико-грамматических заданий, постановка ударений в новых словах и др.). Апробация показала, что основная задача урока с привлечением визуальной новеллы – усвоение студентами нового лексического материала, связанного с темами «Общежитие» и «Конфликт», и введение его в активную речевую практику – была успешно решена. Студенты активно использовали новую лексику, грамотно и чётко выстраивали монологи и диалоги, они также получили практический опыт разрешения конфликтных ситуаций. Апробация показала эффективность использования визуальных новелл и ролевых ситуаций для обучения иностранных студентов.

В перспективе данную визуальную новеллу можно расширить и дополнить.

1) Добавить большее количество выборов для игрока.

2) Составить более сложные сюжеты (например, можно написать сюжет, связанный с русской литературой, едой, традициями и так далее).

3) Расширить область применения. Визуальные новеллы можно интегрировать в учебный процесс для узконаправленных специально-

стей (например, медицина, маркетинг, бизнес и другие) и придумывать те сюжеты, которые помогут иноязычным студентам сформировать профессиональные коммуникативные компетенции.

Список цитируемой литературы:

1. Кармалова, Е.Ю. Эдьютейнмент: понятие, специфика, исследование потребности в нем целевой аудитории / Е.Ю. Кармалова, А.А. Ханкеева // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. Вып. 101. – 2016. – № 7 (389). – С. 64 – 71.
2. Клоков, Е.В. Технология проектного обучения / Е.В. Клоков, А.В. Денисов // Школа. – 2006. – №2. – С.30 – 35.

Сунцова И.А., **аспирант**
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», г. Москва, Россия

ТЕКСТЫ МЕМУАРОВ О ВЫДАЮЩИХСЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВЕДАХ – ШКОЛЕ

Аннотация

В статье рассматривается роль работы над текстами-воспоминаниями о виднейших отечественных языковедах на уроках русского языка в 10 – 11 классах как средства формирования исторического сознания гражданина.

Ключевые слова: обучение русскому языку в школе, аксиологический подход, текст-воспоминание, комплексная работа с текстом.

Русский язык является духовной скрепой отечественной культуры, так как он позволяет приобщать подрастающее поколение к ценностям и традициям русского народа, отражает в себе историческое развитие и сознание. Кирилл и Мефодий совершили духовный подвиг, создав в 863 году славянскую письменность и таким образом позволив формироваться национальной культуре на родном языке. Язык – живая система, которая развивается вместе со своим народом, поэтому духовной миссией носителей русского языка, отечественных деятелей искусства, языковедов являлось сохранение этого культурного феномена. В настоящее время трудно переоценить вклад научных и духовных последователей Кирилла и Мефодия, которые боролись за чистоту народного языка. Так, А.С. Пушкин, как крупнейший мастер русского художественного слова, сформировал не только русский литературный язык, отражающий воззрения своего народа, но и одну из форм нацио-

нальной культуры, подчеркнув значимость языка как государственной опоры, объединяющей народ, так как именно в языке отражается история народа и язык лежит в основе формирования единого исторического сознания. Язык более всего является выражением идеи общеславянского единства.

Со времен Кирилла и Мефодия родное слово воспринимается как божественный дар. Согласно духовным заветам, слово было в начале всего, и слово было плотью не только мысли, но и духа, дел человека, согласно воззрениям православной словоцентрической культуры. Слово – это первооснова жизни духовной и жизни материальной, так как им знаменуется рассвет и исток пути развития человека. Оно является сущностью жизни человека, а жизнь человека – отражение слова. Перефразируя М. Хайдеггера, отмечаем: мысль дает бытию слово; слово – дом бытия, и в слове обитает человек, а писатели – хранители этого жилища [9, с. 192]. Поэтому словом воспитывают человека, как воспитывают человека основами этики, культуры. Человек воспитывается в культурной и речевой национальной среде, в которой он впитывает культурную и историческую память своего народа через родное слово. Важность национального воспитания в развивающей речевой среде языковой личности подчеркивала в своих трудах Л.П. Федоренко [8]. Важно не само обучение человека словотворчеству, а важно привитие мысли и образа жизни, которые отражают истину воспитания человека и гражданина: язык – это жизнь человека.

Также язык – семантический код культуры. Язык живет только в культурном поле, хранящим память народа. Невозможно дать исключительное значение слова в языке без контекста, как невозможно понять значение и этимологию слова без соотношения его с языковой системой, с национальной культурой. Так выстраивается знаковая вертикаль – вектор национального обучения и воспитания языковой личности и гражданина: от языка к культуре и к памяти народа.

Родной язык называют животворящим, так как он наполняет сутью и духом. Этому посвящены слова Ф.И. Тютчева о живой природе, что также относится и к людям: «В ней есть душа, в ней есть свобода, в ней есть любовь, в ней есть язык».

Философ А.Ф. Лосев в работе «Философия имени» отмечал: «Слово, в частности имя, есть необходимый результат мысли, и только в нем мысль достигает своего высшего напряжения и значения. Можно сказать, что без слова и имени нет вообще разумного бытия, разумной встречи с бытием» [5, с. 627]. Номинация абстрактного образа средствами родного языка всегда обращается к исторической памяти, к национальным концептам, поэтому родное слово обладает воздействующей функцией, является «деятелем мысли и жизни» [5, с. 627].

Родной язык способен пробудить творческую волю в людях, их лучшие качества, если носители языка смогут ценить язык как духовный дар, который формировал и хранил сам народ.

Жизнь народа строится на общении, на умении владеть родным языком. Так, философ И.А. Ильин считал родной язык средством мироустройства. Язык – ценность народа, которая может при неумелом или злонамеренном его использовании стать орудием манипуляции. Таким образом, умение владеть языком является одним из залогов не только профессионального, но и личностного развития.

Язык как зеркало души народа способен отражать его лучшие качества. Так, И.А. Ильин отмечал, характеризуя русский язык: «Это язык острой режущей мысли. Язык трепетного, рождающегося предчувствия. Язык волевых решений и свершений. Язык парения и пророчеств. Язык неуловимых прозрачностей и вечных глаголов. Это язык зрелого самобытного национального характера. И русский народ, создавший этот язык, сам призван достигнуть душевно и духовно той высоты, на которую зовет его – его язык» [4, с. 18]. Все качества народа, которые отражаются в языке, надо уметь чувствовать, чтобы считывать концепты, семантические коды, скрытые в родном языке.

Значимость языка как духовного наследия И.А. Ильин подчеркивал предостережением об опасности потери чистоты народного языка, любви к нему как национальной ценности: «Горе нам, что не умели мы беречь наш язык и бережно растить его – в его звучании, в его закономерной свободе, в его ритме и в ризах его органического правописания. Не любить его, не блюсти его – значит не любить нашу Родину» [4, с. 19].

Слова русского философа особенно актуальны в период культурной нестабильности, интернационализации английского языка. Историческое прошлое русского народа хранит в памяти пример непростительного пренебрежения родным языком в угоду моде, что было особенно распространено до первой трети XIX века. Поэтому духовным долгом каждого человека является сохранение родного языка в чистоте, развитие языка в своем словотворчестве. Для этого недостаточно хорошо владеть правилами языка, обладать богатым словарным запасом, важно уметь чувствовать язык, то есть обладать языковым чутьем, которое развивается благодаря лучшим образцам, которые должны быть проанализированы учениками в должной мере.

Так, запоминание лежит в основе процесса овладения языком, совершенствования речи. Но при этом память не должна быть для культуры «пассивным хранилищем», по мнению Ю.М. Лотмана [6], что является обоснованием обязательного включения национально-культурного компонента при обучении русскому языку.

Одной лишь опоры на память недостаточно при развитии лингвистического сознания. Так, В.Ф. Тендряков утверждал: «Если мой ученик будет писать, как я, то грош ему цена» [7, с. 55]. Эта оценка объясняется необходимостью вдумчивого овладения языком, его творческого осознания.

Таким образом, на уроках русского языка важно не только научить правилам, на которых строится система языка, но и сформировать у обучающихся способность чувствовать логику правил, красоту языковой системы. Для этих целей полезно обращаться к мемуарам отечественных языковедов – людей, которые посвятили свою жизнь выполнению духовного долга – сохранению чистоты и развитию народного языка.

Мемуары языковедов, отражающие их способ мышления, позволяют прочувствовать ценностное отношение к языку и сформировать языковое чутье. Необходимо подбирать мемуары, в которых раскрывается важность использования не только правил, но и языкового чутья. Мемуары должны наталкивать обучающихся на размышление о роли языка, о необходимости его эмоционального восприятия как ценности. Таким образом, выделяются три метода, опора на которые позволяет выстроить эффективную работу с мемуарами: аксиологический, текстоцентрический, проблемный. Технология работы с историческими текстами на основе данных методов активно разрабатывается А.Д. Дейкиной и ее учениками [2].

Работа с мемуарами может включаться в канву любого урока, так как тексты могут быть представлены в виде миниатюр для отработки и лингвистических, и языковых тем [3]. Но при этом необходимо проведение комплексной работы с текстом, при которой раскроются взгляды языковеда, его роль в сохранении русского языка.

Так, любопытно обратиться в старших классах к мемуарам языковеда времен пушкинской эпохи, когда шел спор «карамзинистов» и «шишковистов». В «Записках» отечественного филолога и педагога Николая Ивановича Греча отражена история развития русского языка: от забытого высшим сословием до необходимого для образования и жизни в России [1]. Представляем отрывок из мемуаров Н.И. Греча, в котором приводится эпизод школьного урока будущего языковеда. Интересно с обучающимися отметить логику мышления ученого, ее основания.

В начале июля явился я в школу. Инспектор принял меня ласково и повел в классы, именно в первый: низший. Шел урок русского языка; по приказанию Цветкова, Г.Ф. Оралов продиктовал мне несколько фраз из какой-то книги. Я исписал всю доску. ***Оказалось, что в написанном мной не было ни одной грамматической ошибки и знаки препинания расставлены были как следует****. Когда я кончил, Оралов обратился к ученикам со словами:*

– Полюбуйтесь, как он пишет! Ни одной ошибки!

Тогда М.Н. Цветков сказал мне:

– Сделайте разбор этим предложениям.

– Что это значит? – спросил я.

– Ну, разберите смысл их.

– Я этого не знаю.

– Как не знаете? А почему вы пишете – в море, а не в морѣ?

– Потому, – отвечал я, – что корабль шел еще тогда в море, а если бы он уже был в морѣ, я написал бы в конце – ѣ.

– То есть потому, что это предложный падеж?

– Может быть, – отвечал я, – но мне это неизвестно. Все изумились: я знал грамматику на деле, а не знал на словах, точно так, как Мольеров мещанин в дворянстве, без ведома своего, говорил прозой.

– Нечего делать, – сказал Цветков, – вы останетесь в этом классе, но ненадолго. Экзамен будет через шесть недель; вы успеете догнать других и перейдете в следующий класс.

Так и было: через шесть недель был я по экзамену третьим и перешел. Любопытная черта! Читая русские книги, со вниманием, занимаясь сам опытами, я сочинил себе грамматику без технических терминов! Не оттого ли я потом пристрастился к грамматике, что приобрел ее сам без труда, без принуждения, без досады. [1, с. 110].

Приводим послетекстовые задания с методическими комментариями.

1. Чем отличалась словоформа «в море» от «в морѣ»? Обоснуйте свой ответ самостоятельными примерами, иллюстрирующими различие в употреблении форм слова. (Работа направлена на объяснение затруднений в тексте. Также анализ словоформ позволяет задуматься о явлении омонимии в русском языке, об анализе омоформ).

2. Поделитесь фактами научной биографии Николая Ивановича Греча как филолога и педагога. Какую роль сыграл ученый в развитии русского языка? (Результатом совместной работы учителя и обучающихся должно стать понимание роли ученого в развитии русского языка в непростое для него время первой начала XIX века).

3. Что помогло Н.И. Гречу в овладении русским языком? (Анализ последнего абзаца текста должен помочь обучающимся увидеть парадокс, который является основой проблемной задачи: система правил русского языка построена самим народом, ключ к логике правил находится в руках каждого, кто попробует не только запомнить правило, но понять его на основе языкового чутья).

4. Объясните расстановку знаков препинания в выделенном предложении. Почему запятая отсутствует перед союзом «и» и союзом «как» по правилам пунктуации? Как вы думаете, что послужило причиной возникновения данных правил? (Задание направлено на разви-

тие языкового чутья. Обучающиеся должны попробовать объяснить правописание, предложить логическое обоснование).

5. Составьте речевой портрет Н.И. Греча и портрет эпохи на основе приведенного отрывка. (Задание переходит от анализа отражения в языке логики народа к отражению в тексте способа мышления личности. В результате выполнения задания обучающиеся должны увидеть, что язык является воссозданием логики мышления. Это помогает задуматься о ценности языка как средстве мироустройства и о красоте собственного речевого портрета).

6. Напишите эссе – отклик на мысли Н.И. Греча о способе изучения языка и его важности. (Задание позволяет резюмировать ответы на все вопросы и сформировать ценностное отношение к языку).

Таким образом, мемуары языковедов могут помочь обучающимся задуматься о силе русского языка как инструмента, помогающего в личностной реализации, как отражения национальных концептов и истории народа, которые формируют историческое сознание, как о духовной скрепе единого русского народа.

Список цитируемой литературы:

1. Греч, Н.И. Записки о моей жизни / [соч. Н. И. Греча; изд. под ред. П.С. Усова]. – СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1886. – 588 с.

2. Дейкина, А.Д. Аксиологическая методика преподавания русского языка: монография / А.Д. Дейкина. – М.: МПГУ, 2019. – 212 с.

3. Дейкина, А.Д. Тексты-миниатюры на уроках русского языка: Пособие для учителя / А.Д. Дейкина, Ф.А. Новожилова. – М.: Флинта, Наука, 1998. – 144 с.

4. Ильин, И.А. Собрание сочинений в 10 томах. Том 6. Книга 1 / И.А. Ильин. – М.: Русская книга, 1996. – 560 с.

5. Лосев, А.Ф. Философия имени / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1993. – 961 с.

6. Лотман, Ю.М. Память в культурологическом освещении / Ю.М. Лотман // Избранные статьи. – Таллинн, 1992. Т.1. – С.200 – 202.

7. Тендряков, В.Ф. Умение жить с другими: из встречи со студентами МГПИ имени Ленина, 1980 год / В.Ф. Тендряков // 15 встреч в Останкине: [сборник] / [сост. Т. Земскова]. – М., 1989. – С.50 – 66.

8. Федоренко, Л.П. Анализ теории и практики методики обучения русскому языку: учебное пособие / Л.П. Федоренко. – Курск: Изд. КГПИ, 1994. – 26 с.

9. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 450 с.

Усачева О.Ю., д-р филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк, Россия

АКСИОЛОГИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА

Аннотация

В статье рассматриваются основные тенденции в развитии ономастикона современного российского города. На примере эргонимов г. Липецка прослеживается эволюция их образования с точки зрения отражения в них аксиологических значений.

Ключевые слова: аксиологическая функция языка, коммуникативное пространство, ономастика, эргонимы.

Выполняя коммуникативную, когнитивную и аккумулятивную функции, язык фиксирует в своих знаковых единицах также и результаты ценностного освоения мира человеком. Неслучайно некоторые лингвисты выделяют особую – аксиологическую – функцию языка, которая связана с выражением в языке оценочных смыслов и которая проявляется, в частности, через словесную номинацию предметов, лиц, признаков, процессов, отношений. Ср. следующее мнение: «На прагматической основе формируется и аксиологическая функция языка, на основе которой язык выступает, с одной стороны, как мерило оценки естественных, социальных и психологических фактов, а с другой, – как предмет оценки собственных качеств» [1, с. 108].

Действительно, современная стилистика отмечает существующую в денотативном значении целого ряда языковых единиц оценочность как заложенное в них общее мнение говорящего о предмете речи, опирающееся на сенсорный, психологический, эстетический, этический, утилитарный, нормативный базис [2, с. 55]. Такого рода значения выступают либо как положительные *(добро, хороший, красиво, помогать)*, либо как отрицательные *(зло, ложь, безобразный, плохо, угрожать).* Положительное значение отмечается и у таких слов, как *счастье, радость,* а отрицательное – у слов *болезнь, война, голод,* хотя их денотативные значения сами по себе лишены оценочного компонента, но получили в языке устойчивую социальную и психологическую оценку.

Другие языковые единицы содержат эмоционально-экспрессивную окрашенность, которая передается коннотативным компонентом их лексического значения, т.е. выражает субъективное отношение к предмету речи, одновременно включая экспрессию, например: *смеяться – хихикать, актриса – актерка.*

Аксиологическая функция языка проявляется не только через систему языка, но также и через речь, дискурс.

В современной коммуникации, по мнению ряда ученых, наблюдается повышенная аксиологичность: человек разумный (homo sapiens) в современном мире постепенно превращается в человека оценивающего [3, с. 19].

Задача данной статьи – рассмотреть аксиосферу коммуникативного пространства современного города на примере Липецка, выявить ее актуальное состояние, проследить тенденции в ее динамике за последние 3 десятилетия.

Неудивительно, что оценочность и ценностные высказывания так или иначе присутствуют в дискурсе городской среды. Субъектом оценки и аксиовысказываний выступает обобщенное лицо – житель данного города. Поэтому можно считать, что такого рода высказывания несут в себе консолидирующее начало, объединяют имядателя и жителей вокруг определенных ценностных установок, ориентаций, предпочтений.

В коммуникативном пространстве современного города оценочность находит проявление прежде всего в номинациях, а именно в *урбанонимах* – именах, которые присваиваются тем или иным внутригородским объектам: улицам, площадям, паркам, прудам, жилым комплексам, отдельным зданиям и т.д. В составе таких городских онимов выделяются *годонимы* – обозначения линейных городских пространств: улиц, проспектов, переулков, проездов, шоссе и др. – и *эргонимы* – имена собственные коммерческих объектов: кафе, магазинов, салонов, туристических агентств и др. [5, с.159].

Годонимы, используемые в течение длительного времени, носят исторический характер, и в силу этого можно считать, что они фиксируют сохранность аксиологических установок предшествующих поколений в настоящее время.

С точки же зрения актуализации аксиологических смыслов более показательны эргонимы, отражающие динамику ценностных ориентаций наших современников. Можно утверждать, что номинация городских объектов – это наш ценностный выбор как современников. Если проследить тенденции в номинации бизнес-объектов, то можно увидеть, как изменялись ценностные предпочтения в нашем обществе на протяжении последних 30 лет.

Так, в первые постсоветские десятилетия (90-е и 2000-е годы) наблюдалось повальное увлечение номинаторов непереводимыми псевдоиноязычными названиями, что, вероятно, диктовалось непреодолимым стремлением как можно скорее встать в ряды «цивилизованных стран», выделиться, запомниться благодаря непривычному звуковому сочетанию. Отсюда такие эргонимы, как *«”Авилс”, “Арокс”, “Паналит”, “Аскон”, “Севем”, “Орсель”, “Дейи”,* ничего не

сообщающие потребителю и никак не связанные с деятельностью организации» [4, с. 68]. Доходило до курьезов, когда в составе номинации оказывались совершенно не подходящие по смыслу заимствования. Так, «рекламно-производственная компания «Зеон-Медиа», специализирующаяся на производстве вывесок и наружной рекламы, сделала акцент на слове «зеон», обозначающем обряд добавления горячей воды к евхаристической чаше, характерный для византийской литургии, введенной при императоре Юстиниане!» [4, с. 67].

Миновало время, и мода на такие «заковыристые» онимы прошла, а вот любовь к «звонкому иноязычию» сохранилась и по сей день. Так что существующие в пространстве Липецка один-другой десяток лет латинографические эргонимы *Dolce Vita, Sela, Guisto, De Bassus, Coffee Go* пополнились более свежими *Bucho, 5 cups* и *Coffee Way.* Так, движимый ценностями глобализма город русской провинции декларировал и продолжает декларировать желаемое родство с «цивилизованными странами».

Параллельно этому появилась практика образования эргонимов с привлечением дореволюционной орфографии, что символизировало ценностную установку на отказ от советского периода истории и на возвращение «России, которую мы потеряли». Отсюда такие примеры вывесок, как *ТрактирЪ, Табакъ* и *Хлѣбъ*.

Еще одна тенденция прошлых лет – номинация, построенная по модели: *мир / планета чего?* Как отмечает Н.Ю. Томилина, «”вселенские” претензии владельцев предприятий мало оправданы: мизерные размеры заведения, скромный ассортимент товаров, да и месторасположение (в основном в подъездах жилых домов) никак не соответствует галактическим амбициям владельцев бизнеса» [4, с. 67]. Вот только некоторые примеры, свидетельствующие о глобальном размахе потребительства: *«Планета», «Планета секонд-хенд», «Мир колготок», «Мир одежды», «Мир рубашек», «Мир панелей», «Мир кожи», «Мир авточехлов», «Мир кирпича», «Мир камня», «Мир эспрессо», «Мир колбас», «Мир колясок», «Мир пива», «Мир кожи и меха», «Мир дверей», «Мир посуды».*

Однако всему приходит конец, вот и липчанину стало, видимо, не слишком комфортно в мире, населенном кирпичами, авточехлами и колбасами, и он в какой-то момент предпочел мир уюта и неагрессивного релакса.

Наступило время положительной номинации в эргонимах: появились супермаркеты *Пятерочка и Милашка*, парикмахерская *Успех*, салон *Красота* и магазин *Победа,* салоны *Счастливый взгляд* и *Формула любви, сквер имени Героев Чернобыля* и медицинский центр *Здоровье нации,* магазины *Эталон, Элегант, Правильная корзинка, Правильный цыпленок, Стильная семья,* гипермаркет *Добрострой,* кафе *Грин Холл: место уютных встреч* [5, с.160 – 161].

Примерно в те же годы приобрел популярность эстетический нарратив: номинатор транслирует адресату приятные впечатления, свое переживание прекрасного. Интернет-источник отмечает: «В последние годы новые улицы с частной застройкой зачастую называют по пожеланиям местных жителей. Таким образом, на карте Липецка появились различные «возвышенно-красивые» названия, например, улицы *Заповедная, Лучистая, Красивая, Вольная, Раздольная, Светлая, Вечерняя, Пейзажная, переулки Сказочный, Благодатный, Новогодний, Поэтический, Лазурный, Добрый, Живописный, Краснозоренский* и другие»[1] [5, с.163]. В этих годонимах так и слышатся отзвуки некогда популярной песни Юрия Антонова: «Пройду по *Апельсиновой*, сверну на *Виноградную*, и на *Тенистой* улице я постою в тени…».

В 2000-е годы появлялось множество эргонимов, отсылавших к местному происхождению бизнеса. Тогда номинации получили прибавку «Л» (Липецк): *«Престиж-Л», «Полиграф-Л», «Комфорт-Л», «Новострой-Л», «Позитив-Л», «Дельта-Л», «Плюмаж-Л», «Танаис-Л», «Профикс-Л», «Евросервис-Л», «Домовой-Л», «Вист-Л», «Взлет-Л», «Композит-Л», «КонВент-Л», «Леди-Л», «Омега-Л», «СтройснабЛ», «Тройка-Л», «Химоптторг-Л», «Термопласт-Л», «Промкомплект-Л», «Веста-Л», «Ареал-Л»* [4, с. 68].

В 2010-е годы муниципальные власти осуществили социальную акцию по благоустройству городских пространств, которая проходила под слоганом *Липецк – жемчужина Черноземья.* Именно тогда в коммуникативном пространстве города появились знаки региональной идентичности, в том числе и в виде аксиовысказываний: *Я люблю Липецк* (рис. 1). К сожалению, сейчас эта практика фактически сошла на нет, остались лишь ее рудименты, например: *Липецк гордится своими летчиками.*



Рисунок 1

[1] https://ru.wikipedia.org/wiki

Последние три года отмечены возрождением гражданской и патриотической аксиологии, вызванным пандемией коронавируса и началом СВО. Монументальные изображения (муралы) и социальная реклама, призывающая служить по контракту, представлена на фасадах и торцах городских зданий: *Спасибо врачам, Мой папа – герой, Я за Родину, Вместе сильнее.* В этом просматривается возврат к советской практике размещения идеологических лозунгов и социальных призывов на фасадах и карнизах городских зданий.

В то же время мы наблюдаем сегодня своего рода отказ от оценочности и аксиовысказываний в эргонимах, возвращение последних к нейтральным функциональным номинациям типа *Аптека, Цветы, Пекарня Хлебница, Оптика, Пельменная.* Аксиологический дискурс города стал суше, прагматичнее, строже и, пожалуй, скучнее.

Но таково нынешнее время, которое требует не столько языковой игры и разного рода красивостей, сколько трезвого осмысления подлинных ценностей нашего социального бытия. Хочется верить, что коммуникативное пространство Липецка вскоре предстанет как аксиосфера, насыщенная такими смыслами, как мужество, верность, преданность Родине, любовь к своему городу, гордость за свою страну и свой народ.

Список цитируемой литературы:

1. Иваницкий, В.В. Функции языка / В.В. Иваницкий // Вестник Новгородского государственного университета. – 2004. – №29. – С.103–110.

2. Купина, Н.А. Стилистика современного русского языка : учебник для вузов / Н.А. Купина, Т.В. Матвеева. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 415 с.

3. Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности : сборник статей. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. – 280 с.

4. Томилина, Н.Ю. Вывески как жанр городской коммуникации / Н.Ю. Томилина // Кирилло-Мефодиевские чтения: традиции и современность: Сб. научных статей по материалам межвузовской научно-практической конференции с международным участием (Липецк, 17 мая 2019 г. / Под общ. ред. д-ра техн. наук, проф. В.Н. Малыша, д-ра филол. наук О.Ю. Усачевой. – Липецк, 2019. – С. 64–70.

5. Усачева, О.Ю. Ономастикон современного города как социокультурный нарратив / О.Ю. Усачева // Конструируя город: память о прошлом и проекты будущего: материалы Всероссийской научно-практической конференции. 31 октября 2022 г. (г. Липецк) / Под общ. ред. канд. юрид. наук, доц. А.Д. Моисеева. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2022. – С.158–165.

РАЗДЕЛ 5

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ПЕДАГОГИКА

Жесткова Е.А., канд. филол. наук, доцент
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского», Арзамасский филиал г. Арзамас, Россия

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация

В статье рассматривается вопрос формирования ценностных ориентаций младших школьников. Предлагается практический материал, который учитель может использовать на занятиях внеурочной деятельности.

Ключевые слова: ценностные ориентации, младший школьник, занятия внеурочной деятельности.

В последнее время в российских школах особое значение придается формированию у подрастающего поколения нравственных ценностей, которые связаны с представлениями о добре и зле, чести и бесчестии, правде и лжи, с умением следовать этическим нормам и правилам, принятым в обществе, соблюдать традиционные нравственные ценности. Очевидно, что говорить о любви, мире, согласии, уважении к окружающим людям, оказании поддержки нуждающимся необходимо уже в начальных классах. Ребенок младшего школьного возраста должен научиться соотносить моральные правила со своим мировоззрением, это позволит ему естественным путем совершать нравственные поступки, воспринимать мораль как норму собственной жизни, а значит, утвердит доброе начало как движущую силу всей его жизни [1; 2].

В Федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования говорится, что «младший школьник по окончании начальной школы должен уважать и принимать ценности своей страны, любить свой народ, свою Родину, с уважением относиться к старшим, быть доброжелательным, уметь отвечать за свои поступки перед своей семьей и окружающими» [3].

Безусловно, большое влияние на формирование ценностных ориентаций младшего школьника оказывают занятия внеурочной деятельности. Благодаря правильно подобранным заданиям учитель может

сконцентрировать внимание обучающихся на ценностных основах жизни, развивать у них эмоционально-волевые качества, способность осознавать свои действия, осуществлять ценностный выбор.

Предлагаем разработку занятия на тему «Протяни руку помощи».

Каждое дело любовью освещается.
Лучше не иметь сердца, чем в нём не иметь любви.
С любовью везде простор, со злом везде теснота.

Обсудим вместе.

1. Объясните смысл эпиграфов.
2. Подтвердите мудрость и правильность высказываний.
3. Прочитайте стихотворение Я. Дубенской «Мы разные».

Вместе живут на огромной планете
Разные взрослые, разные дети.
Внешностью разные и цветом кожи,
Но, безусловно, мы в чём-то похожи!
Всем нам счастливыми хочется быть,
Новые звёзды на небе открыть,
Крепко дружить, не бояться «другого».
Друг мой в коляске, а что здесь такого?
Едет он с нами наперегонки,
Вместе рыбачим мы с ним у реки.
Годы пройдут, и мы станем взрослее,
Ростом повыше, по жизни мудрее,
И поменяется мир весь вокруг,
Но рядом останется преданный друг!

Ответьте на вопросы:

1) В чём смысл стихотворения?
2) О какой боязни «другого» говорит автор?
3) Что означает *стать мудрее*?

4. Прочитайте отрывок из сказки В.П. Катаева «Цветик-семицветик».

– Мальчик, мальчик, как тебя зовут?

– Витя. А тебя как?

– Женя. Давай играть в салки?

– Не могу. Я хромой.

И Женя увидела его ногу в уродливом башмаке на очень толстой подошве.

– Как жалко! – сказала Женя. – Ты мне очень понравился, и я бы с большим удовольствием побегала с тобой.

– Ты мне тоже очень нравишься, и я бы тоже с большим удовольствием побегал с тобой, но, к сожалению, это невозможно. Ничего не поделаешь. Это на всю жизнь.

– Ах, какие пустяки ты говоришь, мальчик! – воскликнула Женя и вынула из кармана свой заветный цветик-семицветик. – Гляди!

С этими словами девочка бережно оторвала последний, голубой лепесток, на минутку прижала его к глазам, затем разжала пальцы и запела тонким голоском, дрожащим от счастья: Лети, лети, лепесток, через запад на восток…

И в ту же минуту мальчик вскочил со скамьи, стал играть с Женей в салки и бегал так хорошо, что девочка не могла его догнать, как ни старалась.

Ответьте на вопросы:

1) Чему учит сказка?
2) Какие бы желания загадали вы?
3) Какие желания можно исполнить в жизни, не имея цветика-семицветика?
4) Доводилось ли вам встречать на своём пути людей, которым нужна чья-то помощь или поддержка?

ПРОЧИТАЙТЕ И ЗАПОМНИТЕ

Слово «милосердие» буквально означает «милое сердце».

Милосердие связано с проявлением чувства любви ко всем окружающим нас людям, как знакомым, так и незнакомым. **Милосердие** – это готовность помочь кому-нибудь или простить кого-нибудь из сострадания, человеколюбия**.**

Великий русский князь Владимир Святославович, креститель Руси, всем нуждающимся оказывал помощь. По его воле малоимущие могли приходить на княжий двор и получать пропитание и денежное довольство, также были созданы первые больницы и приюты для детей-сирот, в которых люди оказывали помощь абсолютно бескорыстно.

Не только князья, но и простые люди поддерживали нуждающихся: помогали погорельцам при строительстве домов, участвовали в совместной уборке урожая и др.

Милосердие не зависит от национальной принадлежности, вероисповедания, возраста, оно свойственно каждому, кто приходит на помощь. Александр Невский, Дмитрий Донской, Козьма Минин и Дмитрий Пожарский бескорыстно помогали семьям погибших воинов, заботились о детях-сиротах.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ:

1. Найдите в толковом словаре определение следующих слов: *сострадание, доброта, уважение, гуманность, человеколюбие, альтруизм.* Запишите их на карточки.

2. Составьте синквейн с двумя словами по выбору из предыдущего задания.

3. Выскажите своё мнение.

А. Чем отличается милосердие от доброты?

Б. Может ли человек прожить жизнь, ни разу не обратившись за помощью? Почему?

В. Может ли человек прожить жизнь и ни разу не испытать чувства благодарности за оказанную ему помощь? Почему?

4. Соберите пословицы:

А. ком, в, сердце, прожить, нежно, чутко, тому, не шутка.

Б. далёкое, в сердце, большом, и близко.

В. кто, лицом, сам ко всем, к тому и, не спиной, люди, добрые.

5. Приведите примеры ситуаций, в которых мы можем проявить милосердие.

6. Прочитайте снова стихотворение Я. Дубенской «Мы разные» и ответьте на вопрос: «Как мы должны относиться к людям с ограниченными возможностями здоровья?»

7. Составьте кластер.

Выберите утверждения, которые относятся к теме занятия, составьте с ними кластер «Дела милосердия».

Утверждения:

поделиться последним куском хлеба;
подать милостыню;
накормить голодного;
подарить однокласснику то, что самому не нужно;
утешить плачущего;
напоить жаждущего;
дать что-то в обмен на что-то;
не мстить за зло;
одеть бедного;
предупредить об опасности;
сделать доброе ради похвалы или благодарности;
прощать обиды;
отдать игрушку сестры;
творить добро не напоказ;
навестить больного;
дать добрый совет;
дать милостыню из-за боязни показаться жадным;
помочь бабушке по хозяйству.

8. Поиграем.

Игра «Стиральная машинка».

«Отстирайте» предложения, то есть исправьте так, чтобы действия и поступки можно было отнести к милосердному человеку.

1) Пройти мимо плачущего ребёнка.

2) Смеяться над больными и немощными.

3) Не учитывать интересы другого человека.

4) Не простить человека за проступок.

5) Грубить родителям.

6) Проявлять агрессию и злобу.

7) Отказать в милостыне.

8) Не уступать пожилым людям место в автобусе.

9) Обзывать человека другого цвета кожи и национальности.

10) Радоваться неудаче ближнего.

9. Ответьте на вопросы:

«Тонкие» вопросы	«Толстые» вопросы
Уступаете ли вы место в городском транспорте пожилым людям, пассажирам с детьми?	Нуждается ли современный мир в милосердии? Почему?
Нравится ли вам говорить приятное людям, чтобы поднять их настроение?	В нашем мире много или мало милосердных людей? Почему?
Требует ли платы милосердие?	Легко или трудно быть добрым? Почему?
Считаете ли вы себя милосердными людьми?	Что нужно делать, чтобы стать милосердным?
Какие добрые, милосердные поступки совершали члены ваших семей?	Какого цвета милосердие по твоему мнению? Почему?
Как вы воспитываете в себе чувство милосердия?	Можно ли считать волонтёров милосердными, сострадательными людьми?

Как показывает опыт работы в школе, формирование ценностных ориентаций осуществляется прежде всего через различные формы деятельности: индивидуальной, групповой, урочной, внеурочной. Ценностное отношение к культурному, историческому, нравственному, этическому наследию позволит сформировать любовь к родной стране, уважение к людям, готовность помочь, поддержать. Следует привлекать в качестве социальных партнеров для проведения коллективных творческих дел, участия в социально-педагогических проектах родителей, общественность, старшеклассников.

Список цитируемой литературы:

1. Жесткова, Е.А. Программа внеурочной деятельности «Услышь свое сердце» / Е.А. Жесткова // Начальная школа. – 2023. – № 6. – С. 59–65.

2. Жесткова, Е.А. Формирование духовно-нравственных представлений младших школьников во внеурочной деятельности / Е.А. Жесткова // Актуальные вопросы образования, науки и культуры в интересах устойчивого развития: Сборник статей участников Международной научно-практической конференции. Отв. редактор С.В. Напалков, науч. редактор Т.А. Кончина. – Арзамас, 2023. – С. 383–387.

3. Федеральный государственный стандарт начального общего образования: Приказ Министерства образования и наук Российской Федерации от 31 мая 2021 г. – № 286. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400807193/ (дата обращения: 19.05.2024).

Прибыткова А.А., канд. пед. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия

КОММУНИКАТИВНАЯ НЕКОМПЕТЕНТНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ У УЧИТЕЛЕЙ

Аннотация

В статье коммуникативная некомпетентность рассматривается как некое эмоциональное переживание по поводу разного рода проблем, что приводит к выбору некорректного, неконструктивного стиля взаимодействия. В статье выделяются основные проявления коммуникативной некомпетентности, которые заключаются в коммуникативных ошибках.

Ключевые слова: коммуникативная некомпетентность, учитель, коммуникативные ошибки, иностранный язык, компетентность, трудности, общение, взаимоотношения, педагог.

Каждый педагог когда-либо сталкивался с трудностями в своей деятельности. Удивительно, но самой большой и актуальной проблемой учителей является проблема общения, коммуникативная компетентность. Ей посвящены многие исследования, в трудах она представлена как требование к учителям, к уровню их коммуникативных знаний, умений, навыков.

Коммуникативная компетентность – это обобщающее коммуникативное свойство личности, включающее в себя коммуникативные способности, знания, умения и навыки, чувственный и социальный опыт в сфере делового общения.

Проблема коммуникативной некомпетентности учителя, как психического состояния, остается малоизученной, причины ее возникновения и особенности проявления требуют более пристального рассмотрения.

Коммуникативная некомпетентность как вид некомпетентности в целом говорит о том, что преподаватель не знает, как выстраивать взаимоотношения с учениками и коллегами. Он не владеет техниками и тактиками общения и не знает, какие из них выбрать, чтобы достичь своих целей, в результате чего терпит коммуникативные неудачи, и его взаимоотношения с другими ухудшаются.

По мнению С.Г. Касимовой, коммуникативная некомпетентность включает в себя такие свойства, как «закрепощенность, замкнутость, застенчивость, нерешительность; боязнь контактов с определенной категорией людей (учащимися, родителями учащихся, администрацией); переживание чувства неудовлетворенности собой, своим положением

в окружающем мире; продолжительная фиксация сознания на своих негативных внешних проявлениях и внутренних состояниях; ощущение нарастающей тревоги, депрессии или агрессии; состояние фрустрированности в ситуациях общения; снижение уровня субъективного благополучия; проявление эмоциональной неуравновешенности в общении; выбор неадекватных способов взаимодействия, приводящих к формированию деструктивных стилей; использование психологических защит, в частности, авторитарного стиля общения с учащимися; низкая осознанность и отсутствие самоконтроля за своим поведением и т. п.» [1, с. 93 – 102].

Коммуникативная некомпетентность может возникнуть по ряду причин:

1. непонимание или неумение выражать собственные мысли;
2. культурные различия;
3. недостаток опыта общения;
4. физические проблемы, связанные с нарушением слуха и речи;
5. разного рода психологические проблемы.

Таким образом, коммуникативная некомпетентность представляет собой неспособность эффективно общаться с другими людьми из-за неумения слушать и понимать точку зрения других, а также из-за недостаточной ясности выражения своих собственных мыслей.

Это может привести к проблемам на работе, к трудностям в установлении и поддержании отношений, социальной изоляции и даже депрессии. Другими словами, коммуникативная некомпетентность мешает как личной жизни, так и профессиональной сфере.

Все коммуникативные затруднения условно можно поделить на 4 группы: базовые, содержательные, операциональные, затруднительные. Они заключаются в неумении выражать четко и ясно свои мысли, давать адекватную обратную связь, адекватно соотносить свои умения с условиями педагогической деятельности, слушать и оценивать. Кроме того, сюда относятся отсутствие эмпатии и сопереживания, необходимых коммуникативных знаний, категоричность в суждениях и неуверенность в себе, зависимость от участников общения и т.д.

По времени протекания коммуникативная некомпетентность может выражаться по-разному. Она может быть кратковременной и долговременной. По интенсивности выделяют низко выраженную, средне выраженную и высоко выраженную коммуникативную некомпетентность. Кроме того, она может быть осознанной и неосознанной и сопровождаться проявлением как отрицательных, так и положительных эмоций.

Коммуникативная некомпетентность у учителей проявляется поразному. На практике она выражается в коммуникативных ошибках. С.Г. Касимова к таким ошибкам относит «приказы и команды; угрозы

и частые предупреждения; незаслуженные обвинения и критику; насмешку и использование прозвищ; сочувствие на словах; нудные нотации без поучительного и воспитательного содержания; скучную морализацию; «влезание в душу»; легкомысленное отшучивание и неуместную иронию; прямолинейные советы; высказанное недоверие» [2, с. 33–35].

Говоря о проявлении коммуникативной некомпетентности у учителей иностранных языков, стоит отметить ещё одну особенность. Учитель может перейти на иностранный язык и начать активно использовать иностранную лексику, которую ученики не в состоянии понять.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что учитель может выдавать неадекватные реакции на эмоции учеников, быть агрессивным, проявлять недостаточное терпение, неуместно реагировать на эмоциональное проявление у учеников.

Следует также обратить внимание на то, что коммуникативно некомпетентный учитель часто не умеет правильно использовать невербальные средства коммуникации. Он уделяет недостаточно внимания своему тону голоса, жестам, мимике, что может привести к недопониманию и недоверию.

Подводя некий итог, надо сказать, что коммуникативная некомпетентность остается серьезной проблемой для учителей. Для ее решения существуют разные методики и комплексы упражнений. Они могут проводиться как в индивидуальной, так и групповой формах. Так, например, можно проводить различного рода тематические дискуссии, психологические консультации, семинары, коуч-сессии, имитационные и ролевые игры. Важно, чтобы данные мероприятия проводились с привлечением профессиональных психологов и консультантов.

Список цитируемой литературы:

1. Касимова, С.Г. Особенности проявления комплекса коммуникативной некомпетентности у учителей общеобразовательных школ / С.Г. Касимова // Интеграционная стратегия становления профессионала в условиях многоуровнего образования: сборник статей Международной научно-практической конференции (г. Котлас, 22 – 24 июня 2007 г.) в 2 т. Т. 2 / под ред. М. Н. Заостровцевой, В.З. Юсупова. – Котлас: СПГУ ВК, Изд-во «Старая Вятка», 2007. – С. 93 – 102.

2. Касимова, С.Г. Психологические условия преодоления комплекса коммуникативной некомпетентности учителей: специальность 19.00.07 «Педагогическая психология»: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Касимова Светлана Геннадьевна; Курский государственный университет. – Киров, 2008. – 254 с.

Сокольская Т.И., канд. биол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк, Россия

ГЛУБИННЫЙ СМЫСЛ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация

В статье показан глубинный смысл формирования цифрового общества в целом и цифровизации образования в частности. Раскрыта коммерческая сущность перестройки классической системы образования.

Ключевые слова: образование, цифра, цифровизация, информационные технологии.

Первые слова, которые были написаны на славянском языке и славянскими буквами, благодаря святым равноапостольным Кириллу и Мефодию, проповедникам Православия, создавшим старославянскую азбуку и церковнославянский язык, были начальные слова Евангелия от Иоанна: «Искони бе Слово, и Слово бе от Бога, и Бог бе Слово…» (Ин. 1:1)» [2, с. 21].

Изначально основой человеческой жизни было слово, человек имел в себе божественное Слово для общения с Богом. Интересно и то, что вся информация о человеке записана в ДНК с помощью «четырехбуквенного алфавита», рождающего некий текст, Слово.

В настоящий момент слово вытесняется числом, а буква, выражающая слово, – цифрой [4, с. 464]. Несомненно, что сакральный смысл слова постепенно утрачивается. Формируется цифровое общество, стержнем которого является цифра (от араб. صِفْر [ṣifr]) «нуль» (صَفْر [ṣafr] «пустой»); англ. figure, digit; лат. cifra). Если рассматривать этимологию слова «цифра», то становится очевидно, что цифровизация равнозначна обнулению в метафизическом смысле.

Началом вытеснения слова числом, а также равнозначности слова и числа, буквы и цифры можно считать время, когда появилось оккультное, эзотерическое учение в талмудическом иудаизме под названием каббала, которое иудеи переняли от халдеев в Вавилонском плену (это период до Рождества Христова, а не XII – XVI вв., как пишут официальные источники). Примерно в этот же период древнегреческий философ, математик и мистик Пифагор (570 – 490 гг. до Р.Х), по мнению некоторых исследователей основавший нумерологию, произносит: «Цифры правят миром», «Числу все вещи подобны».

Однако именно в наши дни становится совершенно очевидно, что цифру нарочито возводят на пьедестал в глобальных масштабах, что ее

из служебной единицы хотят поставить над Словом, сознательно насаждая «великую перезагрузку» и цифровой «дивный новый мир».

Под лозунгом обеспечения безопасности происходит активное продвижение программы цифровой экономики, которая направлена отнюдь не на внедрение новых технологий. Здесь цель иная – изменение сознания людей и установление новой системы цифрового и финансового контроля человека путем создания его «цифровой копии» [7, с. 116].

Цифровая эпоха уже породила цифрового человека с цифровым сознанием и мышлением. И начинается это преобразование с системы образования. Кстати сказать, только цифровое сознание могло породить такой оксюморон, как использование имен святых Кирилла и Мефодия в названии коммерческой компании, являющейся производителем мультимедийной продукции, продвигающей информационные технологии в образование.

Новый транснациональный рынок предлагает свои стандарты, инновационные проекты и замещает собой давно сложившуюся традиционную систему образования на наших глазах.

На сегодняшний день разработано и опубликовано достаточное количество официальных стратегических документов, в которых прописано, как надо перестраивать систему образования. Это реализуемые «Форсайт-проект Образование – 2030» [3], Национальный проект «Образование» [5], «Будущее образование: глобальная повестка дня» [1]. Кроме того, мы уже в реальности однозначно видим, что это не просто некие теоретические рассуждения или абстрактные планы, а однозначно методички, инструкции к действию. К сожалению, эти прописанные планы похожи на то, что принято называть антиутопиями, которые последовательно реализуются в современности [8, с. 19]. Кроме того, это было ранее описано в документах Всемирного банка и других организаций, которые давно выдвигали идею глобального образования. Здесь мы видим подстройку под меняющийся бизнес: и сегодня ключевое направление – превращение корпораций в цифровые платформы. Поэтому цифровизация и выступает неким стратегическим рычагом для этих структур – всё должно осуществляться в интересах крупного IT-бизнеса.

В этой связи становится понятно, что во всей перестройке образования заинтересован лишь один субъект, он же заказчик – IT-бизнес, который остается на данной момент в тени, скрывая таким образом диверсию под видом модернизации.

Надо понимать, что в системе образования сейчас осуществляется активный сбор данных человека. Недаром цифровую экономику назы-

вают экономикой данных. А данные, по словам пионеров цифровизации, превращаются в товар.

Открыто говорится о возможности не только сбора, но торговли большими данными. Всё это осуществляется на уровне государственно-частного партнёрства. Так, в документе «Государство-как-Платформа» (ГкП, Платформы)» [6, с. 24 и далее] прописан механизм превращения всей системы общества в крупную государственно-частную корпорацию, а затем – просто в частный ее вариант. В связи с этим любой человек представляет для этих корпораций интерес с точки зрения того, что о нем известно.

Поскольку вся информация о человеке будет на цифровой платформе, то цифровой профиль человека со временем станет играть более важную роль, нежели сам человек. Этим цифровым человеком (Homo digital) и будут управлять. И конечно, легче всего получить такую информацию с детства, начиная с детского сада и школы, когда каждый шаг ребенка, отражаясь в цифровой системе, абсолютно прозрачен. Так, создается возможность контролировать человека, начиная с детства до старости в системе цифрового паноптикума (сейчас очень актуально так называемое образование на протяжении всей жизни).

Цифровое образование является социально-политическим проектом, частью которого выступают цифровые технологии. Это механизм создания нового кастового общества по принципу селекции, который когда-то предлагали социал-дарвинизм, евгеника [7, с. 118]. Так, согласно форсайт-проекту «Образование – 2030», в ближайшие годы будет происходить сегментация образовательной системы.

Предполагается, что для каждого обучающегося будут создаваться индивидуальные «образовательные траектории», выстраиваемые для каждого ученика на основании технологического интеллекта. Таким образом, каждый ребенок будет двигаться по своему собственному руслу в соответствии со своими способностями, талантами, одаренностями, определяемыми искусственным интеллектом. А далее после доведения этих способностей до товарного вида и формирования реестра одаренных и неодаренных лиц хозяева цифровой системы будут определять, как это можно использовать в своих целях.

Следовательно, сегодня один из главных товаров – талант, о чем откровенно говорится в докладе П. Лукши «Будущее образования: глобальная повестка». Там можно найти рассуждения на тему развития «биржи образовательных возможностей и талантов» как инструмента инвестиций в образование [1, с. 23, 45]. При этом каждый родитель, конечно же, заинтересован в том, чтобы его чадо попало в реестр одаренных, поскольку сейчас главная установка общества – сделать успешную карьеру. Однако фактически таким образом происходит

продажа ребенка, поскольку судьбу последнего будут определять не родители, а заложенный в цифровую платформу машинный алгоритм. Стоит отметить, что талант и одарённость могут развиваться только в условиях общего и нравственного развития. Талант формируется в коллективе, содружестве, развитие происходит только в общении с другим человеком, а на практике мы видим активное внедрение информационных технологий, погружение в виртуальные миры, использование геймификации. Так происходит перестройка сознания ребенка под алгоритм машинного действия в противодействие развития в общении с другим человеком. Более того, талант может раскрываться поздно, поэтому ключевой ошибкой является ранняя профориентация, которую сейчас мы видим наглядно на практике.

Таким образом, на наших глазах в рамках глубинной цифровизации (через глобальную замену слова цифрой) происходит трансформация системы обучения, уничтожение классической педагогики, да и по сути всего культурного наследия человечества. Это откровенное разрушение под видом модернизации осуществляет в коммерческих интересах главный заказчик цифрового общества – IT-бизнес. Цифровое образование, как социально-политический проект, является механизмом создания нового кастового общества. На основе слома и последующей ликвидации традиционных моделей образовательной системы с детства меняется сознание, внедряются иные стандарты мышления и поведения человека.

Список цитируемой литературы:

1. Будущее образования: глобальная повестка / Сост. Лукша, П., Песков, Д. URL: https://vbudushee.ru/

upload/iblock/f47/f47425d3a3eeae0b4d37ce157f622aea.pdf. (дата обращения: 20.04.2024).

2. Голубинский, Е.Е. Святые Константин и Мефодий, первоучители славянские: [речь, произнесенная в торжественном собрании Московской духовной академии 6 апреля 1885 г. проф. Е. Голубинским] / Е.Е. Голубинский. – М.: типография М. Г. Волчанинова (б. М. Н. Лаврова и К°), 1885. – 69 с.

3. Дорожная карта «Образование – 2030». URL: https://asi.ru/upload_docs/Forsight/edu2030print_3364x1189.jpg (дата обращения: 20.04.2024).

4. Катасонов, В. В начале было слово, а в конце будет цифра / В. Катасонов. – М., 2018. – 1127 с.

5. Национальный проект «Образование». URL: https://edu.gov.ru/national-project (дата обращения: 20.04.2024).

6. Петров, М. Государство как платформа – (кибер)государство для цифровой экономики – цифровая трансформация / М. Петров, В. Буров, М. Шклярук., А. Шаров. – М., 2018. – 53 с.

7. Сокольская, Т.И. Опасность проекта цифровизации образования / Т.И. Сокольская, Ю.В. Миронова // Цифровые трансформации в развитии экономики и общества. – Липецк, 2021. – с. 122 – 129.

8. Четверикова, О.Н. Трансгуманизм в российском образовании. Наши дети как товар / О.Н. Четверикова. – М.: Книжный мир. – 2021. – 384 с.

9. Четверикова, О.Н. Диверсия под видом модернизации / О.Н. Четверикова // Свободная мысль. – 2018. – № 4 (1670). – С. 61 – 74.

Фурсов Д.А., студент
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия
Кондратьев А.С., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия

ДУХОВНЫЙ ОПЫТ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ Н.С. ГУМИЛЕВА В КОНТЕКСТЕ «БОЛЬШОГО ВРЕМЕНИ» РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация

Проблема понимания русской классики в контексте духовной традиции отечественной культуры предполагает освоение историко-литературного процесса и расширение представлений о творческой индивидуальности авторов, в освещении наследия которых проявился догматизм. Гумилев, причисляемый к поэтам Серебряного века, в своих творческих исканиях продолжает художественную традицию классики в освещении духовного опыта героя, освоенную с учетом влияния модернистских направлений, преломлённых в отечественной словесности. Так что в духовном опыте героя поэта прослеживается влияние христианской аксиологии.

Ключевые слова: Н.С. Гумилев, лирический герой, Серебряный век, акмеизм, духовная традиция, отечественная культура, христианская аксиология, большое время.

Творчество Н.С. Гумилева, обосновавшего художественное обновление символизма *вещностью* акмеизма, с его эстетической доминантой «живой земле пропеть хвалы, отбрасывая праздность "тайн", разоблачая эти тайны» [6, с. 317], по научной традиции принято огра-

ничивать в исследовательских практиках и читательском восприятии мировоззренческими параметрами и пластикой словесного воплощения замыслов, присущих Серебряному веку. Становление литературоведческой аксиологии, фокусирующей взгляд на соотношение методологии описания с ценностными ориентирами предмета освещения, «православной христианской основы русской культуры» [9, с. 380], выявляет смысловую дистанцированность от историко-литературного материала выводов о художественных исканиях авторов. В свете подобного научного подхода, игнорирующего духовную традицию художественных исканий в контексте национального самосознания и «большого времени» отечественной культуры, духовная традиция, на правах термина в научном аппарате, понимается как «осмысление христианской сущности человека и православной картины мира в литературе, имеющее трансисторический характер» [8, с. 254], что напрямую и восходит к «большому времени» отечественной культуры, когда произведения классики «обогащаются новыми значениями, новыми смыслами <…>, как бы перерастают то, чем они были в эпоху своего создания» [1, с. 331]. Актуальность предпринятого нами исследования обусловлена проблемой расширения и углубления стереотипных представлений о духовном опыте лирического героя Н.С. Гумилева, укорененного в православном миропонимании. Д. Грачева отметила широту мировоззренческого и поэтического горизонта в творческом сознании Н.С. Гумилева: «Будучи порожден Серебряным веком, поэт не растворяется в философии времени – периоде надрыва, господства пессимизма, дионисийского хаоса» [2, с. 169].

В данной статье мы ставим цель расширить представление о художественном мире Н.С. Гумилева, творчество которого выходит за рамки мировоззренческих исканий и эстетики Серебряного века. Следует отметить, что наряду с поиском новых форм и смыслов искусства, в споре с русской классикой авторское сознание поэта отличается доверием к исконным ценностным ориентирам национального самосознания и христианской культуры. В связи с указанной целью мы ставим задачи – *освоить художественное преломление* в освещении духовного опыта лирического героя Н.С. Гумилева оппозиции Закона и Благодати как основных категорий мировосприятия православного народа, а также мы предполагаем осветить итоги духовной биографии лирического героя Н.С. Гумилева, поэта и воина, прошедшего сложный путь к обретению духовной состоятельности. Для достижения поставленной цели и решения задачи мы используем такие методы, как культурно-исторический, историко-функциональный, описательный и сравнительный.

Кризис духовных доминант рубежа XIX-XX вв., обусловленный тенденцией безблагодатного влияния на культурную традицию нравственных установок на *законничество*, оказал влияние на художественные искания отечественных литераторов. Л.Н. Толстой резко осудил модернизм и декадентство в литературе, отвечая в 1908 г. на письмо ученика 7 класса кадетского корпуса, пытавшегося разобраться, новое ли слово «декадентство» или же кризис: «<…> разумеется, упадок, и тем особенно печальный, что упадок искусства есть признак упадка всей цивилизации» [13, с. 67].

Творчество Н.С. Гумилева, одного из лидеров декадентских настроений, вопреки рационально выверенным новым нравственно-этическим ориентирам, тяготеет к духовной традиции русской культуры, укорененной в христианском миропонимании, что и нашло свое отражение в стихотворении «Шестое чувство», подводящем итоги личностного становления поэта и его лирического героя:

Так, век за веком – скоро ли, Господь? –
Под скальпелем природы и искусства,
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства [4, с. 429].

Если «Шестое чувство» Н.С. Гумилева создано в 1920 году, в самый разгар гражданской войны и на жизненном перепутье автора, то стихотворение «Христос» относится еще к 1910 году, когда Гумилев идет под венец с Анной Ахматовой и его герой переживает обретение гармонии отношений с миром и окружением. Сюжет стихотворения выстроен как встреча мирян с Мессией, Который наставляет их отложить дела ненужные, земные заботы, и просвещать *страждущих* и *жаждущих*, сошедших с праведного пути, избранного поэтом с надеждой на семейное счастье:

Лучше ль рыбы или овцы
Человеческой души?
Вы, небесные торговцы,
Не считайте барыши! [4, с. 133]

Мессия обещает даровать *рыбаку и пастырю*, которые заняты на *законническом* поле самоопределения «ненужным», – место в Раю, если они станут «небесными торговцами» и будут следовать Христовым заповедям: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8) – и распространять светлое учение Христа, а в награду за спасение душ своих, а также и других, – места в райских садах, как грядущее и представилось герою поэта. Так же, в святозарном сиянии, и в поэме Ивана Карамазова «Великий инквизитор» Христос проходит по земле: «Солнце любви горит в его сердце, лучи Света, Просвещения и Силы

текут из очей его и, изливаясь на людей, сотрясают их сердца ответною любовью» [5, Т. XIV, с. 227]. Творческое сознание Ф.М. Достоевского укоренено в христианской традиции национального самосознания, что отразилось и на миропонимании даже одного из главных героев романа «Бесы» – Николая Ставрогина. Шатов напомнил ему о выборе между истиной и Христом: «Не вы ли говорили мне, что если бы математически доказали вам, что истина вне Христа, то вы бы согласились лучше остаться со Христом, нежели с истиной?» [5, Т. X, с. 198], чем и объясняется исповедь Николая Ставрогина как нераскаявшегося грешника. Ф.М. Достоевский в преддверии роковых испытаний цивилизации на культурно-историческом переломе в «Записных тетрадях» 1864 – 1865 гг. отметил, что нравственная опора для человечества – это христианство: «Если б не указано было человеку в этом его состоянии цели <…>, он бы с ума сошел всем человечеством» [5, Т. XX, с. 192]. В духовном опыте поэта Н.С. Гумилева и его лирического героя, как и было предопределено в черновых набросках Ф.М. Достоевского к статье «Социализм и христианство», со всей *очевидной неочевидностью* прослеживается доверие к христианской аксиологии в контексте духовной традиции отечественной культуры.

Методологические положения, выдвинутые в работах И.А. Есаулова, позволяют отследить и понять преломление духовной традиции в отечественной литературе, в том числе и в творческих исканиях Н.С. Гумилева: «Присутствіе в произведеніи культурной памяти может быть опредѢлено какъ традиція. Осмысленіе в художественномъ творчествѢ христіанской сущности человѢка и христіанской картины міра свидѢтельствует о собственно христіанской традиціи» [7, с. 468]. И несмотря на то что лирический герой Н.С. Гумилева вступает в диалог с «темным миром», когда он обращается к потустороннему другу: «Люцифер распахнул мне ворота во тьму / Люцифер подарил мне шестого коня» [4, с. 78], что символично, ибо восходит к Откровениям Иоанна Богослова: «<…> сочти число зверя <…> шестьсот шестьдесят шесть» (Откр. 13:18). И вместе с тем лирический герой поэта ощущает спасительное влияние на становление человека Святого Духа: «Все это с кисти достохвальной / Андрей Рублев мне начертал, / И этой жизни труд печальный/ Благословеньем Божьим стал» [4, с. 298]. Библейская Юдифь в творческом сознании Н.С. Гумилева совершает отнюдь не подвиг, избавляя свой народ от поработившего его Олоферна, а воистину сатанинское кощунство и злодеяние:

Иль может быть, в дыму кадильниц рея
И вскрикивая в грохоте тимпана,
Из мрака будущего Саломея
Кичилась головой Иоканаана [4, с. 253].

Однако все же Н.С. Гумилев сохранил доверие к исконным для сознания православного народа ориентирам, что нашло свое отражение в преемственности мировосприятия поэта и художественного наследия отечественной словесности:

Я – угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле,
Я возревновал о славе Отчей,
Как на небесах, и на земле [4, с. 416].

Н.С. Гумилев, лидер акмеизма, с присущей ему *вещностью* воплощенных в искусстве картин жизни особо выделял в культуре феномен *зодчества,* способного представить душевные проявления освобожденными от загадочных символов. В «Африканском дневнике» он вспоминает о величественности византийской Софии: «Ни колонн, ни лестниц или ниш, <…> Чудится, что архитектор задался целью вылепить воздух <…> Узкие простенки поддерживают купол, давая впечатление, что он легок необыкновенно» [3, с. 57].

В творческом сознании Н.С. Гумилева «Путь» в мир горний для *страждущих* и *жаждущих* открывает поэт, наделенный даром пророческого мировидения, что напрямую указывает на высокое предназначение поэта, освоенное русской классикой:

Ни шороха полночных далей,
Ни песен, что певала мать, –
Мы никогда не понимали
Того, что стоило понять.
И, символ горнего величья,
Как некий благостный завет,
Высокое косноязычье
Тебе даруется, поэт [4, с. 277].

Для Н.С. Гумилева «благостным заветом» поэту является не *сладкопевство,* а его «высокое косноязычье», осваивающее драматические коллизии становления человека на культурно-историческом перепутье и способное воплотить трагическую неоднозначность нравственно-социальных реалий действительности. Также и в художественном мире А.С. Пушкина Поэту, как всевидящему пророку, предначертано высокое призвание, что свидетельствует о продолжении художественной традиции русской классики Н.С. Гумилевым, поэтом Серебряного века:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв [12, с. 389].

Как ни *метался* Н.С. Гумилев и его лирический герой в поисках духовного пристанища: «И я верю, верю, за что же / Тебя не видит мой взор?» [4, с. 276], совершая нравственный выбор ценностных ориентиров, проходя тернистый путь от законнических – до благодатных, в его духовном опыте и творческом сознании, безусловно, прослеживается преломление христианской доминанты национального мировосприятия:

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это – Бог.
Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества.
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова [4, с. 420].

Н.М. Иванова актуализировала воплощенное в стихотворении Н.С. Гумилева «Слово» доверие героя к исконным для сознания православного народа христианским ориентирам: «<…> Н. Гумилев ведет речь <…> о слове поэта, которое он обожествляет. Слово, по Гумилеву, – это божественный материал. Он, как поэт, работает со словом и таким образом служит Богу <…> Душа художника, лишенная божественного огня – пустая душа, она уподобляется опустелому улью» [11, с. 109].

Освоение на методологических основаниях современной историко-литературной науки творческого наследия Н.С. Гумилева, обращающегося к поколениям грядущим, убедительно свидетельствует о художественном преломлении в авторском сознании поэта христианской составляющей отечественной культуры. И как истинный акмеист, Н.С. Гумилев воспринимает мир земной как Богом не забытый:

Храм Твой, Господи, в небесах,
Но земля тоже твой приют.
Расцветают липы в лесах,
И на липах птицы поют.

Точно благовест Твой, весна
По веселым идет полям,
А весною на крыльях сна
Прилетают ангелы к нам [4, с. 320].

Ю.В. Зобнин, анализируя лирику поэта и эволюцию его мировосприятия на культурно-историческом перепутье России, делает вывод о христианской доминанте, как *неугасимой лампаде* в творческом сознании поэта: «<…> нашел в себе силы удержаться от увлекательных интеллигентских "богословских изысканий" <…> пафос "богопознания" сменяется в его творчестве пафосом "смиренномудрия"» [10, с. 135]. Таким образом, несмотря на стереотипные суждения, сводящиеся к констатации исключительно *декадентских* особенностей творческой манеры и *антихристианских* взглядов Н.С. Гумилева, мы склонны к утверждению, что христианская составляющая проявляется в духовном опыте лирического героя поэта. И поэтому Н.С. Гумилев не может быть ограничен в «большом времени» духовными и художественными рамками Серебряного века, но во многом продолжает традиции отечественной классики, укорененной в христианском мировосприятии русского народа.

Список цитируемой литературы:

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
2. Грачева, Д. «Не забыли мы, что осиянно только слово…» (философия культуры Н. Гумилева) / Д. Грачева // Подъем. – 2006. – №7. – С. 169–176.
3. Гумилев, Н.С. В огненном столпе / Н.С. Гумилев. – М.: Советская Россия, 1991. – 412 с.
4. Гумилев, Н.С. Избранное / Н.С. Гумилев / Сост., вступ. ст., примеч. Л.А.Смирновой. – М.: Советская Россия, 1989. – 432 с.
5. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 1–30 / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972–1990.
6. Дунаев, М.Н. Православие и русская литература. В 6-ти частях. Ч. V / М.Н. Дунаев. – Издание второе, испр., доп. – М.: Христианская литература, 2003. – 784 с.
7. Есауловъ, И.А. Пасхальность русской словесности / И.А. Есауловъ. – 2-е изд., доп. – Магаданъ: Новое Время, 2020. – 480 с.
8. Есаулов, И.А. Духовная традиция / И.А. Есаулов // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – С. 254 – 256.
9. Есаулов, И.А. Литературоведческая аксиология: опыт обоснования понятия / И.А. Есаулов // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. – С. 378–383.
10. Зобнин, Ю.В. Николай Гумилев / Ю.В. Зобнин. – М.: Вече, 2013. – 480 с.

11. Иванова, Н.М. «Слово» Н.С. Гумилева: поэтические и Библейские смыслы / Н.М. Иванова // Вестник Костромского ГУ им. Н.А. Некрасова. – Т. 14. – 2008. – №2. – С. 106–109.

12. Пушкин, А.С. Собрание сочинений в 5 томах / А.С. Пушкин. – Т.1. – СПб: Библиополис, 1993. – 600 с.

13. Толстой, Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / Л.Н. Толстой. – Т.78. – М.: ГИХЛ, 1956. – 458 с.

Черноусова И.П., д-р филол. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», Липецк, Россия

ЯЗЫК РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Аннотация

В статье рассматривается язык русского фольклора как сложный, многомерный феномен культуры: одновременно диалектный и наддиалектный. Он диалектен, поскольку языковой основой фольклорного произведения служит диалект, и наддиалектен – в силу абстрагирования от узколокальных и разговорно-речевых элементов, главным образом потому, что выполняет свойственные ему эстетические функции благодаря наличию в нем развитой системы изобразительно-выразительных средств, фольклорных формул и текстообразующих моделей. Язык фольклора представляет собой явление, диалектное по языковому материалу, но наддиалектное по способам организации этого материала.

Ключевые слова: язык фольклора, культура, лингвофольклористика, изобразительно-выразительные средства, фольклорные формулы, текстообразующие модели, фольклорно-языковая картина мира.

Культура (от лат. cultura – возделывание, воспитание) в широком смысле – совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни, все то, что создано физическим и умственным трудом людей. К числу явлений, в которых находит выражение культура, принадлежит, будучи созданием общества, и язык. Его характеризует двоякое отношение к культуре. С одной стороны, язык представляет собой ее орудие, поскольку служит материалом, способом существования большинства форм духовной культуры. В то же время язык – это и продукт культуры, ибо его состояние, уровень развития находятся в непосредственной связи с уровнем культуры народа, общества. При этом сущность языка как культурного феномена наиболее ярко выражается в его регламентиро-

ванных формах. К формам существования языка, подвергшихся обработке, относятся литературный язык и язык фольклора – одна из наиболее древних регламентированных языковых форм: если литературный язык в его генетически исходном письменном воплощении сложился у славян в IX – X вв., в эпоху становления классового общества и государства, то фольклорно-языковой строй использовался ими уже на ранних этапах родового общества. И если обработка основ литературного языка в процессе его становления и первоначального развития велась с целью создания эффективного средства общения на расстоянии и во времени, то создание явления, именуемого языком фольклора, было направлено на удовлетворение прежде всего эстетических запросов народа. Это обстоятельство обусловило во многом специфические способы и результаты его обработки. Укажем основные направления, по которым осуществлялась обработка языковых основ устного народного творчества.

Впервые вопрос о языке фольклора как о регламентированном явлении был сформулирован основоположниками лингвофольклористики А.П. Евгеньевой и И.А. Оссовецким в 40 – 50-е годы XX в. [5; 8, с. 172-192]. Стремясь определить природу фольклорно-языкового строя и его место в русской общеязыковой системе, ученые высказали мысль о диалектной базе народной словесности: певец, сказитель творит былину, песню, сказку, пользуясь материалом местного говора. Так возникло положение о том, что язык фольклора представляет собой «диалект в его художественной функции» [8, с. 190]. В то же время ученые не могли не заметить, что языковые основы народного творчества характеризуются существенными «выходами» за пределы системы отдельного говора, что на различных диалектных территориях им свойственно значительно большее единство, чем диалектам. Таким образом, язык фольклора, будучи связан с системой того или иного говора, в то же время обладает и свойством наддиалектности. По мнению А.П. Евгеньевой, справедливо увидевшей в этом свойстве результат обработки фольклорно-языкового строя под эстетическим углом зрения, народные мастера, создавая фольклорное произведение, отвлекаются от узколокальных черт в системе местного говора и отбирают из нее общеязыковые и общедиалектные элементы [5, с. 17]. Наддиалектность языка фольклора оказывается результатом его эстетически направленной обработки в плане отбора из материала говора типических, наиболее ярких, художественно совершенных общеязыковых и общедиалектных единиц.

Обработка фольклорно-языкового строя осуществлялась народными мастерами не только путем отвлечения от узкотерриториальных элементов в системе местного говора и ориентации на ее общеязыко-

вые и общедиалектные черты, но также в направлении преобразования структурно неполного и спонтанного строя разговорной диалектной речи в строй, обладающий качествами структурной полноты и предуготовленности.

Формирование у языка фольклора этих качеств также сыграло известную роль в приобретении им наддиалектного характера. Но это наддиалектность иного, более универсального типа, чем та, которая обусловливается ориентацией певцов и сказителей на общие элементы и черты в системах народных говоров, ибо она выводит фольклорно-языковой строй не за пределы отдельного диалекта, а за пределы общих структурных основ разговорной диалектной речи в целом.

Но если структурная полнота и предуготовленность как свойства, обеспечивающие использование языка в художественной функции, являются общими для языка фольклора и литературного языка, то само использование языкового материала в этой функции зиждется в них на совершенно различных, диаметрально противоположных принципах.

Эстетически направленное употребление средств литературного языка в современной художественной литературе осуществляется на основе производимого писателем или поэтом индивидуального отбора из его системы и синтеза языковых единиц (с привлечением единиц и из других сфер языка). Художник слова выбирает из языковой сокровищницы такие слова и сочетает их таким образом, что между ними в тексте произведения возникают особые, нестандартные смысловые связи, которые обогащают семантическую сторону этих слов «новыми осмыслениями или смысловыми приращениями» [4, с. 74]. Например, существительное *хоровод* имеет значение «старинный массовый народный танец у славян, сопровождаемый песнями и драматическими действиями». Народная игра у русских и других славян, участники которой ходят по кругу с пением и плясками [8, с. 386]. В поэтическом же контексте романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» это существительное приобретает новый, метафорический, смысл – «звездный покров ночного неба»:

Она любила на балконе
Предупреждать зари восход,
Когда на бледном небосклоне
Звезд исчезает ***хоровод.***

В подобных случаях эстетические качества языковых элементов возникают на основе их сочетания друг с другом в художественном произведении.

Художественно-экспрессивные свойства фольклорно-языкового строя основываются на принципиально ином факторе: народная сло-

весность располагает арсеналом особых языковых элементов, которые сами по себе, a priori, независимо от контекста имеют эстетический заряд, т.е. являются художественно маркированными. Иными словами, не контекст устно-поэтического произведения сообщает подобным элементам эстетические качества, а, наоборот, они сами наделяют фольклорный текст этими качествами. Такие элементы именуются изобразительно-выразительными средствами языка фольклора. К ним относятся сочетания с постоянными эпитетами *(добрый молодец, красна девица, чистое поле, синее море, травы шелковые, цветы лазоревые, красно солнце, светел месяц, часты звезды, гусли звончатые / яровчатые),* композиты: репрезентативные пары *(батюшка-матушка, калина-малина, хлеб-соль, мед-пиво, род-племя, гуси-лебеди, злато-серебро)* и синонимические сочетания *(путь-дорога, краса-баса, честь-хвала, рать-сила, грусть-тоска, холост-неженат, знаю-ведаю, пировать-столовать, безданно-беспошлинно),* тавтологические сочетания *(сослужить службу, думать думу, делать дело, сказывать сказку, пир пировать, загадать загадку, шутки шутить, заснуть непробудным сном, светлая светлица, темная темница, вольная волюшка, чудо чудное, диво дивное, видом не видать, слыхом не слыхать, жить-поживать душа в душу, просить прощения, петь песни, ночевать ночь, подпись подписана, торг торговать, завещать завет),* полипрефиксальные глаголы *(испроговорить, призадуматься, принаполниться, повыехать, порасхвастаться, распотешиться, снаряжаться),* паратактические конструкции *(петушок-золотой гребешок, девица-краса-русая коса),* конструкции с параллелизмом и мн. др.

Существование в арсенале народного творчества таких эстетически маркированных языковых средств представляет собой наиболее яркое проявление предуготовленности фольклорно-языкового строя и обнаруживает еще одно направление его обработки. Эти средства стали предметом внимания ученых в XIX в.: Ф. Миклошича, Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, А.Н. Веселовского и др.

Укажем основные пути, по которым шло формирование этих средств.

1. Использование архаических элементов. Устаревшие слова в языке фольклора подверглись переосмыслению под эстетическим углом зрения и наделились определенными художественными функциями. В этом отношении весьма показательно использование в стихотворных жанрах фольклора кратких прилагательных в роли определения. Давно утраченные в этой роли другими сферами русского языка, они широко представлены в песне, былине, плаче-причитании как средство создания ритма, рифмы, аллитерации, ассонанса:

Дробен *дожжик плечи льет,*
Красно *солнце лицо жжёт,*
А ***буен*** *ветер шляпу рвёт* [10, № 48].

2. Переосмысление, а в ряде случаев также и преобразование в художественно-экспрессивные элементы фольклорно-языкового строя общеязыковых и разговорно-речевых единиц. Ярким примером может служить специфическое использование в произведениях народной словесности суффиксов субъективной оценки. За пределами устного народного творчества они используются, чтобы выразить отношение говорящего к называемому. В фольклоре суффиксы, о которых идет речь, были осмыслены как средство художественной характеристики персонажа, и с этой целью они вводятся не только в его имя или название, но и в наименования относящихся к нему предметов и явлений, реалий, находящихся в сфере его деятельности. Например, с помощью суффиксов субъективной оценки в лирической песне создается положительный образ замужней женщины:

Как по ***сеничкам, сеничкам***
Да по частым ***переходичкам***
Да тут и ходила, гуляла
Да молодая боярыня…
Вот уж Марья Ивановна.
Она на ***ножечках*** *ходила,*
Она на ***ручушках*** *носила*
Она два блюда серебряные,
Она на ***блюдечках*** *держала*
Она два яхонта серчатые… [10, № 308].

Сравните: с помощью суффиксов с отрицательной экспрессивной нагрузкой изображается поганое Идолище в былине:

Как я-то еще ведь Идолищо
А росту две сажени печатных,
А в ширину-то ведь сажень была печатная,
*Г****оловищо*** *у меня да что люто* ***лоханищо,***
Глазища *у меня да что пивныи* ***чашища,***
Нос-от ведь на рожи с локоть бы…
Хватил как он ***ножищо*** *тут* ***кинжалищо****…* [6, № 48, с. 432].

Статус изобразительно-выразительных средств путем переосмысления под эстетическим углом зрения в фольклоре могли приобретать не только общеязыковые единицы, но и специфические элементы построения разговорной речи. Свидетельством этого может служить, например, использование паратактических конструкций, которые в

фольклоре послужили структурной основой становления и реализации двух художественных приемов. С одной стороны, отсутствие в таких конструкциях показателя грамматической зависимости существительного, обозначающего признак предмета, от слова, называющего сам предмет, было использовано здесь в качестве способа автономизации художественного признака, его выделения, подчеркивания. Так возникли *петушок-золотой гребешок, девица-краса-русая коса.*

С другой стороны, паратактические конструкции разговорной речи послужили одной из структур, на базе которых в народной песне сложился и в которых воплощается композиционный прием ступенчатого сужения образов. Суть этого приема состоит в том, что художественные образы следуют один за другим в направлении от образа, содержательно наиболее масштабного, к образу, более узкому, но эстетически наиболее значимому. Характерная смысловая особенность паратактических конструкций – движение мысли от целого к части (т.е. сужение объема содержания) послужила основой для формирования рассматриваемого приема:

– Ой, **девушка** красная,
Головушка гладкая,
Коса заплетенная,
Замуж сговоренная!
[10, № 154].

Ён приехал-то во славный стольнёй ***Киев град***
А ко славному ко князю на ***широкой двор****…*
Сам идет он во ***полаты белокаменны,***
Проходил он во ***столовую*** *во* ***горенку***
[6, № 74, с. 14].

Е.Б. Артеменко выделила три типа функций, которые выполняют изобразительно-выразительные средства в фольклорном тексте: «технические», семантические и стилеобразующую [2, с. 94 – 96].

«Технические» функции – это функции создания в стихотворном фольклоре ритма, рифмы и таких сопутствующих явлений, как аллитерации, ассонанса и др. На выполнении этой функции специализированы краткие атрибутивные прилагательные *(сине море, буен ветер, буйна голова, родна дочка, добра молодца, ала лента* и т.д.), нестяженные формы полных прилагательных *(добрыих, пьяным),* инфинитив на *-ти,* полипрефиксальные глаголы, использование частиц *да, ох, как* и др. Семантические функции определяются участием изобразительно-выразительных средств в создании фольклорно-языковой картины мира – одного из воплощений картины мира традиционной народной культуры.

Центральное место среди изобразительно-выразительных средств языка фольклора, выполняющих семантические функции, занимают фольклорные формулы – устойчивые языковые образования, являющиеся носителями и проводниками традиционных культурных смыслов, которые становятся содержательными константами фольклорной картины мира. Например, красота выражается с помощью сказочных формул: *«ни в сказке сказать, ни пером описать», «ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать», «в белом свете не видать, во всем царстве не сыскать», «видно, как мозжечок из косточки в косточку переливается»*; награждение, от которого отказывается богатырь в былине, – формулой *«злато-серебро, каменья драгоценные, города с пригородками, села со приселками, деревни со крестьянами, золотая казна».*

Из фольклорных формул состоят текстообразующие модели, представляющие собой «логико-семантическую схему, которой регламентируется и на основе которой осуществляется воспроизведение соответствующей ситуации в тексте» [3, с. 149]. Е.Б. Артеменко выявила в былине две таких модели: модель дороги и модель акциональной ситуации, или акциональную модель [Там же, с. 150-169]. К ним относится также диалоговая модель – «унифицированный структурно-семантический образец построения цепочки взаимосвязанных формульных диалогов, характеризующихся традиционным содержанием и устойчивой структурой» [11, с. 16].

Таким образом, язык фольклора представляет собой сложный, многомерный культурный феномен: «явление, диалектное по материалу, но наддиалектное по способам организации этого материала» [1, с. 115]. Первый, базовый, слой образует языковая система диалекта с ее узколокальными, общедиалектными и общеязыковыми явлениями. Второй слой составляет континуум характерных устно-разговорных образований, свойственных диалектной речи как речи разговорного типа. Третий слой составляет универсальная система художественно специализированных изобразительно-выразительных языковых средств, фольклорных формул и текстообразующих моделей. Третья из названных систем выступает по отношению к первым в виде своеобразной надстройки. В фольклорном произведении все эти системы взаимодействуют, образуя органический сплав.

В свете всего изложенного язык фольклора предстает перед нами как одновременно диалектный и наддиалектный культурный феномен.

Список цитируемой литературы:

1. Артеменко, Е.Б. Еще раз о диалектном / наддиалектном характере языка русского фольклора / Е.Б. Артеменко // Филологические за-

писки. Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 3. – Воронеж: ВГУ, 1994. – С. 106 – 116.

2. Артеменко, Е.Б. К вопросу о специфике и типологии экспрессивно-языковых средств русского фольклора / Е.Б. Артеменко // Фольклор и литература: проблемы изучения. Сборник статей. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 87 – 98.

3. Артеменко, Е.Б. Движение, пространство, время, событие в былинном эпосе / Е.Б. Артеменко // Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира. – Воронеж: ВГПУ, 2004. – С. 143 – 169.

4. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М.: АН СССР, 1963. – 255 с.

5. Евгеньева, А.П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII – XX в.в. / А.П. Евгеньева – М.,Л.: АН СССР, 1963. – 346 с.

6. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3-х томах. – Изд. 4. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949 – Т. I – 736 с.; 1950 – Т. II – 806 с.; 1951 – Т. III – 669 с.

7. Оссовецкий, И.А. О языке русского традиционного фольклора / И.А. Оссовецкий // Вопросы языкознания. – 1975. – № 5. – С. 66 – 77.

8. Оссовецкий, И.А. Язык фольклора и диалект / И.А. Оссовецкий // Основные проблемы эпоса восточных славян. – М.: АН СССР, 1958. – С. 172 – 192.

9. Словарь современного русского литературного языка: в 17 томах. / АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1965. – Т. 17 – 2128 стб.

10. Собрание народных песен П.В. Киреевского. Записи П.И. Якушкина. – Л.: Наука, 1983. – 350 с.

11. Черноусова, И.П. Язык фольклора как отражение этнической ментальности (на материале фольклорной концептосферы русской волшебной сказки и былины). – Автореферат дисс…. докт. филол. наук / И.П. Черноусова. – Елец, 2015. – 51 с.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1
ВОПРОСЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ, СОХРАНЕНИЯ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ, НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Безруких О.Е. *(Липецк, Россия)*
Возрождение Дней славянской письменности и культуры в современной России 3

Блохин В.В., *(Москва, Россия)*
Актуальность традиции....7

Курачев Д.Г., Курачева Л.Г. *(Брянск, Россия)*
Некоторые аспекты демаркации конфессионального и этнического в национальной культуре 13

Фомичев А.Н. *(Калуга, Россия)*
Жизнь и служение равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия как святоотеческое свидетельство о любви христианской....19

Харченко В.К. *(Белгород, Россия)*
Кирилл и Мефодий: насколько они актуальны в XXI веке?....24

Черных А.В. *(Липецк, Россия)*
Взгляд серболужицкой общественности в XIX–XXI вв. на кирилло-мефодиевскую проблематику в контексте межславянского взаимодействия 29

РАЗДЕЛ 2
А.С. ПУШКИН И РАЗВИТИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ, РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Арбузова В.Ю. *(Липецк, Россия)*
Прецедентные тексты как феномен русской культуры....44

Беликов И.В., Кондратьев А.С. *(Липецк, Россия)*
«Бесы» А.С. Пушкина в контексте духовной традиции и «большого времени» русской культуры....49

Гречушкина Н.В., Кудрявцева Я.А. *(Липецк, Россия)*
Прецедентное имя «Пушкин» в русской лингвокультуре 55

Попова Е.А. *(Липецк, Россия)*
А.С. Пушкин в отечественной персоносфере и проблема
формирования российской гражданской идентичности личности 63

Попова Е.А., Исмаэль М.Т. И. *(Липецк, Россия)*
Прецедентные феномены арабского происхождения в творчестве
А.С. Пушкина и русской лингвокультуре 76

Романов Д.А. *(Тула, Россия)*
Провинциальные «контексты» жизни и творчества
А.С. Пушкина: Тула (к 225-летию со дня рождения поэта) 89

Рязанцев-Седогин Г.Н. *(Липецк, Россия)*
Пушкин – наш духовный иммунитет.....96

Скорбач М.В. *(Белгород, Россия)*
Творческое воплощение героев и сюжетов литературных сказок
А.С. Пушкина русскими художниками–иллюстраторами.....101

Толмачёв А.В. *(Москва, Россия)*
Философия языка и вклад А.С. Пушкина в законопознавательные
науки 106

Чудинова Е.В. *(*Липецк*, Россия)*
К проблеме перевода поэзии А.С. Пушкина
(на примере стихотворения «К***»).....114

Шуклова Л.Г. *(Липецк, Россия)*
А.С. Пушкин – символ национальной культуры
(русские писатели и поэты о Пушкине).....118

Шурупова О.С., Шурупова А.С. *(Липецк, Россия)*
Разрыв шаблона: «Повести Белкина» А.С. Пушкина
и их воспитательное значение для современного человека.....128

РАЗДЕЛ 3
ТРАДИЦИИ КНИГОПЕЧАТАНИЯ И КНИЖНОСТИ

Зайцев Д.М. *(Минск, Беларусь)*
Особенности книгопечатания в Великом княжестве Литовском
в эпоху Возрождения.....137

РАЗДЕЛ 4
ЛИНГВИСТИКА, ЛИНГВОДИДАКТИКА

Басова М.В., Зигмантович Д.С., Леоненкова Е.Д., Селезнева А.И. *(Москва, Россия)*
День славянской письменности и культуры и День русского языка на занятиях по русскому языку как иностранному.....143

Гончарова Т.В. *(Липецк, Россия)*
Amor linguae как важнейшая особенность персоносферы отечественной лингвистики.....149

Елистратов В.С., Ковтун М.Б. *(Москва, Россия)*
Преподавание русской словесности иностранцам: разработка учебника нового поколения.....156

Клинкова Д.А., Белецкая Е.В. *(Тверь, Россия)*
Влияние фразеологизации мемов, блендинга и неологизмов на современную речевую культуру в эпоху глобальной цифровизации.....165

Ковыршина О.А. *(Липецк, Россия)*
Принципы отбора содержания проектных работ по русскому языку.....171

Кульгавчук М.В., Лыткина О.И. *(Москва, Россия)*
Культурная адаптация иностранных учащихся на уроках РКИ.....179

Петанова А.Ю., Шныптева Д.Д. *(Москва, Россия)*
Использование визуальных новелл при обучении говорению иностранных учащихся начального этапа обучения.....185

Сунцова И.А. *(Москва, Россия)*
Тексты мемуаров о выдающихся отечественных языковедах – школе.....190

Усачева О.Ю. *(Липецк, Россия)*
Аксиология коммуникативного пространства современного российского города.....196

РАЗДЕЛ 5
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ПЕДАГОГИКА

Жесткова Е.А. *(Арзамас, Россия)*
К вопросу формирования ценностных ориентаций младших школьников 201

Прибыткова А.А. *(Липецк, Россия)*
Коммуникативная некомпетентность и особенности ее проявления у учителей 206

Сокольская Т.И. *(Липецк, Россия)*
Глубинный смысл цифровизации образования 209

Фурсов Д.А., Кондратьев А.С. *(Липецк, Россия)*
Духовный опыт лирического героя Н.С. Гумилева в контексте «большого времени» русской культуры.....213

Черноусова И.П. *(Липецк,* Россия*)*
Язык русского фольклора как феномен культуры.....220

Научное издание

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник научных статей
по материалам V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием

Липецк, 24 мая 2024 г.

АНО «НАУКА-ЮНИПРЕСС»
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 2
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Усл. п.л. 14,5. Тираж 200 экз.
Отпечатано в типографии издательства
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 2